

ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1950

Агитатор Зоя Титова читает журнал колхозницам артели «1 Мая» Мало-Пургинского района, Удмуртской АССР.

Фото М. Савина

На первой и последней страницах обложки: Изыскательские работы в районе строительства Сталинградской гидроэлектростанции на Волге.

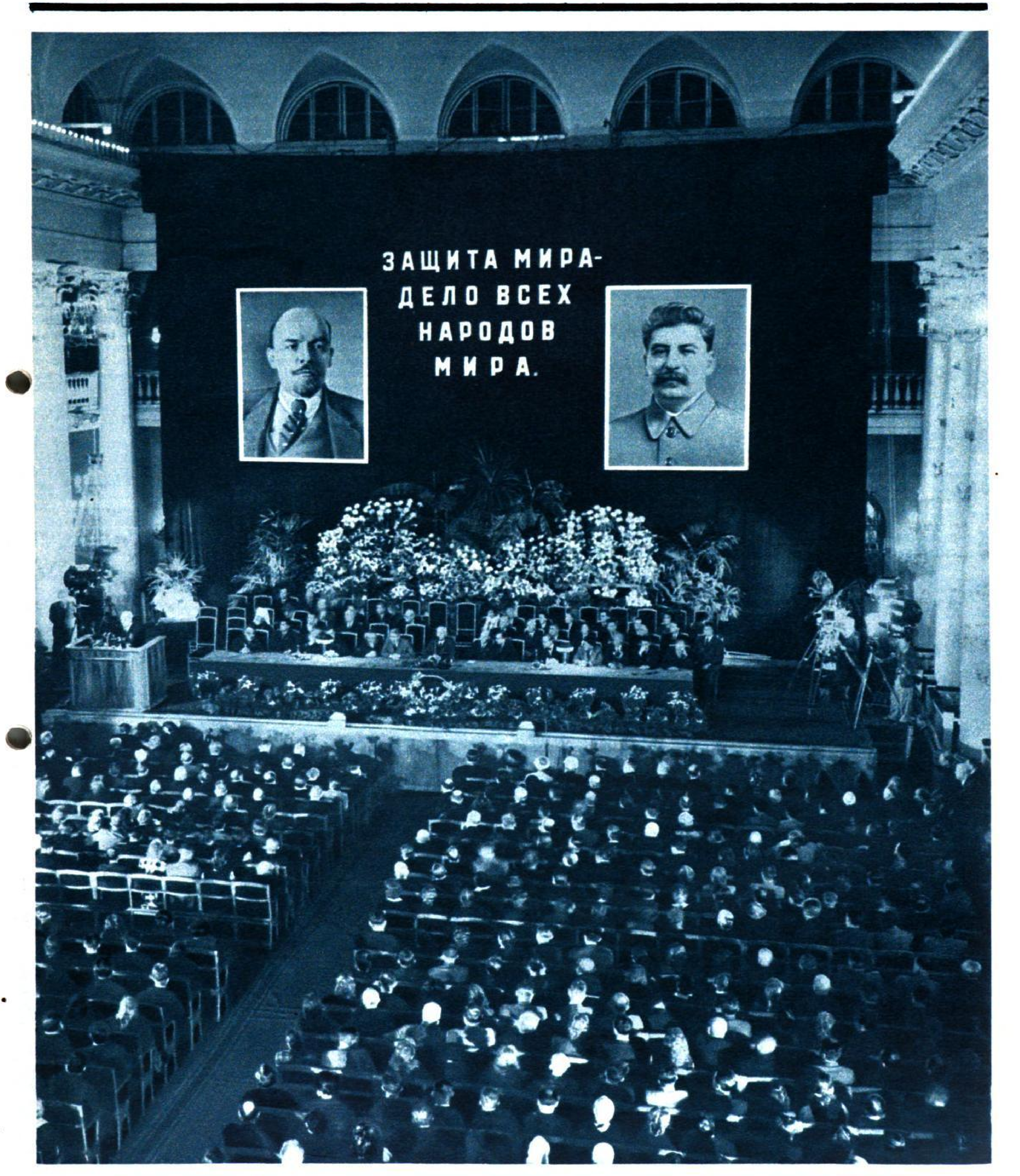
Фото Г. Зельма

ОГОНЁК № 43 (1220) 22 ОКТЯБРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В Москве состоялась Вторая Всесоюзная конференция сторонников мира. На снимке: общий вид заседания конференции.

Фото Дм. Бальтерманца

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ДВИЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Б. ПОЛЕВОЙ

Еще недавно, когда знаменитый поэт Назым Хикмет, заключенный турецким правительством в тюрьму за его пламенные свободолюбивые стихи, лежал прикованный к тюремной койке тяжелой болезнью, по Турции из уст в уста передавались его новые замечательные строки, проникнутые непобедимым оптимизмом и непоколебимой верой в победу великого мира:

...и если
За решеткой до смерти замучат меня палачи,
Все равно не умру!
Буду жить среди вас.
Буду жить —
в Поля Робсона песне,
и в звонких стихах Арагона,
в белом голубе мира,
на ваших знаменах,
в смехе докеров Франции,
славных моих сыновей,
буду жить на земле
меж людей
для людей!
В этом — сила моя.
В этом — гордость моя.
В этом — счастье мое, друзья.

Эти замечательные стихи, написанные в тюрьме больным, истощенным длительным заключением поэтом, просочились на волю сквозь толстые тюремные стены одиночки, сквозь кордоны жесточайшей цензуры. Они вырвались в большой мир. Они переведены на многие языки. И хотя Назым Хикмет в те дни не поднимался с тюремной койки, вся великая армия сторонников мира знала, что знаменитый турецкий поэт идет в ее первых рядах. И, находясь в заключении, он был активным борцом среди борцов за мир, демократию и свободу.

Движение сторонников мира — это величайшее и благороднейшее движение современности — растет и ширится. Оно охватило уже все пять материков земного шара. В него включились люди всех национальностей, существующих на нашей планете, люди разных цветов кожи, разных вероисповеданий, различных убеждений. Ежедневно в это движение вливаются новые и новые миллионы людей. Оно ширится, разливается по земному шару, как могучее вешнее половодье, и ни свирепость американской охранки, ни каннибальский террор осатаневших титовских палачей, ни драконовские законы кровавого паяца Франко, никакие в мире полицейские репрессии, никакие пограничные кордоны не в силах задержать это движение.

В авангарде движения сторонников мира стоит великий советский народ — самый сплоченный, самый могучий и самый миролюбивый народ на земле.

Взоры всех людей доброй воли с надеждой обращены на Советский Союз и на его величайшего вождя, знаменосца мира, вселившего в их сердца непоколебимую веру в правое дело борьбы за мир, за дружбу между народами, на гениального учителя и друга всех трудящихся — нашего родного Сталина.

Год, истекший между двумя всемирными конгрессами сторонников мира, был годом огромного, невиданного роста и сплочения сил мира. Стокгольмское Воззвание, этот замечательнейший документ, со всей убедительностью показало, что народы ненавидят захватнические империалистические войны, что они готовы активно и страстно отстаивать дело мира. Подписание Стокгольмского Воззвания было смотром сил мира, и смотр этот показал, что силы мира неизмеримо могущественнее сил войны, что с каждым месяцем ряды сторонников мира становятся все сплоченней, что великое желание предотвратить возникновение новой мировой империалистической войны поднимает все передовое человечество на активную борьбу с поджигателями войны.

В зале заседаний Второй Всесоюзной конференции сторонников мира.
Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

В дни подписания Стокгольмского Воззвания советские люди, как и всегда, были в передовых шеренгах борцов за мир. Мирная политика советского правительства, вытекающая из самой природы советского строя, всегда находила самую горячую поддержку миллионов тружеников социализма. Историческое заявление Верховного Совета Союза ССР о поддержке им Стокгольмского Воззвания вызвало всенародное единодушие. Все население Советского Союза, от далеких Курил до калининградского побережья Балтики, от вечно зеленых субтропиков до суровых берегов полярных морей, дружно приветствовало это историческое решение верховного органа своей страны. Под Стокгольмским Воззванием в короткое время подписались 115 миллионов 514 тысяч 703 человека — все взрослые граждане нашей страны.

С одинаковым единодушием голосовали за запрещение атомного оружия жители столиц и отдаленных аулов. Сборщики подписей забирались в глубь тайги, в пустынные пространства тундр, поднимались на неприступные горные хребты, чтобы дать возможность присоединить свой голос к могучему хору голосов сторонников мира и изыскателям из геологических экспедиций, и полярным охотникам, и пастухам, ушедшим с колхозными стадами на альпийские луга горных пастбищ. Все взрослое население нашей многонациональной страны, все советские люди единодушно одобрили мудрую сталинскую внешнюю политику своего правительства — политику мира и сотрудничества между народами; все советские люди с замечательным единодушием проголосовали за мир.

Советские люди никогда не бросали слова на ветер. Свои слова они всегда подкрепляют делами. Активно и горячо высказываясь за мир во всем мире, они подтверждают свое стремление к миру вдохновенным, творческим, подлинно социалистическим трудом, направленным на укрепление мощи советской Родины, являющейся оплотом мира на земле.

Подготовка ко Второй Всесоюзной конференции сторонников мира ознаменовалась в нашей стране новым производственным подъемом во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Становясь на вахту мира, советские люди принимали новые, бо́льшие производственные обязательства и с честью выполняли их, самоотверженным трудом своим доказывая верность делу мира.

Этот пример советских людей поднял и зажег сердца народов стран народной демократии, великого свободного Китая, миролюбие которых также вытекает из принципов и стремлений их народных государств. Десятки миллионов тружеников этих поистине свободных и подлинно демократических стран ознаменовали подготовку ко второму Всемирному конгрессу сторонников мира новым подъемом трудового соревнования, богатыми трудовыми подарками, новыми подвигами производственной доблести.

На трибуне представительница колхозного крестьянства Львовской области Герой Социалистического Труда Ульяна Ваштык.

— Выпуская сверх плана десятки тысяч метров ткани, мы знали, что ткем саван поджигателям войны,— говорила на Конгрессе сторонников мира в Румынии Мария Белан, текстильщица из города Ботошаны.

— Составы цистерн с нефтью, которые мы добыли из земли в подарок этому Конгрессу сторонников мира,— наш скромный вклад в дело борьбы с войной,— говорил плоештский нефтяник Теодор Казаку.

— Мы расписывались под Стокгольмским Воззванием не только пером, мы расписывались десятками тонн сверхпланово выпущенного металла,— рапортовал конгрессу главный прокатчик Решицкого металлургического завода Матей Бугаку...

Именно так отметили, по примеру советских людей, подготовку ко второму Всемирному конгрессу сторонников мира трудящиеся Китая, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Албании, сотни тысяч сторонников мира Германской демократической республики.

Неизмеримо сплотили свои ряды и сторонники мира в капиталистических государствах. Они не ограничились тем, что, не боясь полицейского террора, под свист и улюлюканье продажной прессы, оптом купленной американскими капиталистами, гордо и смело выражали свою ненависть к империализму, империалистической войне и свою готовность бороться за светлое дело мира.

От единодушного выражения своей воли к миру трудящиеся капиталистических стран переходят к активной борьбе против войны. Докеры западных стран отказываются разгружать корабли с американским оружием. Железнодорожники отказываются перевозить их. Простая французская женщина Раймонда Дьен бросается на рельсы, чтобы преградить дорогу поезду, груженному смертоносным грузом с окаянной маркой «Сделано в США».

Вторая Конференция советских сторонников мира проходила в грозные дни, когда восточная часть земного шара уже освещена кровавым заревом военного пожара, зажженного в Корее американскими капиталистами.

В то время, как в нашей Советской стране начался новый патриотический подъем, вызванный историческим решением советского правительства о гигантских стройках коммунизма, развертываются грандиозные работы по сталинскому плану преобразования природы и советские люди от мала до велика заняты мирными делами,— в это время весь капиталистический мир дрожит в лихорадке «холодной» войны. Американские империалисты всячески раздувают зажженное ими пламя подлой войны в Корее, стремясь перебросить огонь войны на весь земной шар. Их агенты рыщут по Европе в поисках пушечного мяса.

Председатель Советского Комитета защиты мира Н. С. Тихонов выступает с докладом «Советский народ в борьбе за мир, против поджигателей новой войны».

Но именно в эти грозные дни сотни миллионов сторонников мира во всех странах усиливают свою борьбу против поджигателей войны. Опираясь на волю своих народов, на их растущую активность в борьбе за мир, так ярко проявившуюся в дни подписания исторического Стокгольмского Воззвания, сторонники мира выдвигают новые, расширенные задачи своей борьбы.

Все люди доброй воли, все честное и трудовое человечество поддерживают требование Пражской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. От имени всего передового человечества они требуют:

запрещения атомного оружия, всеобщего сокращения вооружений и установления действенного контроля за сокращением вооружений;

осуждения агрессии и вооруженного вмешательства во внутренние дела народов;

запрещения военной пропаганды и объявления ее преступлением против человечества;

немедленного прекращения американской агрессии в Корее и вывода иностранных войск из Кореи.

Вот требования, которые единодушно поддерживают на всех национальных конгрессах сторонников мира,— прямые, ясные, благородные требования, под которыми с радостью подпишутся все люди доброй воли.

Советский народ единодушно одобряет и горячо поддерживает предложенную советскими представителями на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций «Декларацию об устранении угрозы новой войны и об укреплении мира и безопасности народов». Эти предложения полностью выражают мирные стремления нашего народа.

Могучее движение сторонников мира — величайшее движение современности — ширится с каждым днем. Силы мира, растущие и крепнущие, могущественнее сил войны. Они победят, потому что во главе этого благородного движения стоит великий, миролюбивый советский народ. Они победят, потому что знаменосцем мира во всем мире является гениальный вождь и учитель всего прогрессивного человечества Иосиф Виссарионович Сталин!

Выступает президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов.

Мирный день моего завода

Иван КОЛОДКИН,

член Исполнительного комитета Ленинградского совета депутатов трудящихся, токарь — стахановец завода имени Карла Маркса

Минувшим летом я побывал в Эстонии. Ездил туда в составе ленинградской делегации на празднование десятилетия республики. В Таллин прибыли посланцы со всех концов страны. Они встретились в гостинице, знакомились друг с другом. Я сказал, что работаю в Ленинграде, на заводе имени Карла Маркса.

Кавалер ордена «Славы» Александр Панфилов (слева) и Герой Советского Союза Александр Иванов, избранные в заводскую комиссию содействия Советскому Комитету защиты мира.

— Это тот, что бывший «Лесснер?» — переспросил москвич. — О вашем заводе в «Кратком курсе» написано...

— Завод знаменитый! — сказал украинец.

— Про этот завод,— вступил в разговор делегат Узбекистана,— хорошо знают узбеки: на Ташкентском текстильном комбинате много ваших машин.

— И у нас на фабрике они тоже стоят,— добавил мастер с Кренгольмской мануфактуры. — Между прочим, недавно приезжали к нам в Нарву ваши монтажники. Два молодых паренька...

— Наверно, Тюшков и Нефедов,— сказал я.

— Вот-вот, Нефедов и Тюшков! Замечательные ребята! Я еще не видел таких сборщиков...

Признаться, я не без гордости слушал все это. Приятно убедиться, что завод твой известен всей стране.

Мне 36 лет. Двадцать из них я работаю на заводе имени Карла Маркса. Если откинуть месяцы отпусков и выходные дни, получится, что провел я на заводе примерно 5700 дней. И хотя все вокруг знакомо мне, я каждый раз волнуюсь, испытываю чувство трепетного ожидания: что-то принесет начинающийся рабочий день?.. Так было в годы юности, когда я учился в ФЗУ, так было во время войны, в блокаду. Так и сейчас.

Ранним утром я иду на завод по проспекту Карла Маркса. Четыре десятилетия по этому же проспекту ходил на завод отец мой Никанор Ильич, фрезеровщик, одним из первых в стране награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

Вхожу в завод. Рядом со мной мои товарищи. Есть и незнакомые люди: завод пополняется кадрами. Мы расходимся по цехам.

Трудовой день начался. И сразу взят напряженный ритм, боевой темп. Даю сегодня первую партию дюралюминиевых шпуль для Смоленского льнокомбината. Работаю на высоких скоростях. До обеда еще вон как далеко, а у меня уже готовы 300 штук.

...По долгу своей депутатской деятельности мне приходится часто бывать во всех цехах и отделах. Знаю я, что делается и в литейной, и в механическом, и в кузнице, и на сборке, и у конструкторов...

В литейной над опокой склонился Саша Панфилов. Чудесный умелец! Никогда еще за все годы работы не значилась его фамилия в браковочных сводках. Но контрольный мастер Александр Иванов все же часто бывает на участке Панфилова. Контролировать тут, конечно, нечего, а вот полюбоваться есть на что: красиво работает Саша... Кроме того их объединяет общественное поручение. Оба — и кавалер ордена «Славы» Александр Панфилов и Герой Советского Союза Александр Иванов — избраны нами в заводскую комиссию содействия Советскому Комитету защиты мира.

Все заводские люди стоят на вахте мира. О некоторых из них расскажу.

В сборочном цехе вахту держат два приятеля, два комсомольца: Коля Тюшков и Коля Нефедов. Это те самые ребята, о которых говорил мне в Таллине мастер из Нарвы. Они побывали, кстати, не только в Нарве. Они монтировали наши машины в Могилеве, Ярославле, Серпухове, Раменском, на ленинградских фабриках. Сегодня они собирают очередную прядильную машину. Сто таких машин должны будем мы установить на новом текстильном комбинате в Сибири. Кто поедет туда на монтаж? Я думаю, что Тюшков и Нефедов. Они ведь наши лучшие монтажники.

На этом снимке автор письма (крайний слева) — Иван Колодкин. К нему, депутату Ленинградского совета, избиратели часто приходят прямо в цех, к станку.

В обеденный перерыв оба Николая вместе со своими товарищами слушают беседу парторга цеха Щетенкова о событиях в Корее. Беседа идет у карты. А тут же, за картой, стоят только что собранные прядильные машины. Сборщики, слушая своего парторга, чувствуют себя на переднем крае великого фронта борьбы за мир. Вахта мира приобретает для них особое значение...

В другом цехе в этот день полировщица Мария Ивановна Майкова завершила годовую норму. Среди тех, кто поздравил Марию Ивановну, был и доцент Политехнического института К. П. Баташев. Он сегодня с утра здесь, занимается с начальником цеха Петром Ивановичем Алексеевым, обучает его новому методу полировки ватерных колец.

Петр Иванович учится и на заводе и после работы. Как и большинство заводских командиров, пришедших сюда простыми рабочими, Алексеев повышает свои знания все двадцать лет работы на заводе. Подсобник Алексеев занимался на производственно-технических курсах. Токарь Алексеев закончил заводской техникум. Начальник цеха Алексеев — студент 5-го курса заочного Индустриального института, филиал которого открыт при заводе. Кроме Алексеева, в филиале обучается еще 72 человека.

Мне хотелось рассказать об одном сегодняшнем дне нашего завода. Но это не значит, что мы не заглядываем и в завтрашний день, не заботимся о нем. Зайдем туда, где больше всего думают об этом «завтра». Я имею в виду конструкторское бюро. Мы застанем здесь наших старейших конструкторов Николая Михайловича Дмитриева и Сергея Александровича Парамонова вместе с недавним выпускником Политехнического института Георгием Никандровым. Они заняты сейчас разработкой новых машин для получения льняной пряжи, искусственного волокна — машин будущего...

...Конечно, мне так и не удалось рассказать вам о всех событиях одного дня моего завода. Для этого я должен был бы повести вас с собой в партийный кабинет, где читают лекции о диалектическом материализме, на занятия кружков художественной самодеятельности, в библиотеку, в редакцию печатной газеты «Трибуна», выходящей уже 27-й год, в ремесленное училище при заводе и еще, по крайней мере, в десяток интересных мест.

Я рассказал об одном самом обыкновенном, будничном дне, и думается мне, что нет ничего прекрасней наших мирных советских будней!

Цех, целиком оборудованный машинами с завода имени Карла Маркса.

Фото Д. Трахтенберга

ВСТРЕЧИ НА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ

Л. МАЛЮГИН

Камышинцы говорят, что их большая слава началась два года назад, когда был опубликован великий план преобразования природы. Одна из восьми государственных полезащитных лесных полос пойдет от Камышина до Сталинграда. В Сталинграде и Камышине эту полосу называют первой, так как она, по призыву комсомольцев, должна быть закончена не в пятнадцать лет, а в три с половиной года. Полоса начинается километрах в восемнадцати от Камышина, у станции Петров Вал — у места, где некогда Петр I начал строить канал Волга — Иловля.

Усадьба Камышинской лесозащитной станции стоит на окраине города. Здесь все в стройке. Здание станции, напоминающее небольшой завод, уже готово — идет отделка, монтируются станки. Строятся гаражи для машин, склады для запасных частей, жилые дома, контора, столовая — все это делается с настоящим размахом, добротно. К Октябрьской годовщине все работы будут закончены, в праздник справят новоселье.

Не всегда приезжающие на трассу попадают в Камышинский опытный лесомелиоративный пункт. А поездка эта очень поучительна — как воспоминание о прошлом и прогулка в будущее! Слова «Лес в степи — это счастье» могут восприниматься, как преувеличение. Но стоит проехать хотя бы немного по степи, да еще в то время, когда дует суховей, и потом попасть в настоящий лес, чтобы почувствовать физическое ощущение счастья. Такой лес стоит под Камышином, и его зеленый шум заглушает вой суховея.

Чеховского Астрова, врача и лесовода, звали в уезде чудаком. Астров гордился своим садом и лесным питомником, но вместе с тем понимал тщетность своих одиноких усилий. Он с горечью говорил о картине «постепенного и несомненного вырождения, которому, повидимому, остается еще каких-нибудь 10—15 лет, чтобы стать полным».

Мы не знаем, где происходило действие «Дяди Вани», может быть, и в старом Камышинском уезде. Сейчас в необозримых камышинских степях можно встретить поселения, названия которых говорят о росших здесь когда-то лесах: Ольховка, Липовка, Таловка, Березовка, Дубовка.

В конце прошлого века жил в Камышине доктор Ломоносов, любитель-лесовод. Он начал с шелюгования, с закрепления песков — сажал кустарники-краснотал, а потом посадил в степи сосны. Большинство из них погибло, но некоторые сосны выжили. И сейчас они выделяются в сосновом бору, который сажал на этом месте несколько лет спустя здравствующий и поныне лесовод профессор Н. И. Сус.

Многие годы этот небольшой бор был единственным оазисом в камышинских степях. В советское время хозяйство лесомелиоративного пункта сильно увеличилось. Сейчас здесь выращивают свыше 500 видов деревьев и кустарников, семь гектаров занято садами. Пункт раздает посадочный материал колхозам и Сталинградской и соседних областей.

Насаждения пункта вошли в пору плодоношения. Их семена и саженцы окажут большую помощь в полезащитном лесоразведении. В сухих степях они обрели вторую родину: они выносят и суховеи, и палящий зной, и суровые, бесснежные зимы. Многие колхозы выращивают теперь ясень, клен, белую акацию, туркестанский вяз.

* * *

Мы выехали на трассу с восходом солнца. Лесомелиоративный пункт — великолепное заповедное место, но это все же только оазис в степи. Другое дело — лес, который протянется на 250 километров, до самого Сталинграда, а там сомкнется с другим лесом, который пойдет далее на юг, в Черкесск. По водоразделу Волги и Иловли должен пройти он и преградить дорогу на запад суховеям.

Лес этот, разумеется, еще в будущем. На трассу в Дубовский район приехали операторы «Союзкинохроники» снимать посадки. Они были разочарованы тем, что молодые дубки еле возвышались над землей. Деревца, которые лесоводы называли великолепными, достигали всего 20—25 сантиметров высоты. Такой лес, да еще на фоне окружавшей его кукурузы, был, конечно, «нефотогеничен».

Дуб первые три — четыре года растет медленно, идет в корень и лишь потом поднимается ввысь, дает «свечку». И лесоводы меньше всего смущены малым ростом деревцов, они рады тому, что дуб выжил.

Дубы растут в окружении так называемой покровной культуры кукурузы. Кукуруза защищает от сорняков, от суховеев, от палящего солнца. Початки собраны, а стебли останутся на зиму, они прикроют дубки от студеных ветров и будут задерживать снег.

— В этом году нам помогла и природа,— говорит директор Камышинской лесозащитной станции Василий Петрович Козуров. — Четыре года подряд были здесь на редкость засушливыми. А нынче перед самым посевом прошли дожди, да и летом несколько раз побаловали. Смотрите, какие дубки! Они уже крепко вцепились в землю, пошли в рост; смотрите, дали вторые отростки, то, что мы называем «ивановым побегом». И зелень хорошая, темная. Дубочки выживут, перезимуют.

Здесь очень часто — и в разговорах и на официальных совещаниях — слышишь эти ласкательные слова: дубки, дубочки!

14 мая прошлого года в торжественной обстановке были проложены первые борозды на трассе Камышин — Сталинград. И сразу же началась массовая пахота полосы. Через 11 месяцев — 14 апреля 1950 года — начался сев дуба. Эту дату можно считать днем рождения нового леса.

Посев надо было провести в кратчайший срок, за восемь дней, иначе почва высохнет под весенними ветрами, и желуди не взойдут.

На сев приехали 450 комсомольцев из Сталинграда, 500 из Камышина. Работали дружно, горячо, с подлинным энтузиазмом.

На Таловском участке мы остановились около одного места, где всходы были особенно хороши. Василий Петрович обвел кругом рукой:

— Здесь работало звено Маргариты Михайловой, с завода стеклотары. 12 девушек ее звена засеяли сто гектаров. Посев отличного качества. Нам, лесоводам, хорошо работать, как говорится, по штату положено. Но, когда, не жалея сил, трудятся такие люди, как Михайлова, трудятся, так сказать, не по специальности, это особенно ценно. О таких людях надо писать, чтобы помнили о них те, кто по этому лесу гулять будет.

Мы останавливаемся около участка, где нет ни одного всхода.

— Смотрите, что здесь суслик натворил.

Недели через две после сева стали поступать тревожные вести: суслик уничтожает желуди.

Суслик мог уничтожить все посевы, и каждый день промедления был опасен. На борьбу с сусликом вышли все лесоводы, трактористы, учащиеся,— заливали норы ядовитым веществом, расставляли капканы. Помогла и авиация: с самолетов по полосе разбрасывали отравленное зерно. Суслик был побежден.

* * *

За Горно-Балыклейским участком начинается хозяйство Дубовской ЛЗС.

Козуров когда-то вместе с директором Дубовской ЛЗС Т. О. Бобылевым учился в институте, в Воронеже, и сейчас, через много лет, жизнь снова свела их вместе. Станции соревнуются между собой.

Козуров — местный, а Бобылев попал в эти края недавно, но тоже знает их хорошо. Он воевал под Сталинградом. Во время поездки по трассе Бобылев показывал места, где штурмовики их эскадрильи бомбили фашистские войска.

Приезжаем в Прямую Балку, на участок, где начальником молодой лесовод Евгений Дементьев. Участок этот все время держит первое место в Дубовской ЛЗС.

Дементьев родился в семье лесничего, старого коммуниста, но прищел к лесному делу не сразу. Как и у большинства его ровесни-

Лесопитомник в колхозе «Путь Ленина», Сосновского района, Тамбовской области. Прополка дубков.

Фото Г. Санько.

ков, молодость Дементьева началась на военных дорогах. Он был тяжело ранен под Тихвином, после выздоровления попал на Белорусский фронт, закончил войну в Берлине. Вернулся он домой, в Белую Церковь, на пепелище: отец и мать были расстреляны фашистами в 1943 году, дом сожжен, у него не сохранилось даже фотографии родителей. Дементьев стал работать лесником, а потом поступил в двухгодичную лесную школу.

Младший техник-лесовод Дементьев прибыл в Дубовку весной прошлого года. Сначала он занимал должность агролесомелиоратора, но скоро энергичного молодого специалиста назначили начальником участка. Работали дружно: экспедиция «Агролесопроекта» только успевала отводить земли, на следующий день они распахивались. Осенью на участке произвели пятьдесят гектаров опытных посевов — это были первые посадки дуба на полосе. Осенью же в Прямую Балку привезли около двух тысяч тонн желудей. Драгоценные семена, предназначенные для всей полосы, нужно было сохранить до весны, а никаких складов, разумеется, еще не было.

Зимой Дементьев вместе со своими товарищами-лесоводами выезжал в Сталинград. Комсомольцы Тракторного завода взяли шефство над Дубовским участком лесополосы. Весной на трассу должны были выехать две тысячи молодых рабочих. Это были хорошие ребята, но они не имели никакого представления о лесопосадках. Дементьев и его товарищи читали лекции, проводили практические занятия, готовили звеньевых. И комсомольцы вышли весной на посадки подготовленными — в это напряженное время у них не пропало зря ни одного часа.

Еще недавно Дементьев, бригадиры, трактористы, механики ютились в одном домике — здесь была и контора, и склад, и жилище. Сейчас заканчивается строительство усадьбы участка; производственные помещения уже сданы в эксплуатацию.

Мы выезжаем на посадки; тремя параллельными полосами они убегают вдаль, по направлению к Сталинграду. Здесь тоже строительство: воздвигаются дома для кордонов — охраны будущего леса. Возле пруда расположилось стадо. Пруд — тоже работа лесозащитной станции. Раньше колхозникам Прямой Балки приходилось водить скот на водопой из степи в деревню за десять километров.

Останавливаемся около полевого вагончика, где трактористы и учетчики живут с понедельника до субботы. Чистые, аккуратно застеленные постели. На тумбочках книги: «Молодая гвардия», рассказы Чехова, Горького, Эльмара Грина, «Буря» Эренбурга, стихи Ольги Берггольц, книги Лысенко. На некоторых книгах надписи от сталинградских комсомольцев и пионеров. Здесь же отличный радиоприемник — сторож слушает Обухову. На стенке, рядом с плакатом «И засуху победим!», который стал одним из самых популярных в стране, — доска показателей, по ней можно узнать, как каждый тракторист выполняет план, сколько зарабатывает. По соседству стенгазета-молния, в которой воздается должное и передовикам и отстающим.

Вечереет. Трактористы возвращаются с работы. Есть среди них и молодые рабочие и работники с большим стажем, но для всех них работа на лесополосе, лесонасаждение — дело новое. И они относятся к нему с особой ответственностью, понимая, что за их работой, за первыми опытами массовых посадок следит вся страна.

Дело новое, но оно быстро осваивается. Механик Карпушин — человек уже почтенного возраста, ему около 60 лет. Свыше двадцати лет он имеет дело с тракторами, все эти годы он работал в Дубовской МТС, но в 1948 году ушел из нее, как сам говорит, «по возрасту». А как началось новое дело — лесные посадки,— вернулся к любимой работе: обучает трактористов и механиков. Кроме того Карпушин поработал над усовершенствованием лесной сеялки.

Этот трудолюбивый и пытливый человек в детстве и юности не получил школьного образования — читать и считать выучил его отец. Учился Карпушин уже в наше, советское время на курсах трактористов и механиков. Сейчас он сделал приспособление, которое оказало бы честь инженеру: лесная сеялка стала сеять на глубину до 15 сантиметров, что очень важно для этих мест, так как верхний слой почвы здесь быстро высыхает от сильных весенних ветров.

В Дубовской ЛЗС много молодежи. Один из лучших работников станции — моторист Василий Шулешов. Юношей он начал воевать под Ленинградом, закончил войну освобождением Южного Сахалина. Шулешов был механиком-водителем танка «Т-34», три боевых ордена украшают его грудь.

— Здесь я работаю по армейской специальности,— говорит Шулешов.

Армейская специальность пригодилась ему для самых мирных дел. Он знает все моторы, и его не пугает любое задание. Из армии он принес и большой опыт комсомольской работы; летом его избрали секретарем комсомольской организации, в которой сейчас насчитывается около сорока человек.

Шулешов отошел в сторону: к вагончику подъехала агролесомелиоратор Мария Перунова. Начался разговор о стенгазете, которую она редактирует.

* * *

Разными дорогами приходят люди на лесную полосу. Одни чувствуют любовь к лесу с детства, другие приобщаются к этому благородному и увлекательному делу позже. Перунова училась в школе в Сальском районе и вместе с подружкой поехала в Ростов поступать в Медицинский институт. Их не приняли: был очень большой конкурс,— и они поехали в Новочеркасск, где, неожиданно для себя, оказались в Инженерно-мелиоративном институте. Они учились, сокрушаясь о потерянной медицине. После второго курса Перунова поехала на практику на станцию Горная и здесь, впервые в жизни, увидела лес, посаженный лет 60—70 назад, и после этого пропали сожаления о медицине — студенток охватило настоящее увлечение лесным делом.

Перунова приехала в Дубовку прошлой осенью. Много работы было в лесопитомнике: посевы семян, сортификация. Потом начались поездки в лесхозы за посадочным материалом. Потом — забота о сохранении желудей. Потом — посев дуба, посадка сеянцев, культивация и прополка, впереди посадка кустарников — разве мало забот у молодого специалиста?!

— К нам пополнение прибыло,— говорит Перунова.— Две девушки, окончившие воронежский институт...

Пришла радиограмма — Бобылева вызывали на станцию встречать молодых рабочих.

Через час в директорском кабинете уже шел разговор с юношами и девушками, окончившими ремесленное училище в Мичуринске. Беседовали о том, как хорошо, что молодые токари, слесари, столяры приехали именно из Мичуринска, где, наверное, с детства все знают о великом преобразователе природы. Толковали о полосе, о ее размерах и значении, о том, что молодые рабочие будут участниками великого дела. А пока им надо готовить для себя рабочее место — мастерские еще только строятся.

— Есть вопросы? — спросил директор.

Вопросов оказалось множество. И характерно, никто не спросил ни о заработках, ни о жилье. Спрашивали о том, сколько будет токарных станков, есть ли в Дубовке вечерняя средняя школа, можно ли выучиться в ЛЗС на водителя, есть ли ДОСАРМ, организована ли футбольная команда, выписывается ли журнал «Техника молодежи», имеет ли ЛЗС свои лодки на Волге?

На следующее утро ребята уже работали на стройке. Тут же был секретарь Дубовского райкома комсомола Ураев; он пришел познакомиться с новым пополнением и одновременно узнать, куда посылать сегодня комсомольцев на прополку: каждый день от райкома идут две машины с юношами и девушками на лесополосу.

* * *

Второй год на трассе лесной полосы работает комплексная экспедиция Московского университета. Большой отряд научных работников, аспирантов и студентов, руководимый профессором Н. А. Качинским и доцентом Н. Н. Болышевым, собрал ценный материал для технического проекта полосы.

На опытных участках экспедиции множество делянок, где дуб растет под покровом разных культур — пшеницы, кукурузы, люцерны,— растет в чистом пару, с разными удобрениями. На эти участки часто приезжают лесоводы.

На селекционной станции, километрах в двадцати от Камышина, работают два аспиранта Московского университета — Виктор Балобин и Виктор Соколов. Верной дорогой идут в науку эти юноши. До этого они прошли еще один путь — военный. Балобин отправился воевать, будучи студентом, Соколов начал партизанить, не успев закончить школу, и потерял на войне кисть левой руки. Они встретились и подружились в Белорусском сельскохозяйственном институте. Потом оба окончили институт с отличием и поступили в аспирантуру Московского университета. В Москве друзья пробыли недолго: только были утверждены темы их работ о лесонасаждениях, о гнездовом посеве дуба, как они выехали на трассу Камышин — Сталинград. Балобин и Соколов торопились к началу сева. Здесь они посеяли тринадцать гектаров дуба гнездовым способом по методу Лысенко.

В нынешнем году оба аспиранта опять приехали ранней весной и посеяли на этот раз сорок гектаров. Это, по существу, уже не опытные участки, а производство. Балобин занимается дубом, Соколов — сопутствующими породами.

Много студентов и аспирантов работает на станции Горная поляна. Некоторые из них приезжали сюда в прошлом году, и они могут гордиться тем, что внесли свой вклад в технический проект трассы. Теперь они собирают материал для дипломных работ, которые тоже имеют производственный характер.

Разведывательные отряды Московского университета продвигаются все дальше на юг. Группа под руководством доцента Ф. С. Соболева работает в Тингуте — это километрах в шестидесяти южнее Сталинграда.

Здесь не степь, а полупустыня. Отряд разместился в небольшом поселке из глиняных домиков. Воду сюда привозят в цистернах.

Почвы здесь очень тяжелые — возьмешь комок земли в горсть, сожмешь, а он остается целым, как окаменелость — солонцы. И на этих солонцах растут дубки!

Соболев вспоминает, как в мае, через месяц после посевов, приезжал академик Демидов, ходил по полосе мрачный: всходов не было. Дубки считались уже погибшими. А в конце мая, почти через полтора месяца после посева, показались всходы. Сейчас группа аспирантов и студентов разрабатывает еще не тронутую тему — развитие дуба на сильно солонцеватых почвах. На трассе Сталинград — Черкесск массового посева еще не было, поэтому опыты экспедиции особенно важны.

* * *

На одном участке Дубовской ЛЗС работает тракторист Аббакумов, которого зовут «наш Мересьев». Аббакумов был трактористом до войны, потерял на фронте ногу, пришел домой на костылях.

— Назначили меня в колхозе сторожем,— рассказывал он нам. — Скучная это работа для моего возраста. Сделали потом в Сталинграде протез. После того повысили меня — послали в тракторную бригаду водовозом. Тоже невелика радость! Но я как-то смирился, дескать, есть народ молодой, здоровый, лучше меня сработают. А тут решение правительства — в нашей местности лес разводить. Организовалась специальная станция, и богатая техника поступает. Пришел я на станцию проситься в трактористы. «Как же ты будешь с одной ногой работать?» — спрашивают меня. «Если даю согласие, значит, буду работать». А я до этого несколько дней потренировался у знакомых ребят. Вижу, пойдет дело. Назначили меня младшим трактористом, а потом трактор доверили. Ну, а как работаю — не мое дело судить...

Начальник участка сказал, что Аббакумов выполняет в среднем полторы нормы.

Люди, воевавшие на этой земле и пролившие за нее кровь, заняты сейчас мирным трудом для блага и украшения жизни народа. И современники и потомки сохранят благодарную память о тех, кто в пятидесятом году начал сажать леса в сухих сталинградских степях.

Пароход ПРИХОДИТ В ПОРТ

Фоторепортаж В. Викторова и Е. Умнова

«Следую Таллин. Буду на рейде в 14 часов». Такую радиограмму с борта парохода «Крымов» получил дежурный радист таллинского морского агентства. Радиограмма была дана за четыре часа до подхода, и работники порта использовали предоставленное им время, чтобы приготовиться к приему судна.

«Крымов» дымил еще далеко в море, а в порту уже было известно расположение грузов. Здесь составляли план скоростных разгрузочных работ, выделяли причал, назначали бригады грузчиков. Все было направлено к тому, чтобы не задержать пароход ни на одну лишнюю минуту.

Ровно в 14 часов портовый буксир подошел к высокому борту «Крымова», и по трапу поднялся лоцман Таллинского порта Антон Петрович Зворгзден.

Поздоровавшись с капитаном Ромуальдом Мамедовичем Султановым и поздравив его с благополучным прибытием, лоцман занял свое место в рулевой рубке и скомандовал долгожданное «Право на борт»...

А. П. Зворгзден, потомственный балтиец, уже 17 лет проводит корабли, возвращающиеся из далеких рейсов, в таллинскую гавань.

Уроженец Баку, Р. М. Султанов долгое время провел на Каспии, теперь он командует на Балтике пароходом, носящим имя писателя Крымова, создавшего прекрасную книгу о первых моряках-стахановцах, о каспийском нефтеналивном судне «Танкер «Дербент».

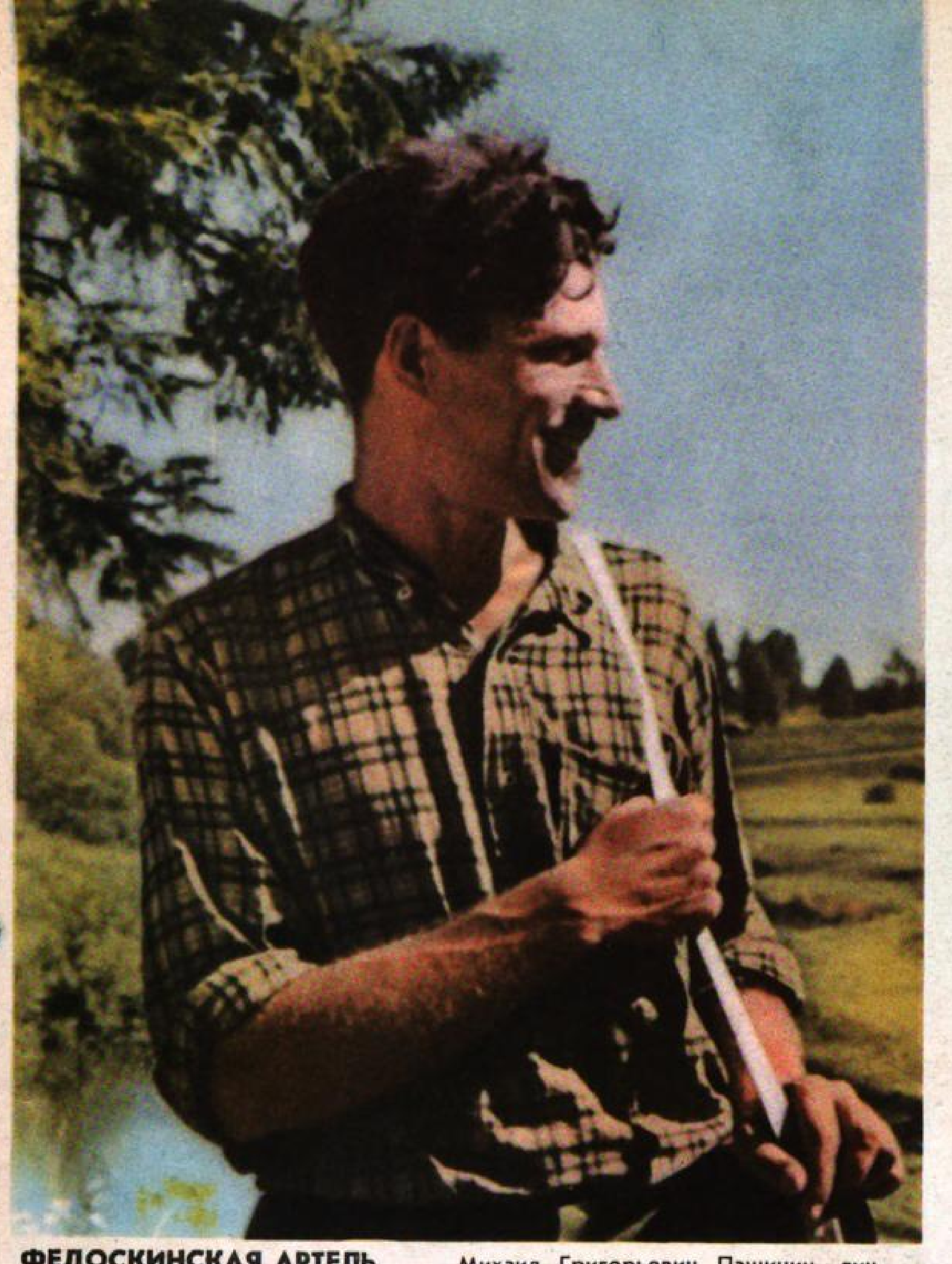
Вот наконец родная советская земля! Здесь моряков ждут десятки писем со всех концов страны.

Раскрыты люки трюмов. Объявлен общий аврал. И хоть долгожданный берег рядом, тут же, за бортом, хоть многих ждут семьи, команда приступает к работе. Портовый кран величаво заносит над пароходом свою могучую руку. Первый ящик, кажущийся таким огромным на палубе, маленькой шкатулкой повисает в воздухе.

Разгрузка без всякой сутолоки идет сразу из трюмов на железнодорожные и автомобильные платформы.

По-стахановски быстро и точно работают портовики.

Стоят у причалов пароходы. Издали кажутся они неотъемлемой частью порта. И это действительно так. Когда уходят корабли в море, то и вдалеке от родных берегов они остаются частицей советской земли.

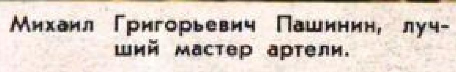

ФЕДОСКИНСКАЯ АРТЕЛЬ ЖИВОПИСЦЕВ

[Московская область].

Фото Б. Кузьмина

Михаил Григорьевич Пашинин, лучший мастер артели.

Мастер Лиза Сарычева за росписью шкатулок.

Мастера-живописцы (с л е в а н а п р а в о) В. И. Лавров, М. Г. Пашинин, В. Д. Липицкий и И. И. Страхов на этюдах.

Советский народ — миротворец

(Из зала заседаний Второй Всесоюзной конференции сторонников мира)

Посланцев советского народа привело в Москву, в Колонный зал Дома союзов, служение тому же великому делу, которому посвящен каждодневный их труд. С трибуны конференции они продолжали тот же разговор, который еще вчера вели у себя на заводе, в колхозе, в учебной аудитории или дома. Жить и работать в стране социализма — это значит быть сторонником мира. Торжественная клятва на верность миру, прозвучавшая на Всесоюзной конференции, потому и насыщена такой убедительной силой, что в ней, как в могучем рупоре, слышатся миллионы голосов, слившихся воедино.

Если в обычную анкету, заполненную делегатами конференции, включить еще один вопрос: «Что вы делаете для укрепления мира?» — ответы походили бы один на другой: все, что делает каждый советский человек, это и есть борьба за мир. Но какая необозримая картина титанического человеческого труда представится, когда вдумаешься в этот краткий ответ! Достаточно для этого оглянуться вокруг и посмотреть на людей, заполнивших великолепный зал Дома союзов — свидетель многих исторических событий.

Владимир Захаров — делегат сталинской Магнитки. Один из самых молодых металлургических гигантов страны вручил ему мандат, и одним из первых раздался с трибуны молодой, звонкий голос. Внешний и духовный облик этого делегата воплощает характерные черты нового, советского рабочего. Открытое, одухотворенное лицо, энергичные, волевые жесты, живая и четкая речь. Он полноправный хозяин в своей стране, и как не поверить его заявлению, что ему дорого все, построенное золотыми руками советских тружеников,— каждый положенный ими камень, каждое выращенное ими дерево!

«Мы плавим металл для великих сталинских новостроек», — говорит В. Захаров. А кому не известно, что гидростанции, плотины и каналы нужны для мирной жизни? И 10 500 тонн стали сверх плана — вклад магнитогорских металлургов в дело укрепления мира.

На конференции собрались люди, которые участвуют в этом благороднейшем деле тоннами угля, потоками нефти, метрами тканей, новыми домами, паровозами и вагонами — всем, что обогащает и красит человеческую жизнь.

О том же самом говорят и колхозные делегаты. На трибуну выходит львовская крестьянка Ульяна Баштык, и перед глазами возникает деревня, какой была она под владычеством пилсудчиков и какой стала в дружной семье советских украинских сел. Бывшая батрачка, ныне свободная труженица,— может ли Баштык хотеть войны! Увлеченно повествует она об успехах своей родной артели, зная, что зерна, брошенные в колхозную землю, подымутся колосьями мира.

В зале конференции соседствуют рабочий и ученый, колхозница и артистка, каменщик и писатель — обычная картина широкой советской демократии. Их разнят профессии, но объединяет то, что выше всякой профессии: все они граждане страны социализма. Ученый горячо аплодирует сообщению о высокой выработке рабочего; колхозница обстоятельно беседует с актрисой, да и сама-то актриса не в колхозе ли обрела первую славу веселой певуньи? Каменщик знает писателя по книгам, и очень возможно, что героем книги выведен такой же каменщик. И эта давно утвердившаяся общность интересов стала еще ощутимей сейчас, когда созидательному труду наших людей, всем их увлекательным планам грозит одна и та же опасность — опасность войны.

Счастье, испытываемое нами в родном нашем доме, не дает покоя извергам человечества. Они тоже плавят металл — для пушек; купленные ими ученые тоже изобретают — новые способы уничтожения всего живого; их присяжные писаки тоже сочиняют — книги, от которых смердит разложением. И отвратительней всего то, что они вопят о мире, сопровождая свою «миротворческую» деятельность бомбами и варварскими зверствами.

Открывая конференцию, писатель А. Фадеев говорил об особенности нынешнего периода: империалисты не только усилили подготовку к войне, но перешли к прямой вооруженной агрессии, вторглись на поля и нивы Кореи. И не удивительно, что на конференции, посвященной миру, не раз упоминалась эта многострадальная страна, где люди хотят одного лишь — мирной жизни — и тысячами жертв расплачиваются за это свое естественное желание. Щемящей болью в наших сердцах отзывается страшная трагедия, постигшая корейцев, но крепка вера в победу их справедливого дела. Волной сочувствия и искренних пожеланий успеха был охвачен весь зал, когда тов. Фадеев произнес:

— Мы шлем наш привет, полный сердечности и человеколюбия, героическому народу Кореи!

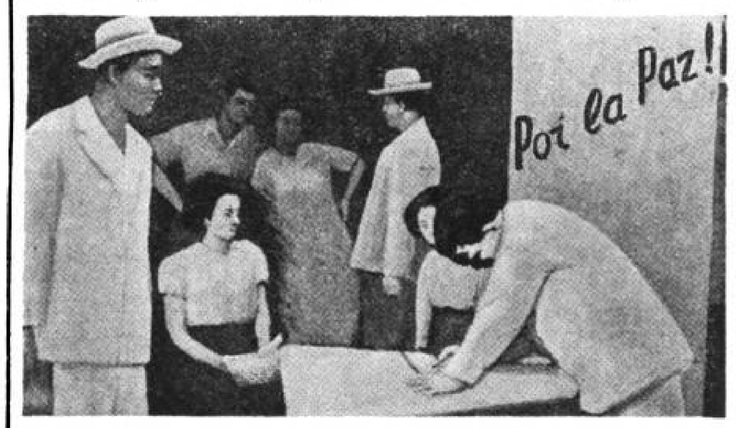
Вторая Всесоюзная конференция сторонников мира со всей наглядностью показала, что в лице Советского Союза все прогрессивное человечество имеет самого верного, самого стойкого защитника мира. В докладе Н. Тихонова и во всех выступлениях были названы красноречивые факты, свидетельствующие об огромном вкладе советского народа в дело борьбы за прочный и длительный мир. Свыше 115 миллионов граждан нашей страны поставили свою подпись под Стокгольмским Воззванием. Ярким доказательством нашей воли к миру является внесенная советскими представителями на Генеральную Ассамблею ООН Декларация об устранении угрозы новой войны и об укреплении мира и безопасности народов.

Близится Второй Всемирный конгресс сторонников мира. Советские посланцы поддержат там новую, расширенную программу действий, выработанную Пражской сессией Бюро Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Эта программа ясна и отвечает интересам всего прогрессивного человечества: запрещение атомного оружия; сокращение всех видов вооружения и установление контроля за этим сокращением; осуждение агрессии и вооруженного вмешательства извне во внутренние дела народов; мирное разрешение корейского конфликта; запрещение пропаганды войны во всех странах.

Советский народ-миротворец всегда будет стоять в авангарде борцов за мир. На эту благородную миссию вдохновляют его коммунистическая партия, великий защитник мира товарищ Сталин.

Дневник ОГОНЬКА

Куба борется за мир

Сбор подписей под Стокгольмским Воззванием на автобусной станции города Камагуэй.

Куба занимает среди стран Латинской Америки видное место по количеству собранных под Стокгольмским Воззванием подписей: при населении в 4 миллиона человек подписалось 540 тысяч.

В одном из крупнейших городов Кубы — Камагуэе — сбор подписей идет под руководством местного комитета защиты мира. Пункты, где можно поставить подпись под Воззванием, разбросаны по всему городу: в парке Гонсало де Кесада, на автобусной станции «Золотая стрела», на площади Масео, в городской больнице. Юношеская организация «Социалистическая молодежь» и Кубинская федерация женщин дают пример активной, вдохновенной работы в пользу мира. В небольшом городке Гуанабакоа 16-летняя девушка Мерседес Сармиенто сумела собрать 800 подписей.

Особенно высоко поднялась волна движения за мир на Кубе в связи с американской агрессией в Корее. В одном из провинциальных городов — Бехукаль — с большим подъемом прошла «неделя защиты Кореи».

Листовки, разоблачающие империалистическую экспансию США в Корее, распространялись во всех городах страны. Правительство Прио Сокарраса, проводя жестокие репрессии против борцов за мир, свой основной удар направило на газету Народно-социалистической (коммунистической) партии Кубы «Нотисиас де Ой», с первых же дней корейских событий неустанно разоблачавшую хищническую политику Уолл-стрита и его кубинских прислужников.

В ответ на закрытие правительством газеты поднялось народное движение в ее защиту, которое проходит под лозунгом мира, свободы и независимости кубинского народа.

В борьбе за мир на Кубе принимают активное участие крупнейшие деятели культуры — писатель Хуан Маринельо, поэт Николас Гильен и многие другие.

От имени народа Кубы, не желающего мириться с ролью пушечного мяса в американской авантюре в Корее, Николас Гильен писал на страницах «Нотисиас де Ой» за несколько дней до ее закрытия:

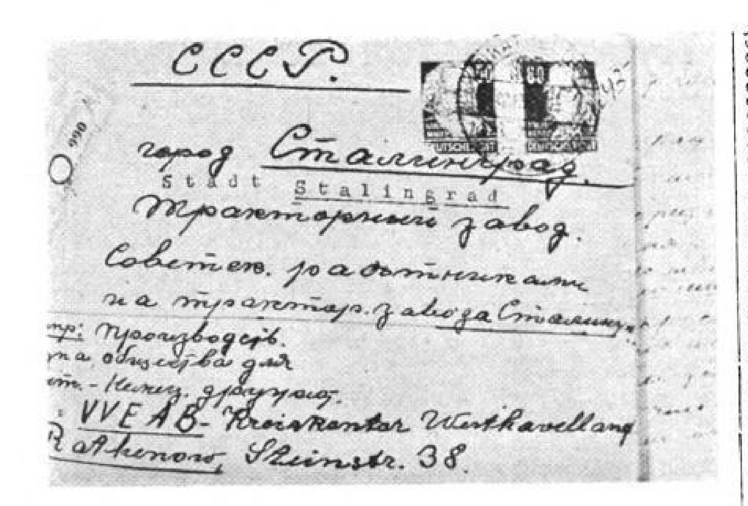
«Почему Куба, маленькая страна, эксплуатируемая империализмом США, должна участвовать в военной авантюре, цель которой — еще больше укрепить экономическую систему, чьей прямой жертвой являемся мы, кубинцы».

Все сильнее и сильнее разгорается на Кубе пламя борьбы за мир, против американского агрессивного империализма и его агентов.

А. САШИНА

«Лавина подписей» — рисунок из газеты «Нотисиас де Ой».

ПОСЛАНИЯ ДРУЗЕЙ

Весной 1944 года в боях на Днестре советская механизированная часть захватила тыловое хозяйство фашистской дивизии. Здесь были бензозаправщики, автомашины различных марок, походные кухни, склады... Командир батареи крупнокалиберных пушек старший лейтенант Кошечкин обратил внимание на одну из машин — колесный трактор. Офицер спрыгнул с тягача и подбежал к машине. На радиаторе красовались три буквы, глубоко взволновавшие Кошечкина: «СТЗ».

— На моем заводе делали! — сказал он подошедшим бойцам.

Потом офицер вскочил на сиденье трактора и крикнул:

— Заводи! Со своего завода я выехал на танке, когда гитлеровцы к Сталинграду подошли. А в Берлин въеду на тракторе!

И старенький колесный трактор стал в строй военных тягачей, тянувших тяжелые пушки. Сотни километров прошла эта мирная колхозная машина по бранным полям Украины и Польши. За Вислой батарее Кошечкина пришлось отбивать контратаку фашистских «тигров». В этом бою старший лейтенант пал смертью храбрых.

Похоронив командира, бойцы подарили его любимца — трактор «СТЗ» — освобожденным польским крестьянам...

Об этом эпизоде напомнили в своем письме на имя коллектива Сталинградского тракторного завода хлеборобы Лодзинского воеводства. «История замечательного трактора «СТЗ», — писали они, — которую поведали нам советские герои, взволновала нас до глубины души».

Это было первое благодарственное послание из-за рубежа, которое получил коллектив Сталинградского тракторного завода.

Письмо польских крестьян бережно хранится до сих пор. Нам показали его вместе с десятками подобных писем, полученных тракторостроителями из-за рубежа.

Пишут, телеграфируют из Польши, Восточной Германии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Албании. Делятся радостью новой жизни, сообщают о своих успехах в строительстве социализма, благодарят Советский Союз за дружескую помощь. В письмах слова привета коллективу завода, чьи машины помогают полякам, чехам, венграм, румынам, албанцам перестраивать на новый лад сельское хозяйство.

Вот несколько коротких телеграмм, писем:

«Спасибо за помощь. Да здравствуют ваши тракторы, взрывающие старый мир! Слава Сталину!» (Фиери, Албания).

Перед нами письмо немецкого крестьянина Фрица Конрада из села Фейсдорф, близ Дрездена. Он делится своей радостью: «Сталин прислал нам трактор, и мы собрали богатый урожай».

Внимание привлекает голубой конверт с красивой маркой. Это письмо из Люблина (Польша) от рабочих государственной мастерской № 75, расположенной на улице с волнующим названием: «Дорога мучеников Майданека». Здесь у гитлеровцев был сборный пункт обреченных на смерть людей. Польские рабочие сообщают сталинградцам о своих успехах в ремонте сельскохозяйственных машин и о том, как они используют опыт советских стахановцев.

Коллектив польского завода «Урсус» пишет:

«Мы помним слова, с которыми в 1930 году обратился к Вам, дорогие сталинградцы, товарищ Сталин: «50 тысяч тракторов, которые вы должны давать стране ежегодно, есть 50 тысяч снарядов, взрывающих старый буржуазный мир и прокладывающих дорогу новому, социалистическому укладу в деревне». Эти слова, которые вдохновили Вас к труду, сегодня вдохновляют нас...

Размеры нашей продукции пока еще очень скромны. Мы только что вступаем на тот великолепный путь социалистического строительства, по которому Вы шествуете на протяжении 33 лет. Но мы добьемся своего!..»

Письма из-за рубежа переходят из рук в руки. Их читают в цехах, на участках. О них знает весь коллектив завода.

П. ЧЕРНУЩЕНКО

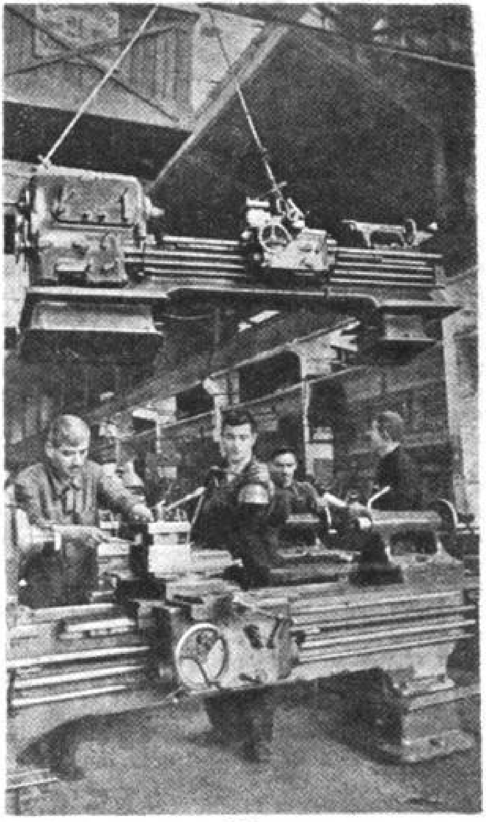
Стройкам коммунизма

Научные исследования в помощь строителям Куйбышевской, Сталинградской и Каховской ГЭС ведутся почти на всех кафедрах Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева.

На снимке внизу: в лаборатории гидравлики института изучается проблема потоков. За работой (слева направо): кандидат технических наук П. Г. Киселев, профессор Н. Н. Джунковский и кандидат технических наук А. Х. Халпахчян.

Фото С. Преображенского (ТАСС).

В сборочном цехе Тбилисского станкозавода имени Кирова. Перед окончанием сборки станка для Куйбышевской ГЭС. Слева направо: слесари-сборщики Ш. Сосनашвили, Г. Бухрикидзе, бригадир маляров И. Габадзе и заместитель начальника цеха А. Канделаки.

Фото М. Квирикашвили

На испытательном кольце

Последние испытания закончены. Сто двадцать раз паровоз с разгона бросал этот цельнометаллический багажный вагон на старую платформу, тяжело груженную бутовым камнем. От сильных ударов платформа раздалась в бортах, а на раме и кузове вагона незаметно ни малейшего повреждения.

— Отличный вагон создали наши конструкторы,— говорит руководитель испытаний инженер Чирков. — Мы сжимали его мощными домкратами. Для контроля в разных частях вагона было размещено около 500 точнейших приборов — тензометров. Они показали исключительную прочность конструкции.

Динамические испытания цельнометаллического багажного вагона недавно закончены. Они производились на экспериментальном кольце Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта (ЦНИИ).

Экспериментальное кольцо — фундаментальная научная база по испытанию подвижного состава транспорта. Свое название она получила от рельсового пути в виде замкнутого круга протяженностью 6 километров. На этой миниатюрной железной дороге определяется сила тяги новых локомотивов, их экономичность, маневренность, плавность хода и т. д. За последнее время здесь же стали испытываться и вагоны. Экспериментальное кольцо имеет свои механические мастерские, депо, электротяговую подстанцию, товарный состав.

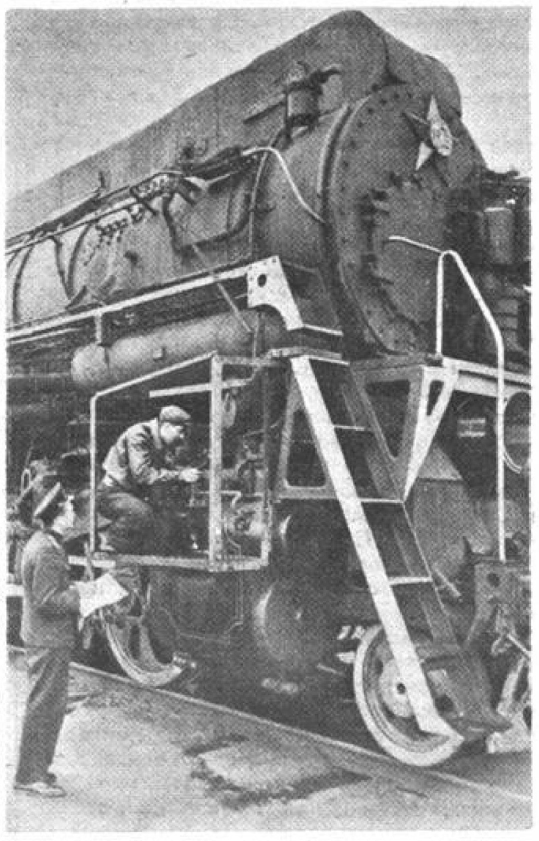
Ни один тип нового магистрального локомотива, созданный советскими машиностроителями, не может миновать эту своеобразную лабораторию. Серийный выпуск такого паровоза не начнут до тех пор, пока инженеры-испытатели не скажут свое слово. За восемнадцать лет на экспериментальном кольце побывали десятки паровозов и вагонов всех типов. Здесь опробовались первые локомотивы серий «ФД» и «ИС». Тут изучались тяговые и теплотехнические данные первенца послевоенного отечественного локомотивостроения — паровоза серии «Л». Здесь получили путевку в жизнь новые советские тепловозы, электровозы и цельнометаллические вагоны.

Испытание паровоза — сложный и длительный процесс. Чувствительные аппараты автоматически записывают силу тяги и скорость локомотива, специальные установки фиксируют температуру перегретого пара и уходящих газов, серия других приборов дает возможность судить о воздействии паровоза на путь, о прочности отдельных деталей и т. д. Лишь при определении силы тяги опытной машины приходится делать 1500—2000 различных записей, а полный отчет о результатах испытаний составляет объемистый том в 150—200 страниц печатного текста.

Труд паровозников-испытателей имеет много общего с работой летчика-испытателя. Машинист, так же, как и пилот, должен в совершенстве знать паровозы всех типов, виртуозно владеть искусством вождения.

Сейчас на экспериментальном кольце находятся два опытных локомотива, построенные улан-удэнским и коломенским заводами.

Е. МАРТЫНОВ

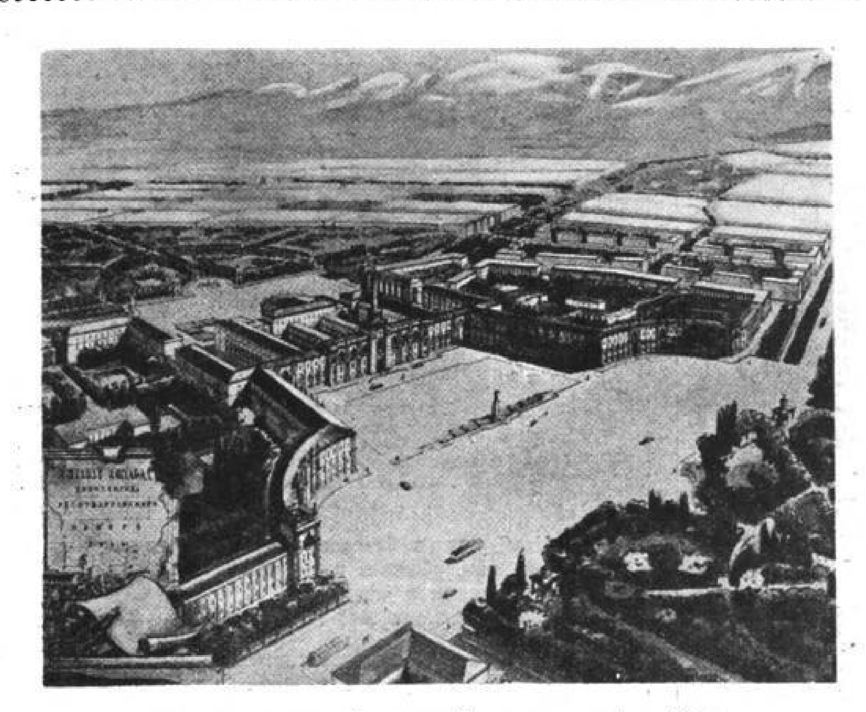
Сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта М. Мейлихов (слева) и Н. Корнев за испытанием паровоза.

Фото С. Тартаковского

«ПОЛТАВСКАЯ БАТАЛИЯ» — огромная мозаичная картина, созданная почти два века назад М. В. Ломоносовым, реставрируется советскими художниками. Картина изображает Петра I, скачущего на коне в окружении генералов. Вокруг кипит жаркая битва, окончившаяся, как известно, блистательной победой русских войск. За долгие годы мозаика местами потускнела, утратила чистоту красок. В результате большой работы, проводившейся под наблюдением специальной комиссии ученых, уникальное произведение гениального русского ученого за короткое время почти целиком обновлено.

Перспектива Республиканской площади в Ашхабаде.

Такой будет столица Туркмении

Николай Павлович Баранов перелистывает страницы большого альбома. На плотных листах мы видим сделанные в окрестностях Ашхабада красочные зарисовки древних памятников культуры. Любимая ашхабадцами Фирюза, раскинувшаяся в узком ущелье Копет-Дага; в самые знойные дни, когда в Ашхабаде горячие ветры обжигают деревья, в фирюзинских садах прохладно. Древние развалины Анау — знаменитый мавзолей, построенный в 1455 году по повелению правителя Хорасана.

— А вот Неса, ныне аул Багир, — показывает Баранов другой лист альбома.— Город этот, построенный, как полагают, Александром Македонским, когда-то отличался, по свидетельству географов, обилием садов. Вода была проведена с гор во многие дома.

Николай Павлович с увлечением говорит о найденных им в окрестных местах обломках древних стен с остатками средневековой глазури, о трубах, по которым тысячелетие назад подавалась в села драгоценная вода из высохших ныне водохранилищ.

...Наш собеседник живо и интересно рассказывает об археологических раскопках. Но он не археолог. Николай Павлович Баранов — художник-архитектор, автор проекта генеральной реконструкции столицы Туркменской ССР. И, тем не менее, именно с описания своих археологических исследований он начал рассказ о будущем города, раскинувшегося у края пустыни, которая волей большевиков скоро оросится водами Главного Туркменского канала.

— Эти зарисовки сделаны мною, — сообщает Н. П. Баранов, — весной 1948 года, когда бригада Института по проектированию городов только приступила к работе. Ашхабад — город особенный. В летние месяцы здесь почти не бывает дождей. Кроме того столица Туркмении находится в зоне интенсивной сейсмической деятельности. Мы знакомились с сохранившимися до наших дней остатками древнейших ирригационных и архитектурных сооружений, изучали историю Ашхабадского района, его водные ресурсы и сейсмическую характеристику для того, чтобы решить, в каком направлении строить город.

Сейчас, когда проект реконструкции Ашхабада готов, утвержден правительством Туркменской ССР, одобрен Министерством городского строительства СССР, мы уже твердо знаем: Ашхабад будет расти в восточном, юго-восточном и западном направлениях, в сторону Анау, Фирюзы, Багира (Неса).

Генеральный план реконструкции и восстановления Ашхабада целиком сохраняет и развивает исторически сложившуюся структуру городских магистралей и улиц. Наряду со строительством новых магистралей и площадей реконструируются старые улицы: Свободы, Гоголя, Октябрьская, Карла Маркса и Первомайская. Жилой фонд возрастет в три раза.

Жаркий климат и высокая сейсмичность в здешних местах определили тип и характер застройки: одноэтажные дома составят почти половину всего городского жилого фонда. Предусматривается ряд специальных технических мер — железобетонные пояса, каркасы, которые обеспечат устойчивость строений против сейсмических колебаний.

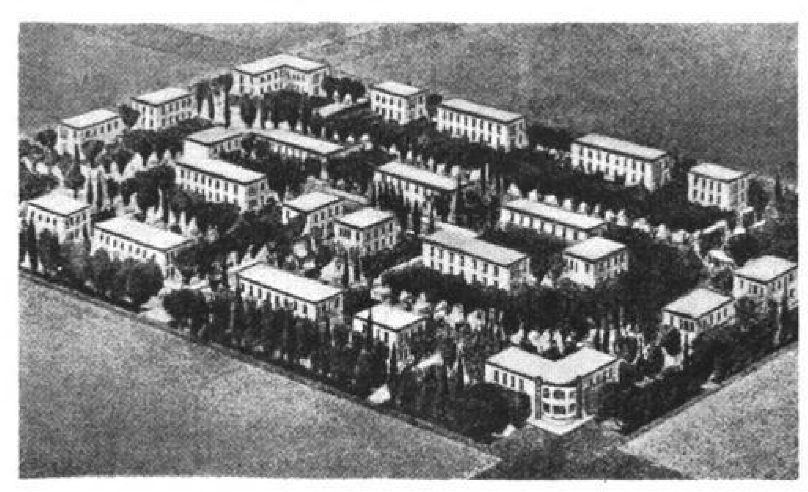
На земельных участках домов для каждой квартиры запроектирован сад и хозяйственный двор. При этом учтена специфика среднеазиатского быта: здешнее население большую часть года проводит под открытым небом, в саду.

Центр города представит собой единый архитектурный комплекс: большой прямоугольник главных улиц с тремя площадями: Республиканской, Городской и Вокзальной. Между Республиканской и Городской площадями, в пределах улиц Карла Маркса и Фрунзе, проектируется городской сад. В зелени этого массива вырастут здания университета с общежитием студентов и домами для преподавателей.

Главная площадь города — Республиканская. Она создается вновь. Здесь будут воздвигнуты Дом правительства, здание ЦК КП(б) Туркмении, Дом Советской Армии. На площади намечено сооружение трибун, а перед ними — памятник Ленину.

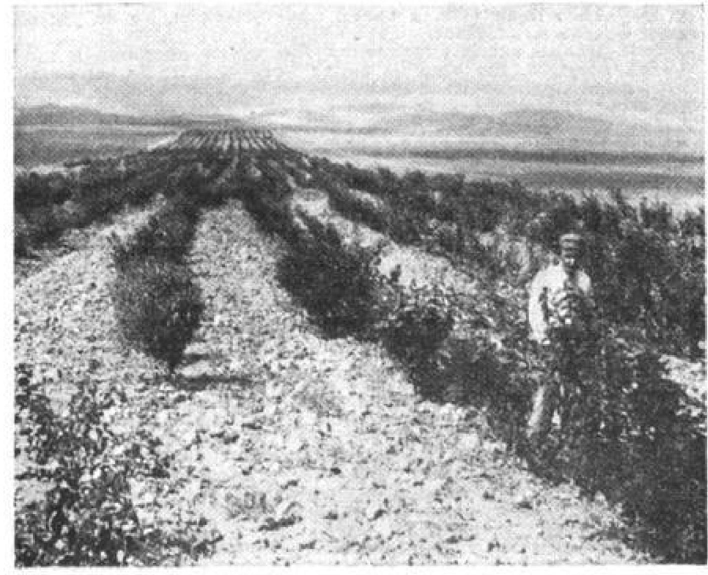
Будущий Ашхабад должен утопать в зелени. Помимо Центрального парка культуры и отдыха, городского, загородного и районных парков, в плане предусматриваются зеленые защитные зоны — связанные между собой скверы и бульвары. Здесь горожанин всегда найдет прохладу, убежище от жаркого солнца.

Н. П. Баранов показывает нам проекты площадей, жилых кварталов, парков, садов и горячо говорит о будущем столицы самой южной республики нашей страны. Воды Главного Туркменского канала принесут ее жителям огромную радость. Преобразится облик опаленных солнцем земель. Чудесным городом-садом станет ее столица. Уже сейчас планы, на составление которых затрачено много труда и в разработку которых внесено много творческой инициативы, начинают воплощаться в жизнь.

Эскиз детальной планировки кварталов двухэтажного строительства.

На лесных полосах Узбекистана

Полезащитная полоса в совхозе «Галля-Арал», посадки 1949 г.
Фото И. Маховского

От дорог, обсаженных серебристыми тополями, далеко к горизонту уходят клетки пересеченных арыками хлопковых карт. Среди полей мелькают белые домики колхозных поселков, окруженные фруктовыми садами и виноградниками. Но напрасно глаз будет искать темные островки рощиц и перелесков. Непременный спутник русского пейзажа — лес — в Узбекистане редкость.

...Дорога к курорту Шахимардан идет через прекрасную Ферганскую долину. Сплошной стеной встают вдоль нее чинары, карагачи, акации. Это «Хуроз-ата», лесная дача Ферганского лесхоза. Дальше начинается огромный лесной массив — пятьсот гектаров. В его тенистой глубине гнездится множество птиц. «Каптар-хана» — «голубиный дом» — называет народ этот лес, охраняющий от засухи поля близлежащих колхозов. Здесь около 20 лет работает один из лучших лесоводов Узбекистана, директор Ферганского лесхоза Игамберды Мирзаахмедов.

С опубликованием сталинского плана преобразования природы в жизни Мирзаахмедова, как и в жизни всех лесоводов страны, начался новый этап.

245 километров Ташкентской лесной полосы должны защитить с севера, запада и юга огромный оазис, окружающий столицу республики, от суховеев, дующих из степей Казахстана. Сейчас от города металлургов — Беговата — протянулась к Хавасту 22-километровая зеленая полоса. Тремя лентами, по 60 метров каждая, встали молодые деревца айланта, ясеня, акации. На землях нового орошения высажено также 40 тысяч дубков. Желуди для саженцев дают Ташкент и Самарканд — единственные районы республики, где растут дубы.

До сих пор в Средней Азии дерево среди поля служило верным признаком того, что близок арык. Лесоводы республики начали опыты посадки леса на неполивных землях. Вокруг полей крупнейшего зернового совхоза «Галля-Арал» весной 1949 года была заложена лесная полоса, занимающая сейчас более 150 гектаров. Молодые саженцы акации, урюка, шелковицы прекрасно растут, хотя в Самаркандской области, на землях которой расположен совхоз, с мая по сентябрь выпадает всего около 60 миллиметров осадков. Накопив влагу весной, деревья благодаря тщательной обработке хорошо переносят знойное лето.

Зашумят молодые леса в Термезе, Карши, на землях Голодной степи. Недалек тот час, когда картографы Узбекистана окрасят в радостный зеленый цвет новые квадраты карты.

Н. СОЛОВЬЕВА

Фабрика-школа

Инструктор Ленинградской фабрики-школы А. И. Труничева (в центре) показывает учащимся Е. Чебулаевой (справа) и Л. Морозовой зарядку челнока по методу ивановской ткачихи И. Солодовой.

Фото Б. Уткина

Эта фабрика непохожа на другие. Здесь при дирекции существует учебная часть; кроме цехов, имеются классы; все работницы — одновременно и ученицы; ведутся табели успеваемости, устраиваются экзамены.

Но это не просто школа. Тут выполняют государственный план выпуска продукции. Страна ежегодно получает отсюда миллионы метров высококачественной ткани.

Фабрика-школа... Название точно передает характер предприятия, собирающегося отметить двадцать пять лет своего существования.

Здесь готовят ткачих. Обучение начинается в тренировочном цехе. Девушка становится к станку. Инструктор показывает ей основные приемы работы.

Как зарядить челнок?

— Ираида Солодова, ивановская ткачиха, делает это так, — говорит инструктор и демонстрирует приемы Солодовой.

Как ликвидировать обрыв нити?

— Мария Материкова с ленинградской фабрики «Рабочий», депутат Верховного Совета СССР, поступает при этом так...

Как завести нити в ламеля?

— Учитесь этому у Екатерины Воляс. Она воспитанница нашей школы, а сейчас стахановка фабрики имени Дзержинского в Ленинграде.

И так во всем.

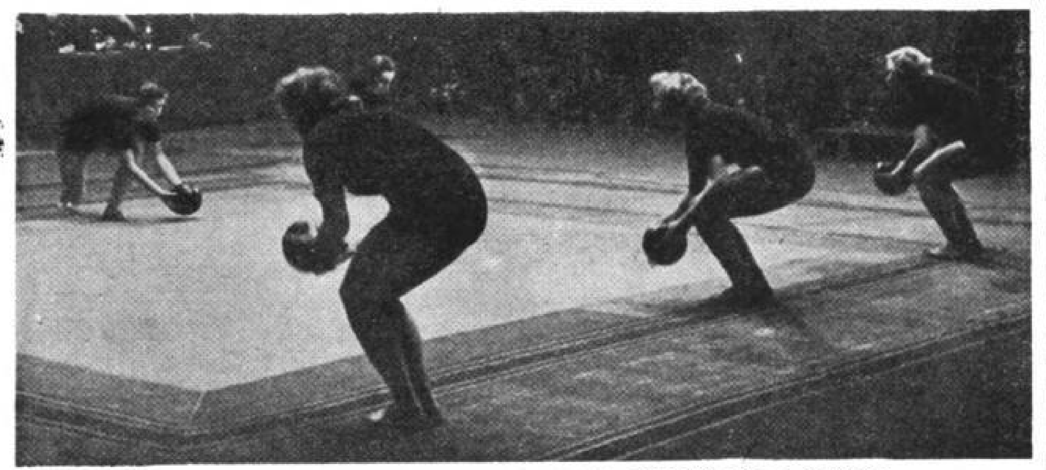
Девушек с первого дня обучают приемам работы лучших ткачих страны. В школе внимательно следят за всем новым, что рождается на текстильных предприятиях, и делают это новое достоянием учениц.

Работница, окончившая эту школу, приходит на фабрику, владея самыми передовыми методами труда.

Восемьсот ткачих выпустила за послевоенные годы Ленинградская фабрика-школа. Многие из них прославили себя замечательными стахановскими делами, и на их опыте учат теперь в школе новое поколение ткачих.

Л. МАТВЕЕВ

Встреча советских и финских гимнастов

Финские гимнастки исполняют вольные упражнения с мячами.

Фото А. Бочинина

Гимнастика относится к тем видам спорта, где результаты борьбы выражаются лишь суммой баллов. Определить здесь победителя можно только с помощью арифметических подсчетов.

Казалось бы, это должно уменьшить интерес зрителей к гимнастике. В действительности же каждое крупное соревнование мастеров перекладины, колец, коня и брусьев происходит при переполненном зале. Как правило, по реакции собравшихся, по их аплодисментам можно безошибочно судить, как выступил тот или иной спортсмен.

Это тонкое понимание нашими зрителями гимнастики отмечали финские гимнасты, встретившиеся с лучшими советскими мастерами в Центральном театре Красной Армии.

Когда на огромной сцене появилась группа финских гимнасток и под музыку в едином ритме исполнила вольные упражнения с обручами и мячами, зал наградил их шумной овацией. Это была отличная демонстрация гибкости, артистической изобретательности, композиционной выдумки, сочетавшей элементы гимнастики с народными финскими танцами.

Но вот на сцену вышли советские гимнастки, и собравшиеся увидели, какого высокого мастерства можно достигнуть при упорстве и умелой тренировке. Г. Урбанович, П. Данилова, К. Орешкина, С. Подуздова, Д. Антипас, Н. Бочарова, Г. Минаичева продемонстрировали ряд произвольных комбинаций на перекладине, параллельных брусьях, кольцах, бревне. Они так же успешно выступили и в вольных движениях.

Абсолютный чемпион СССР по гимнастике В. Чукарин исполняет опорный прыжок.

Женщин сменили мужчины. Финская команда недавно участвовала на первенстве мира в Швейцарии и заняла там второе место. Призер первенства В. Хухтанен, К. Вискари, О. Лаппалайнен, А. Таннер показали высокое искусство в упражнениях на параллельных брусьях, кольцах и перекладине, в опорных прыжках.

С большим успехом выступили советские гимнасты. В последнее время все чаще заставляет говорить о себе В. Чукарин. На недавних первенствах СССР и ВЦСПС он завоевал первые места и звание абсолютного чемпиона. На этот раз Чукарин снова отличился безукоризненной техникой.

Наилучших результатов среди мужчин по вольным упражнениям достиг заслуженный мастер спорта Н. Серый, показавший новую композицию под девизом «За мир».

Вечер советских и финских гимнастов был великолепной демонстрацией человеческой силы, ловкости, высокого гимнастического искусства.

В. ЯКОВЛЕВ

Замечания по поводу...

САМОЕ КОРОТКОЕ ИНТЕРВЬЮ

В Вашингтоне огромный наплыв фабрикантов, приехавших за государственными заказами на оружие.

— Зачем вы прибыли!
— Желаем прибыли!

А. СТОВРАЦКИЙ

ГОЛОСА ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО тромБОННА, ИЛИ ПАРЛАМЕНТАРИИ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ...

100 депутатов боннского «парламента» получили взятки общей суммой в два миллиона марок за голосование в пользу Бонна, как «столицы» западногерманского марионеточного государства.

(Из газет)

Чтоб город Бонн назвать «столицей», —
Сто лиц решили поживиться
И приняли в «подарок»
Два миллиона марок...

Так в Бонне рыцари кармана
Отныне могут без обмана
Воскликнуть умиленно:
«За нами — миллионы!..»

Борис ТИМОФЕЕВ

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

Новый китайский художественный фильм

«После уничтожения врагов, открыто дерущихся с винтовкой в руках, остаются еще скрытые враги. Они будут продолжать борьбу против народа. Мы должны все время помнить об этом».

Так сказал вождь китайского народа Мао Цзе-дун, когда войска Дунбейской армии полностью освободили Маньчжурию от ненавистных гоминдановцев.

В увлекательно развивающемся сюжете нового китайского фильма «Невидимый фронт» перед зрителями проходят эпизоды напряженной борьбы Китайской народной республики с тайной агентурой гоминдановцев — со шпионской бандой, пытающейся срывать восстановительные работы, организовывать диверсии на оборонных предприятиях. Это «пятая колонна» врага. «Наши войска разбиты, — вынужден признать матерый неразоружившийся гоминдановец Чжоу, — но существует еще другой — невидимый фронт. Мы должны наносить коммунистам удар за ударом», — с тупой, звериной злобой инструктирует он своих наемников.

Верные сыны народа — работники Бюро общественной безопасности, не щадя жизни, ведут самоотверженную борьбу с невидимым врагом. Выловлен и арестован предводитель диверсантской шайки, скрывавшийся под именем коммерсанта Цзянь Цзянь-аня — «безобидного» торговца автомашинами. Но продолжают еще орудовать оставшиеся на свободе его подручные — Чжоу, связной Ван...

Машинисткой на шинный завод поступает завербованная ими девушка Цуй. Они принуждают ее выкрадывать протоколы собраний, сведения об отправке шин для фронта, подслушивать телефонные разговоры, от нее требуют достать план завода... Этот центральный образ фильма с подкупающей искренностью воплощает талантливая артистка Яо Сян-ли. Правдиво, с огромной внутренней силой передает она перелом, происходящий в психологии Цуй под влиянием дружеского отношения со стороны коллектива завода.

— Как вы все добры ко мне! — растроганно восклицает Цуй. — Чем я это заслужила?

— Что тут удивительного? — сердечно отвечает одна из работниц. — Ведь мы товарищи по работе.

Артистка убедительно показывает смятение чувств, охватившее Цуй при чтении романа Мао Дуна, героиня которого тоже запуталась в сетях предательства. Цуй готова чистосердечно покаяться в своем преступлении, но ее удерживает боязнь наказания.

Сотрудница заводоуправления Лю чутко подошла к своей новой подруге. Лю еще не знает истинной причины ее волнений, но проявляемый Цуй повышенный интерес к вопросу об ответственности дает повод для задушевных бесед.

Героиня романа Мао Дуна, так же, как и Цуй, была шпионкой по принуждению, — она попала в ловушку, и ей было нелегко вырваться. Дружба с Лю придает Цуй силы, и она решилась. Лист за листом всю ночь пишет она свое признание... Бюро общественной безопасности с доверием отнеслось к несчастной жертве гоминдановских диверсантов. Цуй дана возможность честной работой на пользу народа искупить свою вину.

Режиссер И Мин, одновременно являющийся и автором сценария, поставил фильм с большим темпераментом и мастерством. Искусство режиссера и операторов Фу Хуна и Чэнь Минь-хуня помогло исполнителям главных ролей и в первую очередь артистке Яо Сян-ли выразительно передать тончайшие оттенки переживаний.

Мужественные, волевые образы самоотверженных патриотов, стоящих на страже общественной безопасности, создали артисты Фань Инь и Чжан Пин, знакомый советским зрителям по фильму «Искры». И сейчас, когда кровавые американские поджигатели развязали агрессивную войну в Корее, являющуюся серьезной угрозой и безопасности Китая, — исключительное значение приобретают звучащие с экрана суровые, предостерегающие слова начальника Бюро общественной безопасности:

«Наш народ повышает бдительность. Кто служит клике Чан Кай-ши, тот против народа! Народ будет строго карать предателей!»

Олег ЛЕОНИДОВ

НАЦИСТСКИЕ «БРАТЬЯ» И «ТОТАЛЬНЫЕ» ДИПЛОМАТЫ

В. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

У входа в ресторан все было, как обычно: никакого особого оживления не чувствовалось. Только автомашин стояло несколько больше, чем всегда. Молодой журналист вошел в первый зал; там было пустовато: несколько приезжих коммерсантов, какой-то англичанин в обществе накрашенной девицы и за столиками в углу, у самых дверей в следующий большой зал, три тихо переговаривающихся личности неопределенного вида. Вошедший уверенно направился к большому залу. На дверях висела табличка: «Резервирт. Гешлоссене гезельшафт» — «Помещение занято. Закрытая встреча». Одна из личностей быстро поднялась:

— Туда нельзя. Разве вы не видите таблички?..

— Но я должен присутствовать на этом собрании.

— Кто вы?

— Я журналист. А, собственно говоря, какое вам дело?

— Мы из сыскной полиции. Где ваше приглашение?

Молодой человек пожал плечами:

— Вот мой корреспондентский билет.

Сыщик осклабился:

— Нельзя, нельзя! Ваше присутствие нежелательно. Один представитель прессы там уже есть. Он имеет приглашение, а вы нет.

Журналист быстро шагнул вперед и, отстранив сыщика, распахнул дверь. Успел заметить: в зале было людно и накурено. Немолодой среднего роста человек разглагольствовал: «...нужны расово-чистые немецкие военные соединения. Только они смогут...» Дальше расслышать не удалось. Сыщики рывком вытащили корреспондента из зала, захлопнули дверь. Один из них сказал негромко и внушительно:

— Нельзя врываться в зал, сданный компании, которая хочет провести вечер в своем кругу. Вас вежливо предупредили. Если вы попытаетесь еще раз, мы вынуждены будем вас задержать...

— Стало быть, в Дортмунде, в Западной Германии, в 1950 году дело зашло уже так далеко, что полиция охраняет вход в фашистское сборище и не пускает туда представителей печати?

— В последний раз предупреждаем: идите лучше домой.

Молодой журналист молча повернулся и вышел на улицу. По сути говоря, он уже успел убедиться в том, что его интересовало: это было очередное собрание пресловутого «Брудершафта» («Братства»). Собрание происходило на этот раз совершенно открыто, в большом ресторане.

По дороге в гостиницу журналист продолжал размышлять: «Брудершафт» растет, как на дрожжах. Это фашистское, милитаристское объединение открыло филиалы почти во всех городах Западной Германии, имеет широкие заграничные связи; печать, не стесняясь, посвящает «Брудершафту» целые столбцы...

* * *

История «Брудершафта» тесно переплетена с планом западных держав — возродить Западную Германию как военный плацдарм для новой агрессии. Но корни этого сообщества реваншистов уходят и дальше: к тем временам, когда формально американские армии еще сражались против Гитлера.

Это было весной 1944 года. После ряда сокрушительных поражений на советско-германском фронте гитлеровской клике стало ясно, что война бесповоротно проиграна. В те дни Гиммлер начал лихорадочно разрабатывать тайный план воссоздания армии и нацистской партии после поражения. Сделать это в союзе с американцами, а не против них — такова была «идея» этого плана.

Разработка плана была возложена на начальника отдела личного состава СД (Управление безопасности) Альфреда Франке-Грич. Франке-Грич — одна из отвратительных фигур гитлеровского фашизма. До середины 1934 года он подвизался в должности начальника отдела печати у Отто Штрассера и активно участвовал в маневрах штрассеровской «оппозиции» против Гитлера. После ее разгрома он бежал за границу, но очень скоро вернулся в Германию по приглашению гестапо. Надо полагать, что он и выдал гестапо штрассеровское «подполье». После этого Франке-Грич вошел в доверие к самому Гиммлеру.

Когда Германия была разгромлена, его интернировали англичане. Но и тут Франке-Грич сумел проявить «гибкость». Британское «Ревью борд» (один из отделов контрразведки) не только выпустило на свободу этого матерого эсэсовца, но даже... «денацифицировало» его, то есть объявило его, военного преступника, свободным от ответственности. Это показывает, что Франке-Грич сумел так же поладить с британской контрразведкой, как в свое время с гитлеровской.

К концу войны гитлеровское военное командование также поручило военной академии разработать свой план. Исполнителями были избраны майор генштаба Арнд Генрих фон Эртцен и некий полковник Брунс.

Майор фон Эртцен — фигура не менее характерная, чем Франке-Грич. Он воевал в Африке, был взят в плен американцами, весной 1944 года неожиданно обменен и доставлен в Германию. И вот фон Эртцен читает секретные «лекции» для очень узкого круга военных, сгруппировавшихся вокруг германской военной академии. Он усердно проводит мысль, что американцы неизбежно и в ближайшем будущем будут в союзе с немцами воевать против СССР; следовательно, немецкой военщине именно на этом и следует строить свои планы. Так фон Эртцен действовал в качестве связного от Уолл-стрита еще в 1944 году.

План фон Эртцена предусматривал, что после поражения будет создан строго засекреченный «центральный командный штаб», которому должны подчиняться «военные округа» — тоже, конечно, подпольные. Уже тогда были намечены руководители этих округов. В течение первых двух лет после поражения эти руководители должны были устроиться для отвода глаз на гражданской работе и исподволь устанавливать связи с офицерством, прощупывать его настроения, создавать тайные организации.

На третий и четвертый год оккупации имелось в виду наладить учет «надежных» бывших унтер-офицеров и солдат разбитой гитлеровской армии и вступить в контакт с покорным западным державам «немецким правительством». Одновременно планировалось подготовить и обеспечить возвращение военных в «общественную жизнь», а также начать создавать отдельные боеспособные части в каждом из округов.

В конце войны военная академия, где этот план к тому времени уже был детально разработан, «планомерно» эвакуировалась поближе к американскому участку фронта — в Баварию. 5 мая 1945 года она столь же «планомерно» была передана под покровительство известного своими фашистскими симпатиями и выходками американского генерала Паттона. Именно в это время майор фон Эртцен был награжден за усердие званием подполковника.

План Гиммлера проводился в жизнь. Еще гремели пушки на огромном советско-германском фронте, где советские воины сокрушали немецкую оборону и перемалывали гитлеровские дивизии, а английские и американские генералы уже исподволь собирали весьма охотно сдававшихся им в плен гитлеровских генералов и офицеров-генштабистов. Их помещали в специальные привилегированные лагери.

Руководители «Брудершафта» признаются теперь, что именно в одном из таких лагерей еще до окончания войны родилось это сообщество фашистских милитаристов. А своим официальным «днем рождения» «Брудершафт» демонстративно считает день 9 мая 1945 года, который все свободолюбивые народы знают как День победы над германским фашизмом. Этим «Брудершафт» с откровенной наглостью подчеркивает свою «преемственность» с окончательно испустившим в этот день дух гитлеровским режимом.

Не успели еще высохнуть чернила под актом о капитуляции Германии, как американцы создали в Аллендорфе, близ города Марбурга, «комитет по изучению истории войны». Под этой «научно-исследовательской» вывеской собирались в первую очередь немецкие генералы и офицеры, воевавшие против Советской Армии и советских партизан. Среди них нашлись, впрочем, и такие, которые разгадали цель создания «комитета» и отказывались принимать участие в подготовке нового побоища. На них немедленно обрушивалось «правосудие» американского командования: их тут же зачисляли в военные преступники и сажали за решетку — в условия отнюдь не комфортабельные.

Впоследствии на базе этого «комитета» был под руководством бывшего начальника гитлеровского генштаба Гальдера развернут в Кенигштейне пресловутый «рабочий штаб». С февраля 1949 года этот штаб начал разработку оперативного плана новой войны.

* * *

Нацистский «Брудершафт» — «политическое» дополнение тайного центрального военного штаба — имеет устав, издает информационный бюллетень. Даже намечен на ноябрь съезд «Брудершафта».

Эсэсовский родоначальник «плана» Франке-Грич попрежнему действует за кулисами как политический руководитель «Брудершафта». Военным же «фюрером» сообщества считался до недавних пор бывший командир дивизии «Гроссдейтчланд» генерал Гассо фон Мантейфель. Организационным отделом ведает бывший начальник штаба той же дивизии Бек-Бройхзиттер.

В последнее время в верхушке «Брудершафта» началась грызня. Появилась целая плеяда претендентов на руководящие посты в будущей фашистской армии. Чаша весов склоняется пока как будто в пользу Гудериана, более высоко котирующегося у американцев; военным консультантом боннского марионеточного канцлера Аденауэра назначен другой гитлеровский генерал — фон Шверин, во время войны командовавший танковым корпусом.

Мантейфель откровенно излагал цели «Брудершафта» в своих меморандумах на имя Аденауэра. Цели эти весьма недвусмысленны: нападение на Советский Союз, восстановление гитлеровской армии и империи — «пока» под американским протекторатом. В первом меморандуме, поданном еще в ноябре 1949 года, Мантейфель «соглашался» с тем, что воздушные и морские силы агрессивной армии будут принадлежать американцам и англичанам, как и поставка оружия, боеприпасов и снаряжения. Но вся живая сила армии в составе тридцати танковых дивизий должна быть немецкой, причем самой что ни на есть «чистой расы». В своих последующих декларациях Мантейфель пошел дальше: он уже требовал немецкой авиации, немецкого командования из числа бывших гитлеровских генералов, восстановления производства оружия, а также «моральной реабилитации» всей нацистской военщины. С этой армией Мантейфель обещает установить «органический порядок в Европе».

Американские покровители «Брудершафта» со своей стороны развивают лихорадочную деятельность. Они не ограничиваются поддержкой битых гитлеровцев, больших и малых. На окраинах западногерманских городов — Гамбурга и Мюнхена, Франкфурта-на-Майне и Дюссельдорфа и многих других — с самого раннего утра выстраиваются полицейские взводы и роты, раздаются слова команды, фельдфебели и офицеры обучают полицейских тактике уличного боя, действиям против «черни», а потом следуют обычные полевые учения, такие, как во времена «фюрера». И всюду снуют американские и английские офицеры, которые инспектируют, изучают и обучают, проверяют благонадежность полицейских командиров, торопят...

Спешно расширяются старые и создаются новые аэродромы, к ним подводят дороги. В живопис-

ном Тевтобургском лесу неумолчно стучат топоры и раздаются взрывы. Под руководством английских офицеров оборудуют полигоны, готовят артиллерийские позиции, строят дороги для артиллерии и танков. Кое-откуда выселили население, некоторые лесные участки объявлены запретными районами.

Полным ходом работает громадный артиллерийский полигон Круппа в Меппене. Бывшие подземные заводы оборудуются под хранилище боеприпасов и горючего. Порт Браке, через который поступает американское оружие, расширен. Скалистые берега Рейна минируются. Американские оккупанты готовы затопить всю долину Рейна, десятки городов, сотни сел, погубить миллионы беззащитных людей...

Как только началась американская интервенция в Корее, всякая маскировка ремилитаризации Западной Германии была отброшена. Посыпались приказы: индустриальную полицию и рабочие роты и батальоны слить воедино; переименовать их в «рабочие соединения»; перевести на казарменное положение; выдать им американское оружие; немедленно развернуть форсированным темпом военную подготовку. Всех, кто состоит в этих «рабочих соединениях», заставляют подписать обязательство, что они находятся на службе в американских или английских войсках. Начинается вербовка среди безработных, которых соблазняют высокой оплатой и бесплатным обмундированием. Одновременно отдается приказ перевести на казарменное положение и часть немецкой полиции...

Но тут произошло то, чего меньше всего ожидали американские покровители битого фашистского генералитета. Американцы считали, что немцы только спят и видят, как бы стать их ландскнехтами. Но даже состоявшие на счету особо надежных «индустриальные полицейские» тысячами отказываются вступать в наемную армию и переселяться в казармы. То же происходит и в «рабочих батальонах» и в аденауэровской полиции. Не клеится и вербовка безработных: мало кто, за исключением самых отпетых фашистов, соглашается идти в американские наемники. «Если американцам так хочется иметь войну, пусть воюют сами!» — это выражение, появившееся два года назад во время затеянной американцами «холодной войны» в западном Берлине, можно слышать теперь повсеместно в Западной Германии.

Национальное сопротивление немецкого народа агрессивным американо-английским планам войны — недавно еще лозунг — стало фактом. Против превращения Западной Германии в новое поле сражения, а ее молодежи в пушечное мясо для американских авантюр настроено теперь большинство населения.

Но англо-американские поджигатели войны, разумеется, не желают списать со своего баланса боннский протекторат, главного поставщика вооруженных ландскнехтов. Они затевают ряд сложных маневров. Марионеточный боннский канцлер Аденауэр обращается к верховным комиссарам с челобитной, в которой просит разрешить ему создать многочисленную моторизованную полицию и предлагает свои услуги по формированию немецких наемных дивизий под флагом «европейской армии».

На сентябрьских совещаниях агрессивного Северо-атлантического блока Ачесон требовал немедленно набрать не менее десяти немецко-фашистских дивизий. Но представители Франции боятся возмущения общественного мнения своей страны. Кроме того они хотят, чтобы ассигнуемые Вашингтоном на вооружение своих вассалов 4 миллиарда долларов попали в первую очередь в их руки. В результате торг закончился компромиссным решением: немедленно приступить к формированию западногерманской «мобильной полиции», иными словами — моторизованной пехоты.

В Бонне с великой поспешностью берутся за реализацию ньюйоркских решений. Отряды новой «мобильной полиции» уже маршируют по улицам западно-немецких городов и начинают выполнять свои функции—они «практикуются» на терроре и провокациях против сторонников мира.

Все больше активизируются генералы-гитлеровцы: они чувствуют, что нужны американцам, что на них вся надежда Уолл-стрита. Теперь они уже не обивают американские пороги в роли робких просителей. Постепенно наглея, они бахвалятся и ставят условия. Никаких наемных войск, никакой «мобильной полиции», только настоящая фашистская армия под их командой! Пусть армия называется «европейской» — это можно. Но и это при условии, что будут немедленно выпущены на свободу и торжественно реабилитированы все нацистские военные преступники, даже те из них, которые на Нюрнбергском процессе были приговорены к пожизненному заключению.

Наглости во всех этих заявлениях битых гитлеровских генералов столько же, сколько пустого самомнения. Национальное сопротивление простых немцев воинственным затеям «Брудершафта» растет с каждым днем. Когда Мантейфель пытался выступить с речью на тщательно подготовленном юношеском митинге в Дюссельдорфе, его прогнали с трибуны, не дав раскрыть рта. Уличные демонстрации сторонников мира становятся обычным явлением. Под Стокгольмским Воззванием, вопреки свирепому террору, подписываются все новые тысячи людей. Среди них бывают даже полицейские.

Оккупационные власти не могут больше положиться на полицию боннского «правительства». Они сами составляют и расклеивают грозные приказы, запрещающие антивоенную пропаганду, но устрашающие приказы повисают в воздухе. Они запрещают одну за другой прогрессивные организации и газеты, конфискуют антивоенную литературу, запрещают демонстрации, слеты, митинги сторонников мира, арестовывают группами борцов за мир. Но они бессильны против воли народа.

Немецкий народ все острее ненавидит американских и английских поджигателей войны, ненавидит подымающую голову гитлеровскую нечисть, спасенную и взлелеянную империалистами. И эта ненависть обрекает на неудачу самые хитроумные планы создания в Западной Германии фашистской армии, каким бы флагом ее ни старались прикрыть.

Из китайских поэтов

Почему?

Е ЮН-ФАН

**Почему наши бубны сегодня так чисто звучат!
Может быть, музыканты сильнее по бубнам стучат!
Почему среди ночи так ярко горят фонари!
Или свечи массивнее стали теперь! Говори!
Нет, ни то, ни другое!
Веселья сегодня полны
Потому, что народ
Стал хозяином нашей страны!
Почему наши песни сегодня поем от души!
Почему плясуны еще не были так хороши!
Может быть, голоса стали лучше у наших певцов!
Или ноги быстрее у наших лихих плясунов!
Нет, ни то, ни другое!
Веселье шумит через край
Потому, что Победа пришла
И свободен Китай!
Почему же в квартирах вдруг стало тепло и светло!
Или, может быть, вставили в окна другое стекло!
Почему же на стенах такая лежит чистота!
Или кисти другие, известка, быть может, не та!
Нет, ни то, ни другое!
Запомни, мой друг, навсегда:
Потому, что Свобода
В родные пришла города!
Почему же сегодня так рисовый колос душист!
Плод в июньском саду почему, словно солнце, лучист!
Может быть, потому, что другие у нас семена!
Потому ли, быть может, что выдалась ранней весна!
Нет, ни то, ни другое!
Цветут и сады и поля
Потому, что народу
Отныне подвластна земля!**

Плавим сталь

СИ МИН

**Стучат по рельсам вагонетки,
бежит состав у дымных стен.
Опять грохочущим железом
там загружается мартен.
Мы плавим сталь. Уже во мраке
каскад горячий заблистал,
И шумным огненным потоком
пошел расплавленный металл.
Как будто ламп зажглось сто тысяч,—
низвергли вековую тьму!
И погасить тот свет великий
мы не позволим никому!
Как будто расцвело сто тысяч
огромных ярко алых роз
В честь нашей радости всеобщей,
что пережить нам привелось.
Мы плавим сталь. Как сталь, мы сами
в огне боев закалены.
Еще на дальних переправах
горит большой огонь войны.
Еще лютует на Тайване
палач презренный Чан Кай-ши.
Спеши, ударник производства,
дать плавку новую спеши!
Родным бойцам нужны орудья,
снаряды меткие нужны.
Мы плавим сталь. Мы больше стали
героям нашим дать должны!
Пускай они наш флаг победный
над всей страною пронесут!
Пусть над врагом свершат последний
суровый, справедливый суд!
Но сталь нужна не только фронту:
она для мира нам нужна.
В леса ударных новостроек
пускай оденется страна.
Металла ждут заводы наши,
а наши села ждут машин,
Чтоб стали вдвое плодородней
просторы вспаханных равнин.
Чтоб урожай на вольных нивах
в год по два раза вырастал,—
На тракторы и на комбайны
спеши, ударник, дать металл!
Страна, идущая к расцвету
и к счастью новых мирных дней,
Следит за каждой плавкой стали,
ждет новой доблести твоей!**

Перевел Сем. БЫТОВОЙ

Хозяева сада

Е. АНУЧИНА

Все короче дни, все позже встает солнце... Осенним огнем горит прозрачная желтая вязь берез, горят последние листья кленов и кисти рябины у окон с белыми наличниками.

Ветер гонит по деревянному тротуару стаю сухих листьев, а по дороге деловито шагает стадо. Скрипят калитки, хозяйки выпроваживают на улицу пестрых холмогорок. Молодой пастух Саша для порядка щелкает длинным бичом. Коров еще гоняют на пастбище, и Саша, как летом, играет на рожке. Это не те резкие, однообразные звуки, которыми пастухи дают о себе знать улице. Саша играет на рожке и «Веселых ребят» и старинную удмуртскую песню «Лымы тӧди» — «Белый снег».

В Завьялове девушки поют «Лымы тӧди» под гитару и под аккордеон, а иногда и без всякого аккомпанемента, за работой. Заведующий молочной фермой Липин, демобилизованный старший лейтенант, сказал однажды председателю колхоза Кириллову:

— Мы с женой уважаем Штрауса, симфоническую музыку слушаем... Но почему родная удмуртская песня так трогает сердце?

— Потому что родная, — сказал Кириллов.

«Лымы тӧди» часто передают из Ижевска по радио. Умолкнет, отзвучит сашин рожок, и песни звучат из окон. Кто был в гостях у завьяловцев, тот в редком доме не видел репродуктора, бережно поставленного на комод или прибитого над широким сосновым столом, за которым обедает семья. Вечером здесь слушают новости, которые приходят отовсюду в удмуртское село Завьялово.

Школьники записывают, какая будет завтра погода, и спорят с бабушкой, у которой есть на этот счет свои соображения.

— Вот посмотришь, будет, как по радио!

Этот неугомонный, беспокойный народ составляет очень значительную часть населения Завьялова. В селе двести двадцать колхозных дворов, а школьников двести. Тридцать педагогов работают в завьяловской десятилетке.

Школа разместилась в трех больших домах, а учатся все-таки в две смены. Ведь в старшие классы завьяловской десятилетки ходят ребята из ближних деревень — Башура, Пычанки, Шургинки... В девятом часу утра по дощатым тротуарам топочет башмаками первая смена. Мальчики уже в теплых пиджаках и шапках.

— Что по ботанике-то сегодня?

— Не знаешь?! «Мичурин — великий преобразователь природы». А потом еще...

Но «ученые» разговоры вдруг прерываются. Книги сунуты подмышку, «биологи» устремляются на дорогу, увидев старый футбольный мяч. Подбирается компания, которая ведет мяч через все Завьялово ничуть не хуже своих московских или ижевских ровесников. В Завьялове, конечно, есть футбольная команда, есть стадион... Но чтобы выйти на футбольное поле, надо сначала вырасти.

Девочки придерживают от ветра свои шапочки, размахивают портфелями.

— Сегодня интересная картина! Про подвиги...

На заборе афиша; на большом листе розовой бумаги выведено тушью: «Смотрите в нашем кинотеатре новый художественный фильм «Смелые люди».

Афишу, наверное, писал заведующий клубом Алеша Чепурных. В клубе, который помещается там же, где и кинотеатр, все лозунги написаны его рукой. Он и декорации умеет рисовать. Вообще трудно перечислить все, что умеет делать Алеша Чепурных. Он исполняет в пьесах роли и молодых и стариков, собственноручно мастеря окладистые бороды из конской гривы; играет на аккордеоне, поет... Когда на улице Завьялова его встречают колхозники, они задают ему один и тот же вопрос:

— Скоро к нам в бригаду с концертом приедете?

Но Чепурных недоволен собой.

— Я не энергичный, наверное, — сказал он недавно инспектору районного культотдела Нине Максимовой.

— Ты не энергичный? — удивилась Нина.

— Выходит, — подтвердил Чепурных, — почему же мы проводим спевки и репетиции в библиотеке? Кино дает нам помещение только два раза в неделю. Надо построить свой театр в Завьялове. Мы готовимся к тридцатилетию республики...

Оба задумались. Тридцать лет... Какие далекие времена!

* * *

Дорога в сад идет через плотину, где неумолчно поет светлая вода. Высокий тополь у старой мельницы приветствует гостей. Он сохраняет листву дольше, чем береза и клен, ветви его еще шумят на ветру. Дорога идет мимо колхозного кирпичного завода, где всегда можно услышать громкий голос мастера кирпичного производства колхозника Шкляева. На машину грузят кирпич, чтобы отвезти на колхозные стройки. Бегут вдоль дороги маленькие елки. Важно проходит по обочине семья белых гусей.

И вот показывается высокая ограда.

Ветер ерошит кусты ягодника. Садовод Николай Федорович Иванов запахивает полы пальто, поднимает с земли сухую ветку.

— Главное наше богатство за речкой, — говорит он, — восемьсот двенадцать яблонь. Только лето нынче небогатое для яблок, — дождей чересчур много. Ну, да ведь если сладкого помаленьку, то и горького не до слез. Мы в «Красном труде» по четырнадцать центнеров хлеба с гектара сняли. Сейчас главное — молотьбу окончить, пока «бабье лето» стоит. А яблони свое отдадут, сад еще не старый, у него впереди не одно лето.

Деревянный мост осыпан желтыми листьями. К запаху осенней травы и влаги примешивается сильный, свежий аромат. Это пахнут антоновские яблоки. Уже сняты и золотая и сладкая «китайка», «белый налив», «казанка», и вот подошла очередь антоновки. Крупные яблоки еще светлеют в редкой листве.

— В иные годы мы по двести пятьдесят тысяч рубликов со своего сада получаем, — говорит садовод. — Яблочки у нас не простые, а золотые, как в сказке.

Сад этот посадили пятнадцать лет назад. И, рассказывая его историю, садовод рассказывает историю колхоза «Красный труд», потому что он, Николай Федорович Иванов, был первым его председателем.

* * *

«Здесь я родился — в селе Завьялове... Пятьдесят лет назад шло тут мое детство. Был я смелый, никого не боялся, а в сад за яблоками или на огород за огурцами не лазил. Но это не характер мой виноват. Не было тогда в Завьялове ни одной яблони и огурцов не сажали. Моркови, капусты — и тех никто не видел. Говорили, будто у нас ни овощи, ни фрукты не растут. Пшеницу почти не сеяли, потому что семена не умели промывать, головня съедала.

В старые времена село наше звалось «Дэри» — грязь по-русски. Это давно было, триста лет назад. Тогда здесь леса корабельные стояли, а люди под горой жили, у болота. У нас дедушка Миронов сказку говорит, как Ондра с Кайваном тут поселились, а к ним Завьял пришел... Тогда и поселок Дэри будто переименовали. Но и в Завьялове грязи хватало. Осенью на проселке лошадей на веревках вытаскивали, телеги тонули.

Урядник, бывало, говорит: «А куда вотяку ехать? Церковь дома, кабак дома...» В Завьялове действительно было четыре кабака — заходи в любой, пропивай кнут да сбрую. А больницы не было. Теперь в Завьялове рентгеновский кабинет, лаборатория, соллюкс, кварц и все процедуры; глазные болезни лечит доктор-специалист. А тогда и фельдшера не имели. Лечились у знахаря. Половина семей на селе были трахомные. Волостное начальство считало, что порядок этот не надо менять.

Старшина зайдет в чью-нибудь избу и выругается: «Тут слепым только и жить. Темнота и люди темные». По вечерам люди жгли лучину, потому что керосин был дорогой. Но темным народ наш не был. Завьяловцы еще Пугачеву помогали. Емельян Иванович в Завьялове стоял полтора месяца, и много удмуртов ушло с его отрядами. У нас и улица Пугачевская есть в селе.

С детства я понимал, что жить надо лучше. Но слова «революция» не знал. Ведь книжки мы читали только те, что продавали на базаре в Ижевске, — жития святых или про разбойников. Шестнадцатилетним парнем ушел я работать на Ижевский завод. Но жизнь лучше не стала. Как первый свет, помню листовку Ленина. Она попала мне в руки, когда я был за тысячи верст от Завьялова. В окопах на латвийской земле в семнадцатом году эту листовку читали все солдаты нашего полка. И многие, как я, поняли свою жизнь. В полку началось восстание. Скоро все мы ехали по домам. Приехал я в Завьялово, а там еще староста и урядник распоряжаются. Да я-то ведь читал листовку Ленина! Созвал митинг, объяснил, что власть народная теперь, и призвал к переделу земли. Но землю мы тогда переделить не успели, — пришлось опять взять ружье, колчаковцев гнать.

В двадцатом году Ленин подписал декрет об образовании Удмуртской автономной области. И подпись Калинина там стоит. Михаил Иванович сам в Завьялово приезжал. Остановился в школе, а завьяловцы всю улицу заполонили. Из всех деревень народ спешит. Калинин долго с нами говорил, объяснил, что советская власть дала крестьянам. Часто задумывались после того завьяловцы, как дальше свою жизнь строить. Весной двадцать восьмого года пятеро бедняков с семьями подписались под первым уставом товарищества по совместной обработке земли. Меня выбрали председателем. На весь наш колхоз было две лошади да три сохи. Дали нам еще два плуга, молотилку и жатку. С этого и пошло наше богатство. В тридцать первом году «Красный труд» уже выращивал в своих парниках рассаду; сажали мы капусту, помидоры, огурцы. Многие кричали тогда: «Не вырастет у вас ничего!».

А мы тридцать пять тысяч дохода получили от парникового хозяйства. Так завьяловцы и начали овощи разводить. У всех огороды появились. И хлебом стали богаты.

Перед Отечественной войной наш колхоз в

Николай Федорович Иванов — садовод колхоза «Красный труд».

Фото П. Катаева

миллионеры вышел. Тогда я был уже не председателем, а садоводом. Съездил в тридцать пятом году в Симеиз, в санаторий, и увидел сады — виноград, крымские яблоки. Вернулся в Завьялово, прошу: «Посылайте на курсы. Виноград — не знаю, а яблони, может, выращу».

В деревне Венья проводили курсы садоводов. Поехал я учиться, узнал, что могут расти на нашей земле яблони. Привезли мы в Завьялово саженцы из Сарапуля да из Веньи. Везли, как малых ребят, следили, чтоб не тронул кто, не повредил. Посадили первый колхозный сад в Удмуртии. Вот он, вырос...»

* * *

Когда затихают голоса на кирпичном заводе, темнеет вода у плотины и елки у дороги кажутся сонными, садовод Иванов верхом едет домой. Дом его, с кустами акации у окон, стоит недалеко от конторы колхозного правления. Часто садовод встречает председателя колхоза, который возвращается с поля в плетеной таратайке. В гараже стоит новый, блестящий «москвич», но Кириллов не ездит на машине в поле. Кожаное пальто его забрызгано грязью, фуражка сдвинута на затылок, лицо озабоченное, но не усталое. Уставать некогда, день еще не кончился. В девять назначено собрание коммунистов колхоза «Красный труд». Будет доклад председателя колхоза о ходе уборки. В плетеной таратайке он обдумывает тезисы и цифры.

Утром Кириллов не успел этого сделать, хотя проснулся очень рано. Было темно, спала улица, не разбуженная еще рожком пастуха, молчали репродукторы в домах, спали все десять бригадиров, и, наверное, было тихо на десяти токах. Председатель с досадой подумал, что сейчас бездействуют пятьдесят электромоторов, исправно работающие днем в хозяйстве «Красного труда».

Кириллов уже привык к этому новому огромному хозяйству. В июне в артель «Красный труд» вошли четыре колхоза, и хлеб убирали уже вместе. Но ведь надо, чтобы хлеба все получили еще больше, чем в прошлом году.

Осторожно ступая, чтобы не разбудить жену и сына-десятиклассника, председатель вышел из дома. Подумав на крыльце, он отправился будить конюха. В десять бригад съездить не успеешь, надо побывать у «новых». Правда, почти со всеми людьми в «новых» бригадах Кириллов хорошо знаком. Одних он узнал, когда еще был сельским учителем, с другими познакомился, когда стал председателем райисполкома, многие приходили слушать его лекции, когда он окончил Высшую коммунистическую школу сельского хозяйства. Да и этой весной из Пычанки и Башура колхозники приходили на беседы Кириллова об организации колхозного труда, о полеводстве... Люди знакомые, а надо стать друзьями. Без этого нельзя быть руководителем.

Шумный рабочий день встает над землей «Красного труда». Идут машины с хлебом. На заготовительный пункт отправлено еще полторы тысячи пудов.

Но, подъезжая вечером к конторе, Кириллов думает о том, что хлеба государству надо сдавать еще больше. Он мысленно делает пометку, что об этом следует сказать на собрании коммунистов. Есть полчаса, чтобы подготовиться к докладу. Проворно выскочив из короба, председатель толкает легкую калитку сада. По-военному выпрямившись, он проходит мимо скульптур Ленина и Сталина, стоящих за оградой. Сумерки уже окутывают сад.

Собираются коммунисты. Бригадир Клавдия Петровна Липина, улыбаясь, снимает платок и поправляет волосы. Тихонько заговорив с птичницей Прасковьей Григорьевной, она скромно садится на краешек скамьи. Липина — депутат Верховного Совета Удмуртии. К ней приезжают из дальних колхозов, присылают письма. Часто, уложив спать дочерей-школьниц и маленького сына, оставив свет только в одной комнате, она долго сидит над бумагами. Недавно к ней приходил колхозник из артели «Общественник». Ему недоплатили по трудодням. Клавдия Петровна съездила в правление, и счетовод произвел перерасчет.

Зимой Липина училась в колхозной школе взрослых. Старшая ее дочь, одиннадцатилетняя Рая, ходила в библиотеку за книгами.

Рая читала и газеты, когда писали о ее матери, и уже знала, что картофель «лорх» начала разводить в Завьялове Клавдия Петровна.

Слушая доклад председателя, Липина перешла поближе к столу и попросила бумаги.

— Я тебя первой в прения запишу, — сказал секретарь.

Но первыми заговорили шоферы.

— Надо больше беседовать в бригадах, — сказал водитель полуторки Мерзляков. — Так объяснять каждому работу, чтобы люди поняли, в каких масштабах мы теперь хозяева. Укрупнение колхоза, товарищи, высокого сознания требует.

— Верно, — сказал Кириллов.

Он внимательно слушал, что говорят коммунисты, и в каждом слове ощущал чувство новой ответственности.

— Больше у нас теперь земли, — говорила Липина, — и семья большая. Мы перед своими детьми за хлеб отвечаем... У тракта гуси посевы потоптали. Сколько центнеров пропало? Я вот сейчас подсчитывала... С кого взыскивать? Меня дочь спросит...

Утром, на другой день после собрания, секретарь партийной организации Овсянников сказал Кириллову:

— Выросли наши люди за это лето. Действительно видишь — заботливые хозяева.

Кириллов собирался ехать на «дальний» ток. Надевая фуражку, он улыбнулся:

— И какие хозяева!

* * *

Михаил чувствовал себя хозяином, когда приехал на воскресенье в родное Завьялово.

В доме все было попрежнему. У окна фикус топорщил тяжелые листья, цвела герань, белел до блеска вымытый пол, висела на стене гитара с бантом на грифе. Кринка с молоком стояла на подоконнике. Как знаком этот запах молока, хлеба и чистоты!.. Отец с матерью на молотьбе, дома только сестра Оля, черноглазая, тоненькая, с темными косами. Она нянчила свою маленькую племянницу Валю в красном платье и вязаных башмачках.

— Смотри, Валь, приехал дядя Миша.

И Оля засмеялась, откинув одной рукой косы. Никак она не могла привыкнуть к тому, что брат уже взрослый, учится не в школе, а в Ижевском педагогическом институте и редко приезжает домой.

— У вас уже много лекций было? — серьезно спросила она.

Михаил уселся за стол, отрезал хлеба и налил молока в стакан.

— Теорию пределов по математике начали. Английский изучаем. Мне легко, потому что я в школе английский учил.

— Только не воображай, — сказала Оля.

Как все в семье Гришиных, она знала, что Михаил был лучшим учеником завьяловской школы.

Он улыбнулся, угадав ее мысли.

— Говорят, у вас новый физический кабинет?

Оля вздохнула:

— Вместе с химическим. А для старшеклассников интернат построили, кто из других деревень. Мама беспокоится, как ты в общежитии живешь.

— А что? — удивился Михаил.— Нас пять физиков там, комната большая.

Оля поправила на племяннице красное платье и ушла за перегородку. Она вернулась с почтовым конвертом в штемпелях и подала его брату:

Вася пишет: приедет на будущее лето.

В этом году аспирант Московского энергетического института Василий Алексеевич Гришин так и не собрался съездить домой, в Завьялово. Он уже думал о диссертации, работа отнимала все время. А летом мать, как всегда, ждала старшего сына. Часто, положив на стол листок белой бумаги, она говорила мужу:

— Пусть приедет, отдохнет от ученья. Напиши ему.

Сложив на груди руки, улыбаясь по-матерински печально и нежно, она стояла у стола.

Сама Евдокия Яковлевна не писала писем.

— Нас было пять дочерей у матери, и ни одна грамоты не знала. Девушек удмуртских не учили тогда. Мы и школы не видели, — рассказывала она своим детям, и они слушали ее с удивлением.

— А почему же девочек не учили? — спрашивала Оля. — Странно.

Старшая сестра Оли, Татьяна, окончила Ижевский медицинский институт и уже третий год работает в Завьялове. Часто она предлагает полечить мать, отца или Олю, но все здоровы.

— Что ты будешь делать, если никто не станет болеть? — смеется Оля и думает, как это хорошо, что она живет не в старое время, когда девочек не учили.

Сидя на сундуке, брат и сестра вместе читают письмо. Валя играет с конвертом. Старший брат пишет отцу и матери, что будущим летом он обязательно приедет в Завьялово, как приезжал всегда. И он рад, что Михаил поступил в институт. Интересно, задумывается ли уже о будущем Оля? Ведь она в седьмом!

— Да, правда, — говорит Михаил, — кем ты хочешь быть?

Оля опускает на колени письмо и улыбается, широко раскрыв черные глаза:

— Я еще не знаю... Но скоро выберу.

Огромный цветущий сад, который зовется жизнью, смыкает над нею ветви. Она поднимает руки, словно трогая цветы и листья:

— Выберу самое лучшее.

Фонтанная зерносушилка

Восемьсот градусов — это температура пламени газовой горелки. Можно ли при такой жаре сушить зерно? Еще недавно подобный вопрос казался праздным: конечно, нет! Тепло в зерносушилке никогда не превышает 160 градусов. Это был порог, который никто не отваживался перешагнуть.

Доктор технических наук профессор М. Ю. Лурье доказал, что на самом деле это положение не так уж незыблемо. Если зерно пропускать по сушилке со скоростью урагана, температуру можно довести до 800 градусов, и зерно при этом не потеряет высоких продовольственных качеств.

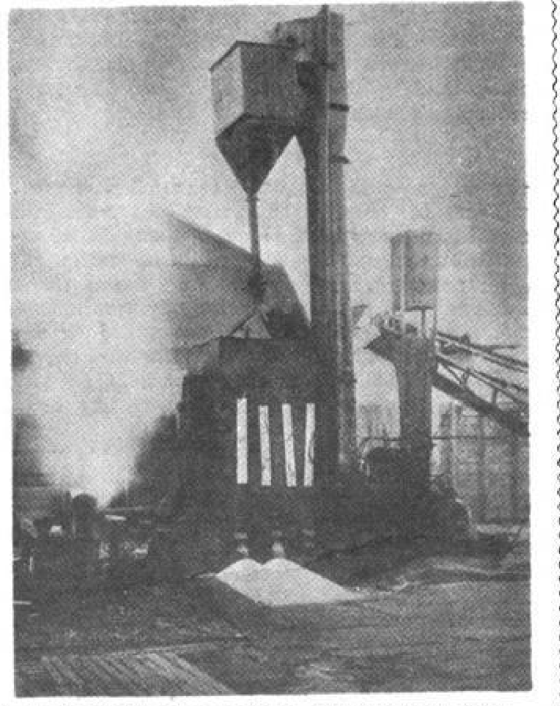
В теплотехническом институте имени Ф. Э. Дзержинского построили передвижную сушилку. В топке сжигают уголь, а горячие дымовые газы, подгоняемые мощным вентилятором, вихрем проносятся по трубе.

Каждые две минуты в бункер высыпают мешок зерна. Через щель оно попадает в трубу и уносится газами, подобно тому, как песчинки подхватываются ветром. Зернышки фонтаном летят вверх и сушатся на лету.

Труба заканчивается широкой воронкой, похожей на рюмку. Здесь газы, расширяясь, теряют скорость, и в воронке быстро накапливается зерно. Пересыпаясь за края, оно попадает в уловитель, а оттуда в холодильник.

Фонтанную сушилку в разобранном виде перевозят на машине. Она весит в четыре раза меньше, стоит в восемь раз дешевле и обрабатывает зерна, по сравнению с другими типами сушилок, в полтора раза больше — три железнодорожных вагона в сутки. Таковы преимущества высокой температуры!

Недавно эта зерносушилка испытывалась в Наро-Фоминском районе, Московской области. Спустя несколько дней в местных мастерских построили такие же сушилки.

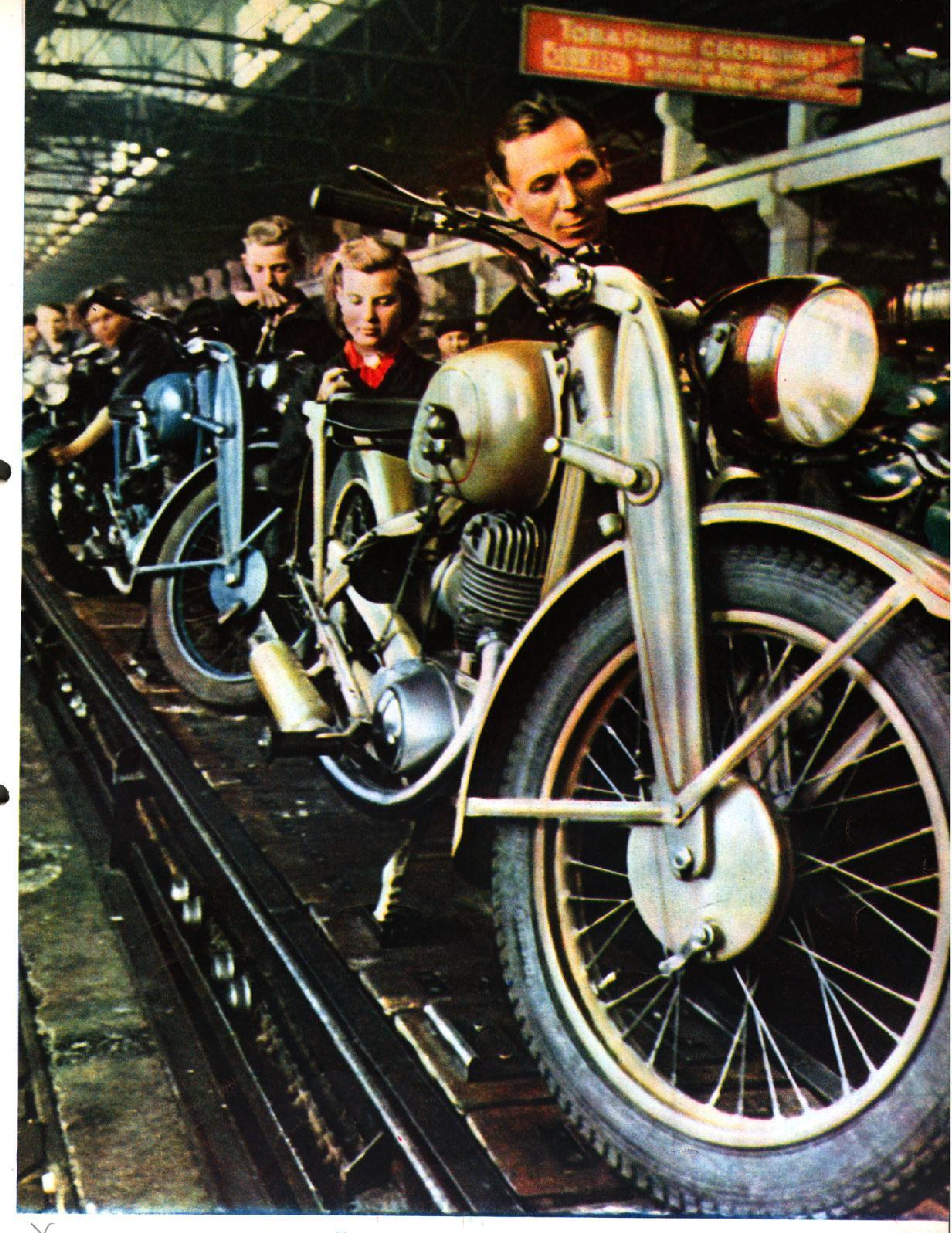

Александра Ивановна Перевощикова, первая женщина-удмуртка — доктор медицинских наук, заведующая кафедрой детских болезней Удмуртского государственного медицинского института, член Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР, заслуженный врач РСФСР.

Погрузка готовых локомобилей на Воткинском ордена Ленина машиностроительном заводе.

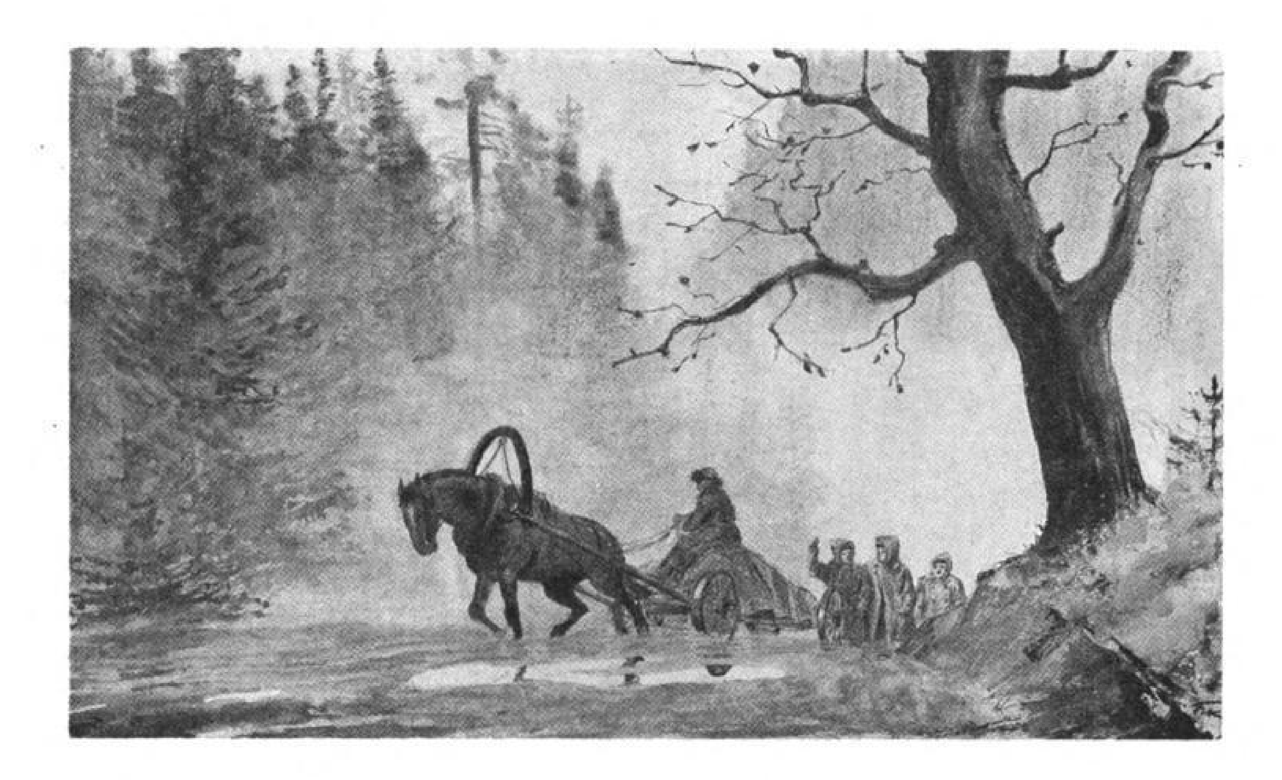
Фото М. Савина

Сборка мотоциклов на конвейере Ижевского завода.

Пионеры Ижевска на берегу Камы.

НОЧЛЕГ

Рассказ

Иван ФРОЛОВ

Рисунки П. Караченцова

Год назад, в последних числах октября, мне пришлось попасть в один из отдаленных лесных районов Южного Урала для осмотра нового месторождения железной руды. Руда была найдена рабочим леспромхоза Тимофеем Степановичем Телегиным где-то километрах в семидесяти от железной дороги, в малонаселенной местности.

Стояло продолжительное ненастье, дороги раскисли, машины не ходили. К счастью, на станции нас встретил сам Тимофей Степанович Телегин. В его распоряжении были длинные башкирские дроги, предназначенные для перевозки леса, маленький саврасый конек, прозванный Фордиком, и такой же маленький, тщедушный возница Карим. Последний отличался тем, что проявлял полнейшее равнодушие к дождю, к немыслимой дороге, к нашим разговорам и за все время дальнейшего пути говорил только: «Ну, айда!»

Мы погрузили на дроги наш вьючный чемодан и спальные мешки в брезентовых чехлах, укрыли все сверху палаткой, увязали веревкой. Карим взобрался на чемодан, потрогал рукой веревку, сказал: «Ну, айда!»,— и мы поехали.

Ехал, собственно, только Карим. Мы же — Тимофей Степаныч, я и мой помощник Миша, только что окончивший горный институт,— шли пешком, утопая в красной вязкой глине.

Погода была отвратительная. Стоял густой и какой-то липкий туман, за которым, как за дымовой завесой, не было видно ни окрестных гор, ни леса. Лишь временами в этой серой пелене образовывался тусклый просвет, и в нем, как в окошке, вдруг появлялась то вершина близкой горы, покрытая черными елями, то раскидистые ветви придорожного дуба с еще не облетевшей листвой.

Мы шли довольно бодро. Тимофей Степаныч широко шагал по лужам в своих новых охотничьих сапогах, густо смазанных дегтем, и рассказывал, как им была найдена железная руда. Миша с явным удовольствием слушал рассказчика, а когда тот замолк, Миша, глубоко вдыхая влажный воздух леса, сказал, что, в сущности, в русском ненастье есть своя неповторимая поэзия, которую надо уметь понимать и ценить.

Потом начался дождь, который не переставал уже до вечера. Он сеял сквозь туман, как из сита, мелкий, частый, холодный. Вперемежку с ним временами начинал валить мокрый снег.

Мы накинули на головы капюшоны плащей, пошли гуськом и предпочитали уже больше молчать, так как надо было то и дело то подниматься на гору, то спускаться вниз с такой кручи, что Кариму приходилось слезать с повозки и для торможения привязывать переднее колесо.

К концу дня Тимофей Степаныч начал жаловаться, что новые сапоги жмут, что, кажется, он уже набил на левой пятке изрядную мозоль. По моему настойчивому требованию ему пришлось сесть на повозку.

Миша тоже приуныл, хотя и старался скрыть от меня свою усталость. Он уже не любовался более туманным пейзажем, не говорил о поэзии ненастного дня. Откровенно говоря, я и сам порядком устал и к концу дня едва переставлял ноги с налипшими на них глыбами глины.

В поздних сумерках, когда уже с трудом стало возможно различать дорогу, лес расступился, и мы увидели деревню на косогоре, новый мост через речку, затопленный луг. Откуда-то доносился шум падающей воды, где-то мычал заблудившийся теленок, и детский голос протяжно и плаксиво звал:

— Ма-ашка! Ма-ашка!

Мы знали, что это были Починки, первая деревня на нашем пути, и что мы, таким образом, отшагали за день двадцать километров, несмотря на исключительно плохую погоду.

Близость ночлега приободрила моих примолкших спутников. И когда за мостом мы встретили девочку, которая манила из зарослей ольхи теленка, не желавшего повиноваться ей, Тимофей Степаныч спрыгнул с телеги, похлопал рукавицами и громко крикнул:

— «Эй, телеш, куда идешь?» «Волков есть». «Смотри, телеш, как бы самого напереж!»

Это вышло у него очень забавно, и девочка вдруг громко рассмеялась.

Мы помогли ей выгнать из кустов упрямого теленка с гроздьями репьев на хвосте и спросили, кто председатель колхоза и у кого нам можно переночевать.

Девочка с любопытством осмотрела нас, спросила, не землемеры ли мы, и рассказала, что в деревне шестьдесят дворов, есть школа, сельсовет, медицинский пункт, сельмаг. Председателя колхоза зовут Василием Иванычем, а ночевать нам лучше всего у Маркиных. У них всегда ночуют землемеры и кто приезжает из района, потому что изба у них новая и самая большая, а семья всего три человека: дядя Коля, да тетя Дуняша, да сама Пелагея Карповна.

Так, получив все нужные нам сведения, мы велели Кариму трогать. Карим сказал: «Ну, айда!» — и начал помогать Фордику тянуть на косогор тяжелые дроги. Мы тоже подсобляли сзади.

На середине косогора Фордик стал и беспомощно опустил уши.

— Пристал,— сказал Тимофей Степаныч.

— Пристал,— повторил Карим.

В этот самый момент на деревне дружно вспыхнули белые огни и повисли в туманном воздухе пышными огромными шарами.

— Э, да у вас и электричество! Смотри-ка ты! — с невольным восхищением произнес Миша.

— Неужто нет?— ответила наша проводница тоном взрослой женщины. — Во всех колхозах есть, а у нас не будет?.. Что уж это?

— Плотина своя? — спросил Тимофей Степаныч.

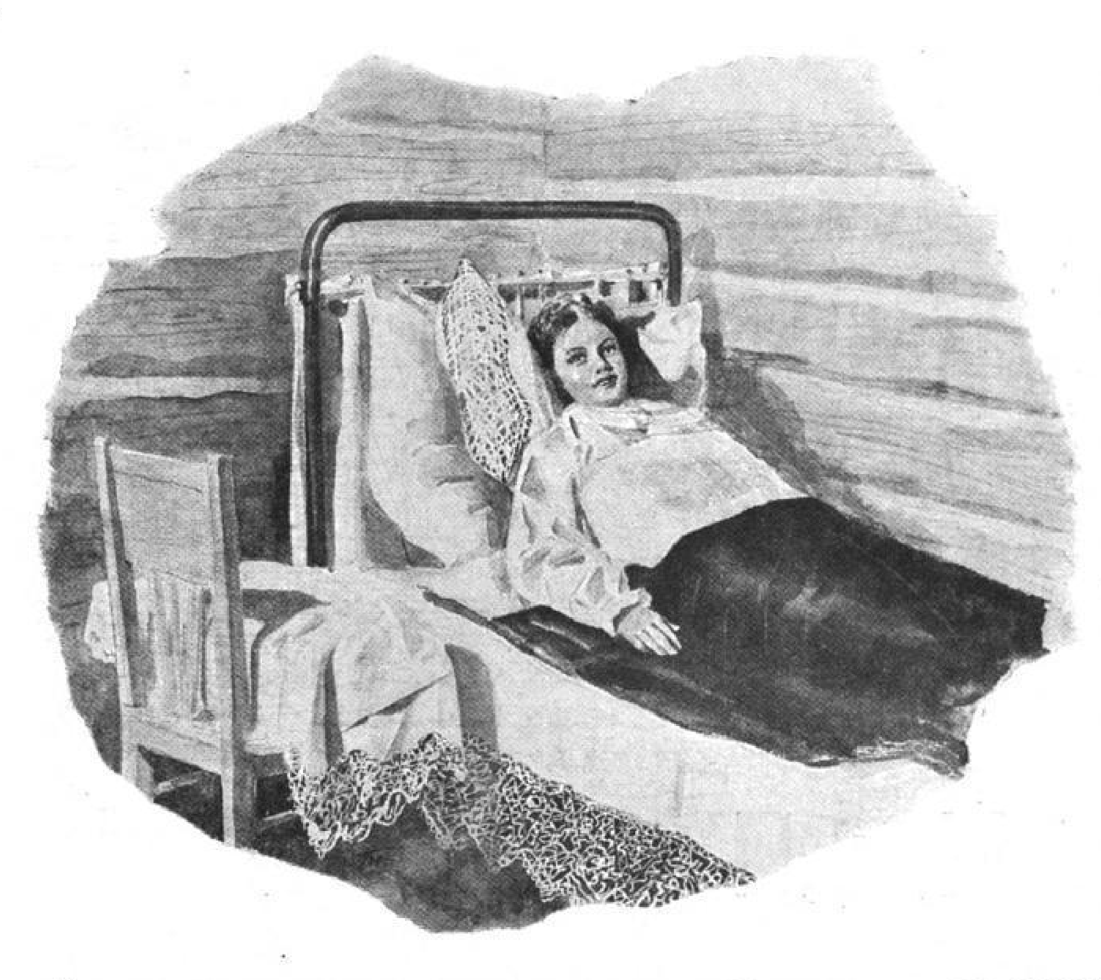
— Турбина вон на Вертушинке, этой осенью построили. Дядя Коля Маркин строил.

— А кто он: инженер? — спросил Миша.

Девочка удивленно взглянула на Мишу, словно возмущаясь его недогадливостью.

— Так уж обязательно вам — инженер! Танкист, чай! — с достоинством проговорила она и попрощалась с нами.

У ворот свежесрубленного пятистенного дома с палисадником мы остановились и постучали.

На стук из подворотни выскочила круглая, как шар, мохнатая дворняга, волчком прокатилась у нас под ногами, издавая визгливые звуки, выражающие не то восторг, не то крайнюю степень ярости, и, нырнув назад в подворотню, разразилась заливистым лаем на какой-то невероятно высокой ноте.

Карим взялся было за кнут. Но на дворе послышались шаги, и певучий женский голос, обращаясь к собаке, с укоризной заговорил:

— Будет тебе, дурачок, расстраиваться-то, небось, не воры. Не смей, сказано тебе! Вот я тебя палкой, пакостника!.. Да вы идите, он ведь у нас не кусается, брешет только безо всякого умыслу.

Калитка отворилась, и мы увидели высокую, статную старуху в овчинном полушубке, с правильными крупными чертами лица, хранящими следы былой красоты.

— Встречайте гостей, Карповна! — шутливо крикнул Тимофей Степаныч. — Иль не узнаете?

Карповна, приблизясь, пристально оглядела каждого из нас прищуренными и, должно быть, еще зоркими глазами и виновато улыбнулась.

— Обличье-то знакомо будто, а кто такие, не припомню,— проговорила она и подобрала тонкие губы.

Мы рассказали о себе.

— Жизнь-то у вас какая беспокойная,— со вздохом сказала Карповна. — Все лето вон в горах пробыли. А тут опять, на зиму глядя, тащись невесть какую даль.

Она замолчала, и ее лицо приняло смущенно-озабоченное выражение. Мы ждали, что вслед за этим предварительным знакомством последует приглашение заезжать во двор. Но Карповна продолжала смущенно молчать, и мы не знали, как нам поступать дальше.

— Ну, так что же вы нам скажете, Пелагея Карповна? — неуверенно спросил Тимофей Степаныч.

— Трудную вы мне задачу задали,— ответила она и рассмеялась. — Разве мне вас к Писаревым проводить? Или к Стеше Ушаковой?

Было ясно, что к себе она не хотела нас пускать. Ходить же по деревне от дома к дому мы, кажется, были уже не в состоянии. Так или иначе, но этот неожиданный отказ ставил нас в затруднительное положение.

— Может, лучше к председателю колхоза сходить? — предложил Миша. — В крайнем случае, попросимся в контору.

— Ну какая вам нужда в конторе ночевать? — запротестовала сама Карповна. — Ни постель постлать, ни самовара согреть. В другой раз я бы и сама радехонька гостей приютить, да ведь вот... Куда мне с вами?.. И в доме, как в сарае, не метено, не прибрано... А вы в дороге, вам покой нужен.

— Да об нас-то меньше всего заботы,— сказал Тимофей Степаныч. — По два месяца, бывало, в Пинских болотах сидели, как бобры, в одной шинелишке: одну полу под себя, другую сверху...

Карповна колебалась, и мы почувствовали облегчение.

— Нет, уж лучше я вас к Писаревым провожу,— заключила она с видимым сожалением. — И вам будет спокойнее, и у меня за вас душа болеть не станет.

— Ну, коли так, айда, Карим! — решительно сказал Тимофей Степаныч.

— Айда! — согласился Карим и начал пятить от ворот лошадь.

— С кем это вы тут, мамаша? Не землеустроители случаем? — неожиданно окликнул сзади мужской голос, и к нам подошел высокий белокурый парень в замасленной спецовке, до крайности похожий на Карповну.

— К несчастью, горняки,— с усмешкой ответил Миша.

— Почему к несчастью? — не понял тот. — Мы землемеров давно ждем, потому что надо землеустройство проводить. На травопольную систему переходим. Сами понимаете!

Он назвался Николаем, электротехником колхоза «За коммунизм» и, узнав, кто мы, скороговоркой выпалил:

— Эх, чорт возьми, народ-то все нужный какой!.. Так что же вы задумались? Отворяйте ворота, телегу под навес, вещички в сени!..

— Коля... — начала было Карповна, но Николай уже взял лошадь под уздцы и круто завернул ее к воротам.

— Что же теперь, мамаша? Как-нибудь уж... А люди с дороги мокрые, назяблись, устали,— сказал он.

— Устать-то, небось, устали, дорога-то, как сусло,— со вздохом согласилась Карповна.— Только уж не гневайтесь на нас, если не поглянется что...

Нас накормили горячими мясными щами, гречневой кашей и напоили чаем с розовым топленым молоком, в котором плавали румяные, поджаренные пенки. Нашу мокрую одежду положили сушить на печь, а нам дали теплые подшитые валенки.

Разморенные сытным ужином и теплом, мы сидели на лавке в просторной, ярко освещенной комнате с безукоризненно вымытыми полами, с занавесками и цветами на окнах, с семейными фотографиями на стене, среди которых под зеркалом красовался вырезанный из журнала цветной портрет Мао Цзе-дуна. За печкой домовито поскрипывал сверчок, на столе чуть слышно вздыхал, затихая, начищенный до блеска белый самовар. От бревенчатых стен хорошо пахло нагретой сосной. Тянуло ко сну. Но спать еще было рано.

Чтобы скоротать время, Миша взялся мастерить бумажный абажур на лампу. Тимофей Степаныч расспрашивал Николая о колхозных делах. Но Николай был чем-то озабочен, отвечал рассеянно и время от времени, извиняясь перед нами, зачем-то уходил из дому.

Пелагея Карповна хлопотала на кухне, часто лазила в русскую печь и беспричинно переставляла с места на место горшки и ухваты.

Из горницы несколько раз появлялась жена Николая Дуняша, смуглая, красивая, с туго заплетенными толстыми косами. Она была беременна и крайне смущалась этим: всякий раз, подходя к столу, прикрывала живот руками и краснела.

Мы заметили, что Дуняша была любимицей в доме: Пелагея Карповна следила за каждым ее движением, а Николай делал жене какие-то таинственные знаки, которые приводили ее в еще большее смущение. Свекровь не позволяла невестке ничего делать на кухне, а когда Дуняша хотела было убрать со стола самовар, то оба, и муж и свекровь, испуганно закричали:

— Дуняша, оставь!

Несколько раз за вечер приходили какие-то женщины. Они стояли у порога, о чем-то подолгу шептались с Карповной и уходили.

В десятом часу приходил председатель колхоза Василий Иваныч. Это был приземистый мужчина в черной сатиновой косоворотке, клетчатом костюме и в новой кожаной куртке, с жесткой клинышком бородкой и седеющими толстыми усами.

Он задал нам несколько односложных вопросов, закурил «козью ножку» и замолчал, глядя в одну точку. Николай заговорил с ним о том, что надо бы скорее ставить электропилораму и начинать строительство водопровода для молочной фермы, а к весне подумать об электропахоте. Василий Иваныч подкручивал правый ус, молча кивал головой и только изредка вставлял короткие фразы, вроде того что электрификация поставила колхоз на высшую точку развития или что вводить электропахоту в условиях одного колхоза не дозволяет масштаб местности. Говорил он тем уверенно-спокойным тоном, за которым всегда чувствуется опытный хозяин: все эти сложные насущные вопросы жизни у него хорошо продуманы и решены.

Николая вызвали к Дуняше. Председатель покосился на дверь, ведущую в горницу, и, прищурив правый глаз, сказал:

— Прошу обратить внимание на эту молодую дамочку: с восьми коров получила по сто девяносто три кило молочного жира в среднем от коровы за год. Рекордная цифрочка! Представили на героиню.

Второй раз за вечер к Дуняше прошла худощавая девица Ася, стриженая, с рядом золотых зубов. На ней были белый халат и высокие резиновые боты, которые она снимала у порога. Вероятно, это была тоже доярка, дуняшина подруга.

Председатель колхоза, поглядев на девицу, мельком заметил:

— Санитария и гигиена...

И было трудно понять, к чему относил он эти слова — к самой девице или к ее белому халату и ботам, оставленным у порога.

Когда Василий Иваныч уходил, мы вышли следом за ним. Дождя уже не было. Очистившееся небо было густо засыпано белыми крупными звездами, а под ногами хрустел тонкий ледок.

Василий Иваныч попрощался и ушел, и мы так и не поняли, зачем, в сущности, он приходил.

— А зря не поехали к этим — как их? — к Писаревым, что ли,— проговорил Миша, когда мы остались одни.

— Почто? — спросил Тимофей Степаныч.

— Да неудобно как-то. Хозяева как будто чем-то недовольны, словно мы мешаем им...

— Ерунда,— возразил Тимофей Степаныч.— Переночуем и утром пораньше уедем. Ну, попросим извинения... Куда ж теперь?

Спать мы расположились на полу, расстелив в ряд спальные мешки, и все тотчас же мертвецки уснули. Под утро я смутно слышал сквозь сон, как мимо меня кто-то торопливо пробегал, как то и дело хлопали дверью и из сеней врывался холод. Но ни хлопанье дверью, ни холод разбудить меня не могли — я только глубже зарывался в мешок и за всю ночь даже, кажется, ни разу не перевернулся во сне.

Когда мы проснулись, в доме не было никого. В окна заглядывало солнце, вся комната была наполнена ярким утренним светом, а на стенах и потолке дрожали желтые зайчики.

Высвободив голову из спального мешка, я увидел, что в доме произошла перемена: стол был накрыт отутюженной белой скатертью, на нем стояла цветущая герань, а вокруг нее были расставлены рюмки, тарелки с огурцами, с груздями, с домашней ветчиной и маринованной брусникой, пересыпанной сахаром. Под зеркалом, над фотографиями и портретом Мао Цзе-дуна, висело старинное холщовое полотенце, искусно расшитое красными петухами.

— Ого, это что же, банкет? — спросил Миша.

Вошла Пелагея Карповна. Она была в новом темносинем сарафане со множеством сборок, в темной цветастой кофте и в белой с черной крепинкой косынке. Лицо ее было торжественно и взволнованно.

Она остановилась против нас и неожиданно поклонилась нам в пояс.

— Теперь судите меня, старую, проезжие люди, виновата была перед вами,— сказала она по-старинному, нараспев.

— Что вы, что вы, Пелагея Карповна!

— Ну, знать, в добрый час вы все же к нам пожаловали,— улыбаясь, продолжала она и опять поклонилась: — Вас — с хорошей путью, а нас — с первенцем.

— Как?!

— А вы, должно, и не слыхали? В пятом часу утра... внучек, Владимир Николаевич... десятифунтовый, как сахарный!..

Никто из нас действительно не слыхал ничего! Надо ж было умудриться не заметить, что еще с вечера все в доме уже ждало этого момента — появления нового члена семьи,— что именно поэтому нас не хотела пускать на ночлег хозяйка...

— Эва, храпанули с устатку-то,— смеясь, сказал Тимофей Степаныч, и мы торопливо начали натягивать сапоги.

Пелагея Карповна проплыла по комнате в своем шуршащем сарафане от печки к столу и от стола обратно к печке и, не зная, за что взяться, сказала:

— Радости-то сколько, батюшки мои!.. И соседи-то все заждались не меньше нашего.

Скоро появился Николай, в щегольски начищенных сапогах и галифе, увешанный орденами и медалями. Увидев нас, он остановился в смущении, не зная, что сказать. Потом неожиданно откозырнул, прищелкнул каблуками и отрапортовал, обращаясь почему-то к Тимофею Степанычу:

— Гвардии старшина в отставке Маркин Николай!

— Молодец, гвардии старшина! — в тон ему ответил Тимофей Степаныч.

Посоветовавшись между собой, мы решили преподнести новорожденному подарок и командировали в сельмаг Мишу. Он возвратился с розовым, в кружевах детским одеялом, которое было сложено вчетверо и перевязано голубой лентой.

Подарок подносил Тимофей Степаныч. Он снял сапоги, надел белый дуняшин халат и торжественно, на вытянутых руках понес одеяло в горницу.

Мы остановились в дверях, сопровождаемые Карповной и Николаем.

Дуняша лежала в постели, бледная, с запавшими глазами. Рядом, на стуле, в бельевой корзинке копошилось сморщенное розовое существо.

— Ну, вот... Это новорожденному Владимиру от нашей путешествующей корпорации... Поздравляем,— проговорил Тимофей Степаныч.

Дуняша пошевелила губами и улыбнулась. У нее слегка порозовели щеки.

— Расти, брат, Владимир,— продолжал Тимофей Степаныч.— Увидишь ты расцвет коммунизма, и жизнь твоя будет просторная, невиданная...

— Как море-океан,—вздохнув, пропела Карповна.— Мы этого не знали ведь, нет...

От правления колхоза тоже принесли подарок — никелированную, с крытым шелковой тканью верхом детскую коляску. А к завтраку пришли и все члены правления колхоза во главе с Василием Иванычем. Вместе с ними пришли несколько дуняшиных подруг. Среди них была и худенькая Ася с золотыми зубами. Она была уже без халата, в шерстяном васильковото цвета платье, и мы узнали, что она вовсе не доярка, а колхозная фельдшерица.

За завтраком ели жареного гуся и много шумели. Все хотели говорить поздравительные речи и не слушали друг друга. Василий Иваныч стучал вилкой о пустую бутылку и, обращаясь то ко мне, то к Мише, несколько раз повторял:

— Нет, я убедительно прошу вас: посмотрите на эту семейку! Один — электротехник, мы без него ни шагу; другая — вот-вот в Москву за золотой медалью укатит; третья — бригадир льноводческой бригады, у секретаря обкома в кабинете лекцию читала. А тут еще и молодые кадры появляются — на зло всем трумэнам и прочим, как говорится, поджигателям!

Кто-то предложил спеть хоровую песню, но большинство гостей отклонило это предложение, чтобы не беспокоить Дуняшу и новорожденного Вовку.

Тогда фельдшерица Ася попросила Николая подыграть ей на гармошке и спела «Самару-городок». Тимофей Степаныч не спускал с Аси восхищенного взгляда. А когда она кончила, он одобрительно пожал ей руку, попросил у Николая гармошку и сказал:

— Ну, а теперь моя очередь.

Тимофей Степаныч начал петь. У него оказался сильный и приятный голос и особенно хорошо получались высокие ноты, которые он брал фальцетом чисто и легко и при этом красиво запрокидывал голову и закрывал глаза.

И он за-пе-е-ел про я-а-асны-очи,
Про очи де-е-е-вицы-души...

Эта простая песня о широком раздолье, о тройке, об унылой песне ямщика, хорошо известная каждому из нас, вызывала теперь то особое душевное состояние, когда в груди сжимается сердце и когда невольно теплеют глаза.

Он кончил петь, застегнул ремешки гармони, бережно поставил гармонь на подоконник и трясущимися от волнения пальцами достал красный носовой платок, чтобы вытереть вспотевшее лицо.

Раздались дружные возгласы. Тимофей Степаныч спрятал платок и, не зная, куда деть дрожащие руки, смущенно сказал:

— Это не пенье... Если б нотное что-нибудь.

Его стали упрашивать спеть еще. Но он наотрез отказался, так как нам уже надо было собираться в дальнейший путь, в Глухие Мажары.

Нас никак не хотели отпускать в этот день, уговаривая остаться до завтра. Мы обещали заехать на обратном пути и велели Кариму запрягать Фордика.

— Фордик — это отсталое явление в современной технике, пускай на нем один Карим поедет,— заявил председатель. И он распорядился, чтоб немедленно сходили за шофером Федей. — Пускай за полтора часа доставит в леспромхоз инженеров, а оттуда заберет электропилораму из ремонта,— сказал он.

Мы погрузились в кузов нового великолепного грузовика, в который шофер Федя предусмотрительно наложил соломы.

Хозяева и гости провожали нас. Они стояли у палисадника и дружно махали нам кто рукой, кто фуражкой, пока машина не свернула в переулок.

Мы выехали за село, на белую от инея лесную дорогу. По сторонам стояли старые кряжистые дубы, на которых кое-где еще держалась желтая листва. От деревьев через дорогу тянулись синие тени.

Все пережитое за эти сутки: дождь, ужасная дорога, ночлег, праздник в доме, песня Тимофея Степаныча — все это еще живо наполняло нас, и было жаль, что все оно так мимолетно прошло.

Должно быть, и мои спутники думали о том же. Тимофей Степаныч сидел с полузакрытыми глазами, а Миша все глядел на пронизанные солнцем желтые дубы, влажные от тающего инея, и, бросив через борт потухшую папиросу, мечтательно заговорил:

— Желтые дубы, тропинки, засыпанные опавшими листьями... Незнакомые лесные дороги... Ездишь вот так по стране, и везде такие интересные люди, везде такая жизнь!..

— Да, хороша ваша профессия, товарищи!.. — открыв глаза, сказал Тимофей Степаныч.

ЛОНДОНСКАЯ РАБОТНИЦА И ГАЗЕТНЫЕ КЛЕВЕТНИКИ

Вечером 21 сентября лондонские мальчишки-газетчики, получив, как обычно, пачки газет, разбежались по улицам английской столицы. «Поздний выпуск «Ивнинг стандарт!» — кричали они. — «Интервью с госпожей Шваброй! Госпожа Швабра летит в Москву»...

Статья в «Ивнинг стандарт» так и называлась. Злобная, хулиганская статья была ответом буржуазной прессы на посылку в Москву делегации от прогрессивных женских организаций Англии.

В этот вечер Роза Уозмер, уборщица из Уайт-холла — так называют в Лондоне здание министерства труда,— действительно готовилась к отъезду в Советский Союз.

— Что из того,— говорила она своей дочери,— что меня оскорбляют, называя «госпожей Шваброй»? Пусть! В конце концов, за те годы, что я работаю уборщицей, я привыкла к этому. Но ты понимаешь, что это значит — я еду в Москву!

За всю свою сорокадвухлетнюю жизнь Роза Уозмер никогда не выезжала с острова. Легко представить себе ее радость, когда она узнала, что включена в состав делегации. Ее нетерпение возросло после того, как накануне в отеле Чартинг-кросс на пресс-конференции десятки корреспондентов буржуазных газет забрасывали ее провокационными и издевательскими вопросами.

А после пресс-конференции какой шум подняли реакционные газеты по поводу поездки в Советский Союз представительниц простых женщин Англии!

«Ньюс кроникл» в статье, озаглавленной «С восемью шиллингами и четырьмя центами в Москву», изощрялась в остроумии по поводу предстоящего путешествия уборщицы из Уайт-холла, объясняя его лишь «страстным желанием госпожи Уозмер узнать, обладают ли русские какими-либо новыми методами... натирки полов».

Наигранное ехидство и пошлая ирония буржуазных писак плохо скрывали раздражение и беспокойство их хозяев. Роза Уозмер известна у себя на родине не только как боевой руководитель десяти тысяч уборщиц, добивающихся равной с мужчинами оплаты женского труда, но и как активный борец за мир. Перед отъездом в СССР она заявила, что весь технический персонал Уайт-холла будет с нетерпением ожидать ее впечатлений от поездки.

— Мои товарищи считают,— сказала Роза Уозмер в ответ на атаки буржуазных журналистов,— что послать в Советский Союз трудящуюся женщину куда полезнее, чем посылать Черчилля.

Эти меткие и правдивые слова простой лондонской работницы, конечно, не опубликовали ни «Ивнинг стандарт», ни «Ньюс кроникл», ни другие буржуазные газеты. Но многим из тех, кто сидел в этот вечер в Чартинг-кросс, вспоминался другой осенний день, когда Роза Уозмер выступала с горячей и вдохновенной речью в защиту мира. Это было в Трафальгар-сквере. Роза Уозмер поднялась на трибуну, чтобы предложить резолюцию в защиту мира.

Шел дождь, ветер с каждой минутой усиливался. Но никто не думал расходиться. Уборщица из Уайт-холла, высокая, худая женщина с уже начинающими седеть волосами, выбросив вперед большую, рабочую руку, продолжала свою речь.

— Мы должны бороться за мир,— горячо говорила она,— бороться против тех, кто желает войны. Я и мои коллеги, уборщицы, почти три года добиваемся увеличения заработной платы. Старый Криппс[1] расщедрился и решил бросить нам подачку в виде одного фартинга[2]. Мы еще не добились своего, но мы это сделаем. И если мы объединимся, если мы все объединимся и будем бороться за мир, мы его защитим...

На митинге в Трафальгар-сквере она выступала только в защиту мира. Но тотчас нашлись люди, объявившие, что Роза Уозмер — коммунистка.

— Я не коммунистка,— заявила Уозмер.— Но я хочу счастья и мира в моем доме и во всей Англии. У меня два брата: Фредерик и Джеймс. Они участвовали в войне, и оба вернулись с подорванным здоровьем. Фредерик был контужен, а у Джеймса до сих пор такие ужасные головные боли, что страшно на него бывает смотреть. Мне хватит и этого горя. Я не хочу больше видеть таких страданий и таких жертв, и поэтому я борюсь за мир. Если за это меня называют коммунисткой, то пусть называют!

Роза Уозмер достала десять бюллетеней с текстом Стокгольмского Воззвания. Она решила послать их своим подругам и знакомым, сопроводив каждый своим письмом.

«Настал такой момент,— писала она,— когда каждый должен что-то сделать, чтобы предотвратить угрозу войны. Если мы сейчас этого не сделаем, всем нам будет плохо, и мы познаем все ужасы, какие несет с собой война. Мой дорогой друг, вспомните: мы только что вышли из одной войны и рискуем оказаться в новой. Я прошу вас и всех ваших друзей и подруг сделать что-нибудь для дела мира. Начните с того, что вы подпишете это Воззвание. Подпишите его сами и предложите подписать его вашим друзьям».

За неделю до отъезда из Лондона Роза получила обратно первый бюллетень. На нем стояло десять подписей женщин. И при этом письме была записка. В ней говорилось, что все десять женщин, в свою очередь, пошлют письма своим друзьям и знакомым.

И вот Роза Уозмер в Москве.

— Я приехала для того,— заявила она,— чтобы лично убедиться в миролюбии советского народа. Многие английские газеты пишут, что СССР хочет войны. Я этому не верила и раньше. И уж, конечно, не верю теперь, после того, как познакомилась с Советским Союзом, с Москвой.

Я приехала в Москву также для того, чтобы своими глазами увидеть, есть ли в СССР свобода религии или ее нет. Это очень важно, так как многие католики уверяют нас, что в СССР нет свободы вероисповедания. Пожелав узнать правду, я поехала в одну из московских церквей и там присутствовала при богослужении. Я хотела узнать правду, и я ее узнала.

Когда Роза Уозмер уезжала из Англии, многие ей говорили: ты приедешь в страну, разрушенную войной, там люди плохо, бедно живут.

— В вашей стране действительно было много разрушено, но сейчас все восстановлено, магазины полны товаров, народ живет намного богаче, чем живем мы в Англии. Вы стараетесь создать хорошую, счастливую жизнь для всего народа. Уже одно это может убедить каждого, что вы, советские люди, не хотите войны. Ваш народ такой жизнерадостный... Нет, нет, нам каждый день лгут! Теперь я твердо убеждена, что советские люди не хотят войны.

На тракторном заводе в Сталинграде миссис Уозмер встретилась с русской уборщицей. Обе были рады встрече. Они говорили о том, что волнует трудящихся женщин всех стран,— о войне и мире.

— У нас на заводе все подписали Стокгольмское Воззвание,— сказала русская женщина.

— Я тоже подписала его,— ответила Роза Уозмер.— Его подпишут и другие английские женщины.

Здесь, в Москве, эта скромная труженица из Лондона вспоминает о своих товарищах, собирающих подписи под Стокгольмским Воззванием:

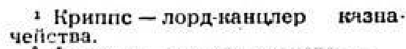
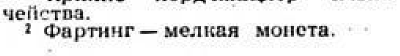
— Я каждую минуту думаю о них. Нам приходится нелегко, хотя ни один простой англичанин или англичанка не хотят войны.

У меня нет хорошего образования,— говорит миссис Уозмер,— я не знаю, как лучше выразить мои мысли и мои чувства. Я бы хотела только сказать, что, увидев, как вы, советские люди, живете и как много делаете для того, чтобы защитить мир, я поняла, что тоже должна для мира делать больше, чем делала до сих пор.

Прощаясь, моя собеседница взволнованно говорила о том, что вот уже две недели она в Советском Союзе и, представьте, ее никто не называет «миссис Швабра».

— Я никогда этого не забуду,— говорит Роза Уозмер и, помолчав, задумчиво добавляет: — Советские люди глубоко уважают простых людей, где бы они ни жили и чем бы они ни занимались. Вместе с вами так радостно бороться за мир!

К. НЕПОМНЯЩИЙ

[1] Криппс — лорд-канцлер казначейства.
[2] Фартинг — мелкая монета.

Находившаяся в Москве английская женская делегация побывала в гостях у работниц фабрики «Красный Октябрь». На снимке: английские делегатки в детском саду фабрики. Слева: уборщица из Уайт-холла Роза Уозмер.
Фото В. Мастюкова (ТАСС)

УРОК ФРАНЦУЗСКОГО

Рассказ

Андрэ СТИЛЬ

Рисунки Л. Бродаты

Читатели «Огонька» уже знакомы с Андрэ Стилем по рассказу «Стальной цветок». Сюжет этого рассказа — отказ рабочих от производства вооружения — более чем современен. В «Уроке французского» Стиль на первый взгляд обращается к прошлому, хотя и недавнему. Однако это не совсем так. Сироты войны, сироты замученных в гитлеровских концлагерях, напоминая людям о вчерашнем дне, в то же время предостерегают. У девочки из рассказа есть, к несчастью, слишком много новых братьев и сестер: это сироты Кореи, Индонезии, Вьетнама, Греции, Филиппин, сироты всех стран, в которых американские последователи Гитлера пытаются превзойти своего предшественника. Стиль вовсе не хочет только рассказать: «Вот что было». Он доказывает: «Вот чего не должно быть». Эта основная идея рассказа раскрывается в разговоре молодых коммунистов. Глубоко потрясенные трагедией ребенка, они обобщают единичный случай, чтобы придти к выводу, неизбежному для всех честных людей: сама жизнь всеми своими большими и малыми явлениями неизменно подтверждает справедливость и необходимость борьбы за мир и свободу, которую коммунисты ведут в первых рядах всех народов.

В этой борьбе Андрэ Стиль занимает передовой и почетный пост, работая в редакции центрального органа Коммунистической партии Франции «Юманите». Во имя мира и свободы «Юманите» защищала молодую Советскую страну от интервенции и прежде всего французской. За мир и свободу сражалась «Юманите» в подполье в годы гитлеровской оккупации; среди 75 тысяч французских коммунистов, отдавших жизнь за освобождение своего народа, были десятки сотрудников «Юманите» и в их числе герой сопротивления Габриэль Пери. От имени французских трудящихся «Юманите» требует сегодня прекращения «грязной войны» во Вьетнаме и кровавой агрессии США в Корее. И если поджигателям войны при всем усердии плевенов, шуманов и моков не удается и не удастся превратить Францию в свою казарму, а французский народ — в пушечное мясо, то в этом есть и немалая доля заслуги «Юманите».

Так борьба и литература сливаются для Андрэ Стиля, как и для многих других передовых писателей Запада, воедино.

Самая унылая работа! Впечатление, будто утюг всей своей тяжестью навалился на Маргариту. Другие утюги греются на раскаленной докрасна плите. Сквозь чугун просвечивают дрожащие отблески углей. Грустная компания для одинокой женщины! Вечно она одна в четырех стенах! За пожелтевшими, покоробившимися, вздувшимися во многих местах обоями в полной тишине шуршит обваливающаяся штукатурка, словно за стеной снуют невидимые мыши. Утюг скользит по белой скатерти, лишь изредка цепляясь за узелок ткани, подобно мысли, задерживающейся на воспоминаниях, которые до сих пор ускользали из памяти. Эти воспоминания бывали подчас так прекрасны и живы, что Маргарита забывала утюг на белье, и, когда, внезапно очнувшись, резким движением приподнимала его, под ним оказывался черный след, словно утюг отделился от своей тени.

Маргарита и Стани едва успели пожениться. Когда его схватили, Маргарита только-только почувствовала, что она беременна... Их отношения еще были в той стадии, когда каждый поцелуй, каждое нежное слово, каждая мысль открывают влюбленному все новые и новые черты в самом себе и в другом... Невозможно не только думать, но и мечтать в такую жару. Маргарита лишь следит за возникающими перед ее глазами воспоминаниями... В висках, в голубых, как олово, венах густая кровь, как слепой, спотыкается на поворотах. Такая же густая кровь толчками бьется в набухшем горле, и Маргарите кажется, что она беспрерывно, при каждом биении сердца, сглатывает сухую, как песок, слюну, сухую, несмотря на кипящую в котелке воду. Котелок покрыт увядшим ореховым листом и наполняет кухоньку запахом, навевающим уныние.

Быстрыми механическими движениями Маргарита догладила скатерть. Потом сложила ее пополам, снова два раза провела по ней утюгом, сложила вчетверо и прогладила в последний раз. На буфете, перед карточкой Стани, где он выглядит, как живой, стопка белья выросла еще немного. Маргарита опустила руку в ведро с холодной водой и, как бы благословляя, опрыскала белье в корзине. Вытянув первое попавшееся под руку, она разложила на столе расстегнутую с накрест сложенными рукавами полинявшую мужскую рубашку из грубой фланели в голубую полосочку.

Стани... Зимой, когда кончились их прогулки в роще, они оба так любили подолгу смотреть на реку. Правда, вода в Шельде не отличается красотой, она черна, как уголь. Вода в Шельде мертвая. Даже рыбы передохли в ней, отравленные заводами с их углем и мазутом. Старики рассказывали, что когда-то именно здесь ловились самые крупные щуки...

Берега Шельды заменили Стани и Маргарите рощу, где они встречались летом. На берегу стоял, да, наверное, он и сейчас еще там, старый, открытый всем ветрам домик без ставен, без окон, без дверей. Казалось, ничего не стоило сделать его жилым... Но если войти в него, сразу становилось понятно, почему его покинули жители. На полу толщиной в два пальца лежал слой засохшей черной грязи... Дело в том, что земля под домиком, стоящим над шахтой, осела и стала зыбкой, как тесто. Ежегодно в половодье Шельда, разливаясь, завладевает домом, соединяется со всеми лужами, подмывает на дворе шахты кучи угля, гниющие штабеля леса, черную железнодорожную насыпь и уходит, унося с собой сорную траву, плавающую в старинных рвах Вобана, рвах, которые разлившаяся река исследует вдоль и поперек.

Когда-то, должно быть, позади дома, у стены шахты, был скрытый от взоров садик. Теперь же на черной сухой грязи возникла поразительная растительность. Повсюду вдоль стен возвышаются огромные кусты глухой крапивы, которая не жжет и листья которой нежны, как бархат. Эти кусты достигают двух метров. Зимой их высохшие и побуревшие стебли остаются крепкими и прямыми, возвышаясь, как деревца. Но больше всего здесь поражали высота и размеры дикого ревеня с негнущимися, могучими листьями, широкими, как мужская грудь, и покрытыми набухшими от избытка сока прожилками. Казалось, что находишься в чужой стране, где-то очень далеко. Это было похоже на клочок буйно разросшейся степи, которая словно приплыла сюда с другого конца света по морю и Шельде и затерялась среди гор шлака и шахтерских поселков, скрытая от человеческих взоров заброшенным домиком...

Может быть, оттого, что Стани и Маргарита считали, что их любовь чем-то похожа на эти причудливые заросли, они почти ежедневно, когда Стани работал в ночную или утреннюю смену, приходили в этот затерянный уголок.

Здесь они чувствовали себя, как дома. Большие листья, примятые ими, образовывали мягкую постель, закрывая собой грязную жирную землю.

Совсем рядом гудел мотор в шахте, словно там билось гигантское сердце всей окружающей природы. По скрипу тросов они догадывались, что шкивы то останавливались, то снова приходили в движение, то вертелись в обратную сторону, поднимая и опуская клети. Часто Маргарита и Стани вздрагивали от голосов надземных рабочих, которые складывали лес в штабеля или грузили вагоны. Эти голоса смешивались с беспорядочным грохотом вагонеток, будто переговаривавшихся между собой... А с другой стороны, со стороны Шельды, по дорожке, посыпанной шлаком, время от времени проезжал одинокий велосипедист. Чуть выше по течению землечерпалка безостановочно вытаскивала черпаки, полные грязи, звеневшие, как бубенчики, на бесконечной цепи.

Вот здесь, со всех сторон окруженные людьми, Стани и Маргарита полюбили друг друга. Был холодный день. Но они все-таки пришли. Они уже знали, что это случится именно сегодня. Ведь еще накануне, у нее дома, куда он начал приходить с тех пор, как их женитьба стала решенным делом, она сказала ему:

— Я боюсь, Стани, что у меня будет ребенок до свадьбы...

Думали ли они о надвигавшейся войне? Предвидели ли они это? Теперь так трудно, да и не к чему вспоминать об этом, когда все, что произошло потом, было в тысячу раз ужаснее. Да и Стани так мало говорил, не научившись нашему говору, заменяя его смесью французского с польским.

Только потом они почувствовали, что день холодный. Моросил пронизывающий дождь. Они поспешили домой.

Как все поляки, Стани был очень жизнерадостным. По воскресеньям он надевал яркий галстук, красный или светложелтый, завязывая его огромным узлом, широко раздвигавшим воротник его белой рубашки. Свободный кончик галстука прикрывал треугольник его голой груди, покрытой поразительно светлыми волосами.

Самое ужасное — видеть и слышать, как трещат и извиваются в огне эти светлые волосы, покрывавшие его грудь, и усеянные веснушками руки...

Кончиком длинных щипцов Маргарита вылавливает один за другим угольки из плиты и бросает их в большой портновский утюг с деревянной ручкой. Наполнив утюг, она встряхивает его и щипцами размешивает в нем угольки, точно бередя свою кровавую рану, потом дует на

них, чтобы они ожили и снова разгорелись, закрывает утюг и надевает на левую руку громадную жесткую фетровую перчатку, чтобы защитить руку от пара... Брюки папаши Гаспара... Может, одной стирки мало... Дай бог, чтобы пятна не выступили под утюгом...

Стани... Стани... Они увели его, не сказав куда, одним из первых, сразу же после майской забастовки сорок первого года... С тех пор она ничего не слыхала о нем, пока не начали возвращаться высланные в лагери и Стефан Лелек из поселка Глицинии, арестованный одновременно со Стани, не сказал, что сам видел, как Стани умер в лагере и немцы сожгли его в крематории... «Он испепелен»,— сказал Лелек...

Труднее всего было с ребенком, которому пошел тогда уже четвертый год. До тех пор, чтобы дать Маргарите возможность работать, маленькая Мими жила у своей глухой бабушки. Девочка медленно развивалась и плохо говорила, но еще оставалась надежда на скорое возвращение Стани и на то, что ребенок, живя с родителями, нагонит пропущенное время. Теперь же, когда Стани нет, надо заняться девочкой. К тому же мать Маргариты всегда в душе немного осуждала дочь за то, что та вышла замуж не за француза. Честно говоря, какая в этом могла быть разница для глухой! Маргарите пришлось уйти с обувной фабрики, чтобы работать дома. Она стала шить брюки для большого ателье готового платья. Девочка иногда часами просиживала, глядя, словно загипнотизированная, на ножницы, вгрызающиеся в материю, или на то, как танцует иголка швейной машины, блестящая иголочка, от которой, как ей казалось, вздрагивает весь дом. Маргарита чувствовала на себе взгляд слишком больших, будто невидящих глаз, и это ее тревожило.

Случалось, она говорила дочери: «Мими, пойди займись чем-нибудь. Побегай». Девочка вздрагивала, как бы придя в себя. Иногда Мими тоже принималась за шитье, соединяя длинным шнурком, который мать вдевала ей в большую иголку, остатки материи, валявшиеся на полу. Машинально, как автомат, девочка всовывала и вытягивала иголку до тех пор, пока оставшийся кусочек шнурка не становился короче иголки. Она напоминала хрупкий механизм, который редко сам приходит в движение и не может остановиться, будучи однажды пущенным в ход. Но ведь ни Стани, ни сама Маргарита ничем никогда не болели. Да и девочку, когда она родилась, все находили здоровой, говоря матери: «Видишь, ты напрасно боялась». Потому что Маргарита беспокоилась, чувствуя, что ребенок в ее вялом, бессильном теле развивается слишком медленно...

И все же на свет появилось бодрое и беспокойное существо, которое своим криком доказывало, что у него изумительно здоровые легкие. Существо с черными и живыми глазами. «Вылитый Стани»,— с некоторой гордостью говорили подруги Маргариты, которые почти все были польки. Раньше Маргарита ходила с ними танцевать. Многие из них заглядывались на Стани и в душе мечтали выйти за него замуж. Вот почему и Ванда, и Тереза, и Поля, и Мария, и Гертруда образовали вокруг сестры Стани, Стефании, кружок неразлучных подруг...

Но работа в ателье скоро кончилась. То ли из-за царившего в нем беспорядка, то ли потому, что таких работниц, как Маргарита, в ателье было больше сотни, или торговля шла скверно, но как бы то ни было ей по неделям не присылали новых заказов и не приезжали за готовыми изделиями... Пришлось снова отдать Мими бабушке, которая скучала без нее, и приняться за поиски другой работы.

В течение двух месяцев Маргарита ничего не могла достать и была даже вынуждена продать аккордеон Стани старьевщику, чей колокольчик, звеневший каждый вторник по утрам, вот уже несколько недель как искушал ее. Старьевщик привык иметь дело со старым железом, кроличьими шкурками и старыми тряпками. Он схватил инструмент грязными лапами и сунул его в тележку, где среди разного хлама он сразу заблестел, потому что день, несмотря ни на что, все же был солнечным. Старьевщик утверждал, что дал хорошую цену, правда, не слишком высокую, но он ведь не покупает таких вещей, и взял аккордеон, чтобы сделать Маргарите одолжение...

Многие ее подруги-польки нанимались в прислуги, и часто далеко от дома. Ванда говорила Маргарите, что может попасться семья, где ей в дальнейшем разрешат взять к себе девочку. Маргарита поступила на ферму у самого выезда из Мобежа. Никогда еще она не бывала так далеко от дома. Никогда еще она не видела пейзажа без шахт. Через несколько недель свежий воздух оживил ее. Тем более, что она не чувствовала себя непривычно в этих местах. Ведь в бассейне Самбры, районе сросшихся друг с другом городов-заводов, не было недостатка ни в земле черного цвета, ни в мрачных домах, вытянувшихся рядами, еще более мрачных, чем в шахтерских поселках, ни в бедных и сердечных людях. Она скоро бы привыкла к этому краю огня и железа, где днем и ночью все кашляет и икает, словно какой-то великан поперхнулся глотком воды из Самбры. Было похоже, что чья-то гигантская рука то и дело встряхивала груду железа, и весь день на горку, где находилась ферма, доносился снизу шум Омона и Мобежа.

Однако скоро выяснилось, что девочку сюда взять невозможно. Ее пришлось бы часто оставлять одну на ферме, а это было опасно и из-за скота, и из-за сухой соломы на чердаках под раскаленной летом черепицей, и из-за огромной лужи посреди двора со скользкими камнями по краям...

Кроме того Маргарита тосковала по своим. Прежде всего по большой семье Стани, по его дядям, по таким непохожим друг на друга кузенам, по его старой матери в широченной юбке, в которой где-то глубоко запрятан большой карман, куда она засовывает свой кошелечек с мелочью; после двадцатилетнего пребывания во Франции старуха все еще путается в счете французских денег. Мать Стани носит белый чепчик с тысячей складочек, и лицо ее испещрено тысячью морщинок и тоже будто плиссированно. Тосковала Маргарита и по старику с его серым длинным лицом. На голове он носит польскую каскетку с маленьким черным потрепанным и изломанным козырьком, а в зубах у него вечно торчит деревянный мундштук, большей частью пустой и который иногда пахнет так хорошо, а иногда так скверно холодным табачным перегаром. Тосковала Маргарита и по подругам...

Вот почему она вернулась в деревню и стала брать стирку на дом. Работать было трудно из-за того, что она не успела завести ни электрического утюга, ни электрической стиральной машины, так как вышла замуж в начале войны и Стани был арестован вскоре после этого. У Маргариты была старинная машина с большим рычагом с двумя рукоятками, который нужно было вращать, держа руки на уровне груди. На стирку уходило много времени и много сил, но главное, это беспрестанно напоминало ей о Стани: первое, что он обещал ей купить, была электрическая стиральная машина...

Она вспоминает, как он рассказывал ей о самом своем безобразном и грустном впечатлении детства. Она слышит, как он говорил на своем исковерканном французском языке:

«Моя мать не была женщиной... Так ее украсила работа... какой урод, слишком толстая, бесформенная... Конечно, я ее любил, я бы умер за нее, даже сейчас бы умер за свою мать. Но она уже не была женщиной».

Маргарита берется правой рукой за рукоятку рычага с левой стороны, тянет ее к себе, меняет руку и толкает ее до отказа вправо, потом проделывает то же движение в обратную сторону. И так часами. Какой-то танец одержимых. До чего изнурительная работа!..

«Да, Марго, часами она проделывала одни и те же движения, и ее дряблая грудь раскачивалась из стороны в сторону. Когда бывало слишком много белья или попадались крупные вещи вроде простынь, она просила меня помочь ей. Я брался за вторую рукоятку и, стоя против нее, проделывал те же движения, только в обратную сторону, в том же темпе, толкая вправо, когда она толкала влево. Чудовищный танец. Я вынужден был смотреть прямо перед собой и видел ее лицо или чудовищное раскачивание грудей. Но мне слишком больно было смотреть на ее лицо. У нее были опустошенные усталостью глаза, грязный лоб, покрытый каплями пота; не прекращая работы, она смахивала его рукавом, и он тут же снова начинал блестеть у корней волос и каплями стекал по выбившимся прядям».

Стани думал о счастливых матерях из книг, у которых было время, чтобы быть счастливыми и научить счастью своих детей.

Продолжая крутить изо всех сил, Маргарита снова слышит его голос, неуверенный, когда он подыскивал французские слова:

«Моя месть, Марго,— это дать тебе счастье!»

Он хотел сказать: месть за все несчастья, выпавшие на долю его матери... Он был еще в том возрасте, когда привязанность мужчины делится между матерью и возлюбленной. У других это проходит раньше, но Стани был тем, кем он был, и вот за это его и арестовали сразу же после забастовки, в которой он участвовал.

Настало время, когда поляки начали возвращаться к себе на родину. Первыми уехали родители Стани вместе с Болеком, его двадцатипятилетним братом, тоже шахтером. Для стариков наконец осуществилась их давнишняя мечта, которую они, как чахлое растение, готовое ежеминутно погибнуть, лелеяли с тех пор, как покинули родину, объятую хаосом и ужасающей нищетой конца прошлой войны.

Что же касается Болека, то его мечтам еще предстояло расцвести на благодатной почве родной земли. Ведь сердца десятков тысяч Болеков во всем районе теперь забились сильнее. Казалось, что само небо над ними повернулось теперь на восток. Казалось, что среди ночи настало утро, что даже погода переменилась. Все поляки, да и не поляки, чувствовали это течение. Но для Маргариты каждый отъезд был словно уходящая из ее тела капля крови.

Как быстро летят годы, когда чувствуешь себя старой. С тех пор, как два года назад уехала Ванда, она каждую неделю присылает ей длинное письмо. Но Маргарите не о чем писать ей. От силы десять строчек, и то скорее смахивающих на жалобу. Письма Ванды излучают сияние, будто они написаны на посеребренной бумаге... А те жалкие строки, которыми Маргарита ей отвечает, кажутся ей самой камешком, брошенным в прозрачную воду... Ванда, с тех пор как она в Польше, все лучше и лучше пишет по-французски... Во-первых, эти письма — еженедельное упражнение... А кроме того у нее работа, где нужен французский язык. Так же аккуратно, каждый месяц, пишет ей и Стефания. Она вышла там замуж за шахтера. У нее ребенок. Она пишет, что, живя во Франции, никогда не подозревала, что ей так повезет в жизни.

Легкий, как ярмарочный серпантин, поднимается в небо вой сирены на фабрике искусственного шелка и медленно затухает. Утро кончилось. Уже без десяти двенадцать. Маргарита машинально отставляет утюги на край плиты, берет котелок с молоком, прикрытый газетой, и ставит его на огонь. Она открывает дверку буфета и проверяет, достаточно ли хлеба и хватит ли масла. Это завтрак для дочери, которая сейчас вернется из школы... Одна за другой воют заводские сирены. У фабрики искусственного шелка, у трикотажной, у обувной, где она раньше работала, женские голоса. У других мужские, могучие голоса гигантов. Внезапно деревня становится большой. В ней просыпается мощь.

Послюнявив палец, Маргарита пробует, горяч ли утюг. Палец едва шипит, как крохотная сирена.

Сейчас придет Мими. Она всегда возвращается позже, чем остальные, она тащится, и тащится обычно одна. Рассеянная, она ни о чем не помнит. Забывая, что пора обедать, она может остановиться и широко раскрытыми глазами начать рассматривать все, что угодно: корову Флавьена, привязанную к колу, дорожного мастера, завтракающего на куче щебня, обезумевший от ветра флюгер или еще что-нибудь столь же значительное. В январе ей исполнится восемь лет. Что-то в этом ребенке неладно. В школе она ничего не воспринимает. Мадемуазель Мишо, которая столько возится с ней, говорит: «Нет никакой возможности добиться, чтобы она хоть на минуту сосредоточилась». Слишком поздно Маргарита взяла ее от бабушки — это ясно. Девочка отстала, и кажется, что она никогда не нагонит своих сверстников. Временами у нее совершенно бессмысленный взгляд. Ребенок растет без отца. Этим все сказано. И хотя Маргарита пробует убедить себя, что иначе она не могла поступить, что не ее вина, если она не занималась больше дочкой, она беспрерывно, настойчиво, мучительно, против собственной воли обвиняет себя. И о чем бы она ни думала, все тот же вопрос возникает в глубине ее души.

«Никогда я не видела такого рассеянного ребенка,— говорит мадемуазель Мишо. — Ничто, решительно ничто ее не интересует... Пишет она грязно, крупными буквами, будто стараясь сломать перо. Труднее всех запоминает стихотворение, песню, особенно песню, которую на следующий же день способна забыть... Но знаете,— добавляет мадемуазель Мишо,— случается, что ребенок внезапно резко меняется, будто в нем вдруг пробуждается сознание. Да, это часто бывает». Увы, Маргарита все меньше и меньше верит этому. В голову ей лезут мысли, которых она стыдится, настолько они глупы. Но они липнут, как клей. Может быть, то, что Мими начала поздно говорить,— это она унаследовала от отца и в этом причина общего отставания... Кто знает?

Маргарита не может отделаться от мыслей, однажды пришедших ей в голову. Вот еще мысль, которая долго ее преследовала и даже теперь иногда возвращается к ней: может, Стани жив? Кто знает, может быть, он вернулся в Польшу? Кто знает? Тяжело раненный, потерявший память. Эта мысль связывала ее с уехавшими в Польшу еще сильнее, чем письма Стефании, еще сильнее, чем фотографии, присланные Вандой. И вот теперь аресты и высылка многих поляков из Франции, которые произошли в последние недели, подействовали на нее так, как будто изверги порвали между нею и Польшей ту нить, которая для нее дороже жизни. А ведь может еще случиться, что теперь перестанут пропускать письма Ванды и Стефании?

Маргарита столкнулась с врагами лишь в тот ужасный майский день сорок первого года, когда они отняли у нее Стани, когда они ударили ее по лицу за то, что она созвала женщин поселка, которые прибежали вместе со стариками и детьми и начали кричать на немецких солдат, отступавших к машине, подняв свои автоматы и уводя с собой Стани...

Необъяснимо, почему какие-то вещи приходят в голову, а потом исчезают. Вот и теперь, внезапно, после этих арестов она перестала верить в то, что Стани в Польше, будто он лежит на белоснежной больничной койке, закрыв глаза, или бродит с бессмысленным взглядом, прислушиваясь лишь к шарканию больничных туфель по гравию большого зеленого парка, или заперт в доме без окон, в доме для умалишенных, и у него странное, сумасшедшее лицо. Теперь погибла ее последняя надежда...

Сейчас она видит только то, что произошло на самом деле. Стани умер и сожжен в крематории, «испепелен», как сказал Лелек. Несколько дней тому назад Маргарита снова говорила об этом с Марией, своей соседкой. Девочка, не двигаясь, сидела тут же. Но разве можно понять, слышит ли она, видит ли она?.. Кажется, что она ничего не видит. Да и не впервые об этом говорили при ней. Это все, что она знает о своем отце.

Вот и Мими... Она пришла раньше обычного. И иная, чем обычно. Бежит, пританцовывая, смеется. Маргарита наблюдает за ней из-за белой занавески в китайских драконах с разинутыми пастями. Мими стремительно вбегает. У нее необычный вид в ее криво завязанном шарфике, в пальтишке с разорванными петлями, из которого она выросла...

— Мама, у меня пятерка!

Впервые Мими получила пятерку. И внезапно Маргарита чувствует, что эта мелочь излечила ее. Первая настоящая радость, первая радостная улыбка за последние восемь лет.

— Вот хорошо, дорогая моя, раздевайся. Положи аккуратно пальто на стул. Минуточку, я сейчас кончу, и ты мне все расскажешь...

* * *

— Куда вы так торопитесь, мадемуазель Мишо? — спросила директриса Мишлину таким же строгим голосом, каким она разговаривает с ученицами.

Ничего не ответив, Мишлина поспешно вышла.

Поставив Мими пятерку и внезапно поняв все, она едва удержалась, чтобы не расплакаться перед детьми, до конца урока. Но на улице тоже нельзя было дать волю слезам. Не обращая внимания на прохожих, не замечая холода, она бежала с распахнутым пальто.

Как сумасшедшая, она влетела в помещение секции. Старик Грегуар сидел, как обычно, в вестибюле и распаковывал огромные пачки брошюр. Делал он это по-своему, то есть не спеша, озабоченно, с улыбкой, которая, казалось, говорила: «Нелегко будет все это распродать. А мы все-таки дельные ребята!» Мишлине знакома его привычка подбодрять себя таким образом.

— Луи здесь?

Она почти прокричала свой вопрос... но Грегуар ничего не заметил... Он ответил ей, как обычно, шутливо:

— Он-то здесь, но ты слишком торопишься. Тебе нужен секретарь секции или возлюбленный?

— Оба! — крикнула она, закрывая за собой дверь комнаты, где находился Луи.

Только тут Грегуар сообразил, что она ответила ему почти плача. Он хотел было последовать за ней, но не решился. Может быть, произошло что-то такое, что касается только Луи и Мишлины.

Грегуар никогда не видел, чтобы Мишлина плакала. Здоровая, веселая, неутомимая, готовая всегда всем помочь.

Луи тоже поражен тем, что Мишлина плачет. До ее прихода он сидел за столом с карандашом в руке. Тут он вскочил.

Увидев, что он взволнован, Мишлина пытается сразу все объяснить, но слезы душат ее, и она не может вымолвить ни слова. Она бросается в старое кресло. Она поражена своим неожиданным для нее самой ответом Грегуару, потому что она действительно пришла к «обоим» и, наверное, никогда еще так ясно не чувствовала, что оба ее Луи объединены в одном человеке. Перед ее глазами лежит на столе газета, которую Луи оформлял до ее прихода. В конце цитаты она читает: «Сталин». Газета лежит вверх ногами, и Мишлина, даже не задумываясь над смыслом, скорее угадывает цитату, чем читает, так как она ее знает наизусть: «Слишком живы в памяти народов ужасы недавней войны...»

— Что с тобой, Мишлина?

Перед ее глазами в беспорядке прыгают слова из газеты.

— Мишлина!

Он стоит за ее спиной, наклонившись к ней. Мишлина видит только его руку на ручке кресла.

Когда наконец она приходит в себя, она рассказывает ему о происшедшем. Ей кажется, что говорит не она, а кто-то другой. Рассказывает она сбивчиво: слова и слезы.

Луи ничего не отвечает, но Мишлина видит, как напрягается и сжимается его рука, будто он хочет сломать старое кресло.

Он продолжает молчать, и Мишлина, глядя на его крепко сжатый кулак, перестает плакать.

Луи кладет вторую руку ей на плечо, и в этом жесте чувствуется больше силы, чем нежности.

Мишлина вытирает слезы, и он говорит ей:

— Сколько раз я повторял тебе, что каждый, даже самый крохотный кусочек жизни свидетельствует о том, что мы правы!

* * *

— Вот моя пятерка,— говорит девочка, вынимая из кармана пальто вместе с крошками печенья, прилипшими к пальцам, крошечный квадратик голубого картона, на котором красуется школьная печать.

— Расскажи мне, дорогая, как это было?

Маргарита садится, сажает дочь на колени и целует ее.

— Так вот... Был французский... Она спросила про одно слово, что оно значит.

— И ты ответила?

— Да, и только я одна!

— И это было?..

— Это было «испепеленный», мамочка...

Перевод с французского Ирины ЭРБУРГ

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

«Неутопная волна»

С героем романа Галины Николаевой «Жатва» секретарем райкома Андреем Стрельцовым мы знакомимся в тот момент, когда он сам знакомится с председателем отсталого Первомайского колхоза Василием Бортниковым, недавно вернувшимся с фронта.

Стрельцову нравится Василий, их объединяет общность цели, взаимное доверие соратников, высокое чувство партийности. Но секретарь нащупывает слабое место — склонность Бортникова командовать людьми. И он говорит:

«Убедить людей, зажечь их, добиться того, чтобы они сами повернулись к тебе лицом и пошли за тобой! Идти впереди народа, но обязательно вместе с народом. А ты «силóм»!.. Не с такими словами надо начинать работать, Василий Кузьмич!»

Беседа кончилась, Василий сбежал с крыльца райкома, и мы видим его в иной обстановке. «На улице он совсем не казался таким громоздким, тяжелым и неуместным, как в комнате, а, наоборот, был ловок и легок в движениях».

И вот впечатление секретаря о Бортникове:

«Чересчур «самовит», властен, горяч. Но все-таки хорош!.. смотреть за ним надо в оба!» «Нелегок, а хорош! Хорош и просторен...»

Начинает вырисовываться образ и самого секретаря. Это тип партийного руководителя, каких у нас немало. В нем привлекают преданность партии, страсть и упорство в преодолении трудностей, жадность к работе, знание дела и знание жизни, ум и чутье в распознавании людей. Он и борец, и воспитатель, и психолог.

Познакомившись с двумя героями романа, мы в то же время знакомимся и с самим автором, с писательницей Галиной Николаевой, выступившей с первым большим романом. Развертывая перед нами мир идей, мыслей и чувств своих героев, она обнаруживает и собственный идейный кругозор, жизненный опыт, понимание души человека, не говоря уже о художественном даровании и вкусе.

Расширим же круг знакомства с героями, а через них и с автором, чтобы у нас сложилось впечатление о книге, как у Андрея Стрельцова — о своем собеседнике по нескольким его характерным высказываниям.

Главной героиней романа является жена Василия Бортникова Авдотья. Многое перенесла эта уже немолодая женщина: безрадостные годы в доме свекрови, внутреннюю разобщенность с мужем («у него колхоз, сельсовет, район, партия, а у меня весь мир до порога»), отсутствие «обоюдного разговора». Потом война, весть о гибели Василия, второе замужество, неожиданное возвращение первого мужа. И оказалась Авдотья между двумя мужьями, с детьми на руках. Нескладна ее семейная жизнь и позже. Сколько горьких дум передумала наедине с собой эта женщина! Но редкостная чистота души, любовь к общественному труду помогают ей пронести свою трудную ношу молодо и легко, в борьбе отстоять семейное счастье. На протяжении романа отдельными мазками дорисовывается портрет этой исполненной обаяния простой и прекрасной женщины-крестьянки, энтузиаста колхозного строительства. Образ Авдотьи обогатил галерею русских женщин в нашей литературе.

Особенно хороша глава «Неутопная волна». Авдотья едет учиться, в поезде ее окружают свои, советские люди. Едут «лесозаготовительные девчата», строители, едут передовые люди по государственным делам, говорят о мачтовом лесе, хакасском угле, льне-долгунце. «...Авдотье казалось, что это не поезд, а стремительное течение жизни подхватило ее и мчит за собой». И она вспомнила, как тетка Груня водила ее еще девочкой купаться в соленом озере:

«Дуня прыгнула, попыталась плыть и вдруг с удивлением почувствовала, как теплая густая вода сама обступила ее и будто на ладонях подняла на поверхность. Тело стало легким, руки и ноги задвигались словно сами собой». И тетка приговаривала: «Густо-солоно, тёпло озеро, неутопна волна, хоть гиря к ногам привязана — не даст потонуть, наверх вынесет».

Велика сила народа, велика его вера в будущее, если труженик чувствует себя в родной советской жизни, как на «неутопной волне».

К тому же самому поэтическому образу Г. Николаева обратилась вновь в конце третьей части романа. Стахановская работа в колхозе привела к богатой жатве. В трудах и борьбе выросла Авдотья. И в образе соленого озера ей открывается теперь новый, дополнительный смысл.

Активность — вот в чем видит Авдотья залог успеха. Активности она требует и от себя и от других. Когда заходит разговор где-нибудь о слабом колхозе, она повторяет слышанное от тетки: «Ты только бревнышком, бревнышком не лежи!»

Авдотья ясно видит, какая помощь была оказана колхозу отовсюду,— видит и ценит. Но деятельная душа не довольствуется этим. Она не хочет беззаботно качаться на теплой волне. Живой потребностью стало самой отвечать за себя в общем и дружном советском деле. В поступках Авдотьи, ее словах и чувствах проглядывает передовой человек, мужественный строитель коммунизма. Она созрела для того, чтобы быть в авангарде народа, и, действительно, вступает в партию.

Привлекателен и образ Валентины, в прошлом девочки-гусятницы, ныне агронома. На первом же партийном собрании она выступила со страстной речью против Василия. Главным в колхозной работе она считает «превратить маленькое в большое, будничное в праздничное», пробудить интерес к делу. И председателя колхоза она обвиняет в том, что он работает невесело, нерадостно, не заражает своим примером людей.

Василий называет Валентину «менючей». Но в ее взволнованных словах, в глубине ее глаз он ощущает неизменно родное, народное, свое. Ясно сознает Василий, что и сам он меняется, растет вместе с другими.

Наиболее разительные перемены произошли с Фросей. Она ни в чем не знает удержу, ей море по колено, любая беда — трын-трава. Нелегко ввести ее в рамки, привить ей дисциплину труда. И агроном и председатель колхоза требуют от нее, чтоб она рыхлила почву, разъясняют, что этому учит агротехника, но нет сладу с Фроськой, у нее на все один ответ:

«Вот еще!» Фроська проговорила эти слова высокомерно и так быстро, что получилось одно слово: «вотщё!»

Надо помочь в работе на семенном участке, а Фрося — знай свое:

«Мы ...не дурочки, чтобы на чужих участках гнуть спину». «Вотщё! Они нашу не поливают!»

И все же у этой девушки есть и смелость и широта души. Социалистическое соревнование пробуждает ее. Самолюбивая и гордая, она доказывает, на что способна.

Когда Фрося из самовольной и озорной бабенки превратилась в «начальника комбайнового агрегата», ее захватил разлив безбрежных колосистых полей. Удивительно ли, что, не моргнув глазом, она переехала межу, разделявшую участки двух звеньев. Этого требовал уже весь размах механизированного хозяйства, и Ефросинья, включенная в ритм раздольной работы, инстинктивно выполнила то, что было подсказано самой жизнью.

Подстать Фросе и ее муж Петр. Озорник и дебошир, он под влиянием комсорга Алеши превратился в передового человека колхоза.

Как ширится стахановское движение в сегодняшней деревне, как втягиваются в него люди типа Фроси и Петра, захватывающе интересно рассказала в своей книге Галина Николаева.

Многое подметила она в характере трудового человека. Познавательно высоко ценны не только главные герои романа, но и второстепенные персонажи.

Портреты, созданные писательницей, освещают и ее самое: они говорят о любви к трудовому человеку, о чуткости в распознавании душевного богатства, культуры и чувств простых людей, о замечательном проникновении в народный характер. Вся книга дышит поэзией народной жизни.

«Жатва» — эпическое произведение, где русский народ, преобразовывая мир, изменяется и сам под благотворным, воспитывающим влиянием партии. И это — самое ценное в книге.

Три партийных собрания изображены в романе, и каждое из них — истинное событие для его участников и всего коллектива в целом. Такое переломное значение эти собрания приобрели потому, что был пущен в ход чудодейственный двигатель — критика и самокритика. Выступая в колхозе, секретарь райкома указывал, что в подготовленном плане нет целеустремленности и партийности: «Орех без зерна, мина без взрывателя — вот что такое ваши наметки». И это выступление послужило сигналом к активизации всей работы.

Писательница стремилась выявить движущую силу критики и самокритики в жизни советского общества и для своего идейного замысла нашла выразительную художественную форму. Когда внимательно присматриваешься к этой форме, то видишь, как она целиком создана автором по образу и подобию вдохновлявшего его нового содержания. Это относится ко всей динамической структуре произведения — к сюжету, раскрытию жизнеотношений между героями и, в частности, к способам обрисовки этих героев.

В самом деле. Каждый из действующих лиц «Жатвы», встречая на пути трудности и преодолевая их в совместной работе, критически оценивает действия товарищей и свои собственные. Об этом люди думают наедине с самими собой, говорят при встречах друг с другом и на собраниях.

Художнику слова, тонкому психологу, мастеру индивидуализированной речи и речевой интонации здесь открываются богатейшие возможности. Один и тот же образ, например, Андрея Стрельцова, Василия Бортникова, Авдотьи, Фроси, освещен в книге многократно, увиден глазами разных людей и в разное время, на различных ступенях его духовного развития. Каждый из них не просто «описан». Нет, он предстает перед судом собственной совести и перед судом колхозного общества. Его личность, получая перекрестную оценку, вырисовывается в важнейших жизнеотношениях, притом в постоянном движении.

Уже первая беседа секретаря райкома Андрея Стрельцова с Василием Бортниковым, с которой мы начали статью, есть именно такого рода взаимная критическая оценка. Об Андрее, Василии взволнованно говорят, делясь своими сокровенными мыслями и чувствами, Авдотья, Валентина. Их характеристики и метки и образны.

Одного и того же героя читатель видит как бы «заснятым» во многих ракурсах. Все эти «снимки», дополняя друг друга, сливаясь воедино, дают цельный и богатый в своей конкретности образ. Многоплановость и подвижность характеристик необычайно увеличивают жизненную убедительность книги, а вместе с тем и ее художественно впечатляющую силу.

Новое содержание нашей жизни требует и новых художественных форм. «Жатва» — роман новаторский и по форме. Г. Николаева не только умело использовала опыт других советских писателей, но и сама сделала значительный вклад в литературу социалистического реализма.

«Жатва», бесспорно,— одно из крупнейших художественных произведений последних лет.

О лучших пьесах своего времени Белинский писал, что они «должны даваться не вседневно, итти не зауряд,— напротив, их представления должны быть праздником, торжеством искусства». Такое чувство праздника оставляет после себя «Жатва» Галины Николаевой.

И. ЛЕЖНЕВ

Галина Николаева. Роман «ЖАТВА».

АСКАНИЯ-НОВА.

Стадо молодых тонкорунных овец асканийской породы.

Фото Н. Козловского

Асканийские олени.

Страусы нанду.

Лебеди в зоопарке.

ТЕАТР-трибуна БОРЬБЫ ЗА МИР

Ал. АБРАМОВ

Вот он выходит на авансцену перед строем почтительно вытянувшихся солдат. Внешне благопристойный, очень солидный, с самодовольной улыбкой преуспевающего бакалейщика, в генеральском мундире, с трудом обтягивающем его дородное брюшко, он кажется живым воплощением американского оптимизма и благополучия. Добродушно откашлявшись, он произносит ласково, совсем по-отечески:

— Минутку, полковник. Я скажу парням несколько слов.

И когда мы в зрительном зале театра слышим эти слова, маска благодушия на лоснящемся лице мясника уже никого не обманывает. Перед нами гангстер, облаченный для камуфляжа в генеральскую форму. Глаза убийцы, руки душителя, голос... Впрочем, вы уже знаете этот голос. Он звучит одинаково и в штабе Макартура, и на скамьях американской делегации в Совете Безопасности, и в кабинетах военного министерства в Вашингтоне.

— Нам, американцам, предназначено спасти землю от коммунизма. Мы выполним это дело! Мы сломаем железный занавес, опущенный коммунистами над Восточной Европой. Мы должны немедленно готовиться к войне с русскими. Они главные враги Америки, и мы уничтожим их!..

Так разоблачает себя сенатор Уилер в пьесе Б. Лавренева «Голос Америки», идущей на сцене Центрального театра Красной Армии. Мы впервые знакомимся с ним, когда он в американской зоне оккупации Германии напутствует вышеприведенной речью возвращающихся на родину американских солдат. В дальнейшем — у себя дома, в Соединенных Штатах,— этот поджигатель войны распоясывается еще откровеннее:

— Мы отказываемся от гнилых предрассудков, от архаического уважения к так называемому суверенитету народов и к неприкосновенности границ...

Западная граница Америки лежит сегодня на Енисее, а восточная на Оби...

Мы должны стать духовной полицией мира...

В спектакле ЦТКА сенатора Уилера играет артист В. Благообразов. Как советский художник, который не может быть нейтральным в развертывающейся борьбе между силами реакции и силами прогресса, артист вносит в созданный им сценический образ негодующую страстность разоблачения, гневный сарказм человека, которому глубоко ненавистна омерзительная практика факельщиков войны.

Театр изобличает эту практику последовательно и беспощадно. Вот полковник Хаустон, вполне разделяющий образ мыслей Уилера, но действующий более тонко: «Солдаты еще во власти розовых иллюзий военного времени, и нужно обрабатывать их головы... постепенно и осторожно». Вот Скундрелл, уполномоченный пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, вот О'Лири, гангстер, работающий рука об руку с преступником Уилером. Вы уходите из зрительного зала молча, внутренне собранным: театр показал вам лицо врага, по воле которого сейчас в мире творятся беззакония, называемые в Нью-Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи «голосованием большинства», а в Корее — «полицейскими действиями Объединенных Наций».

Но в ушах у вас звучит и голос другого героя пьесы — капитана Вальтера Кидда (артист М. Майоров), одного из тех честных американцев, чьи подписи стоят сейчас под Стокгольмским Воззванием. Он ободряет и радует вас, этот голос, укрепляя надежду на то, что миллионы простых людей Америки сумеют остановить преступную руку уилеров и хаустонов:

«Голос Америки» в Центральном театре Красной Армии. Сцена из 2-го действия. Тост Уилера. В центре Кидд — М. Майоров, жена Кидда Синтия — Л. Добржанская, Уилер — В. Благообразов.

Фото А. Гладштейна

— Мы отдадим все силы, чтобы разорвать петлю, затянутую на горле Америки, и дать ее голосу зазвучать, как звучал он в дни наших предков. А если враги Америки в последней злобе пустят в ход когти и зубы войны, мы позовем наших боевых товарищей, простых американских парней, которые шли с нами против фашизма. Многие услышат наш зов! И позовут других! Солдат за солдатом, взвод за взводом, рота за ротой, она будет расти, армия Новой Америки!..

Руку Вальтера Кидда пожимает прогрессивный американец Керри Фостер, герой пьесы Н. Погодина «Миссурийский вальс», поставленной на сцене московского Театра имени Евг. Вахтангова. Роль Фостера в спектакле играет артист Н. Малишевский, раскрывая в своем герое основное, что характеризует сейчас киддов и фостеров,— прозрение, иначе говоря, мысли и чувства простых людей из народа, которые смело и решительно становятся на сторону борцов за мир.

О чем рассказывает спектакль Театра имени Вахтангова? О том, как честные и отважные люди не побоялись угроз и террора банды политических гангстеров, стоящих у власти в городе Канзас-сити, в штате Миссури. Драматург и театр здесь не сгущали красок. Они очень точно и правдиво воспроизвели на сцене одну из сторон пресловутого «американского образа жизни» — организацию так называемого «свободного волеизъявления народа», чудовищную механику выборов в стране, возглавляющей лагерь империализма.

«Прага остается моей» в Московском театре драмы. Юлиус Фучик — С. Вечеслов, Лида Плаха — В. Орлова.

На сцене офис Томаса Брауна, «босса» так называемой демократической партии, перенесенный в дни выборов на крышу одного из лучших отелей Канзаса. Оркестр играет «Миссурийский вальс» — марш демократической партии. И под звуки этого вальса проходит перед нами колоритнейшая галерея мошенников и негодяев, по воле Уолл-стрита распоряжающихся судьбами тысяч людей.

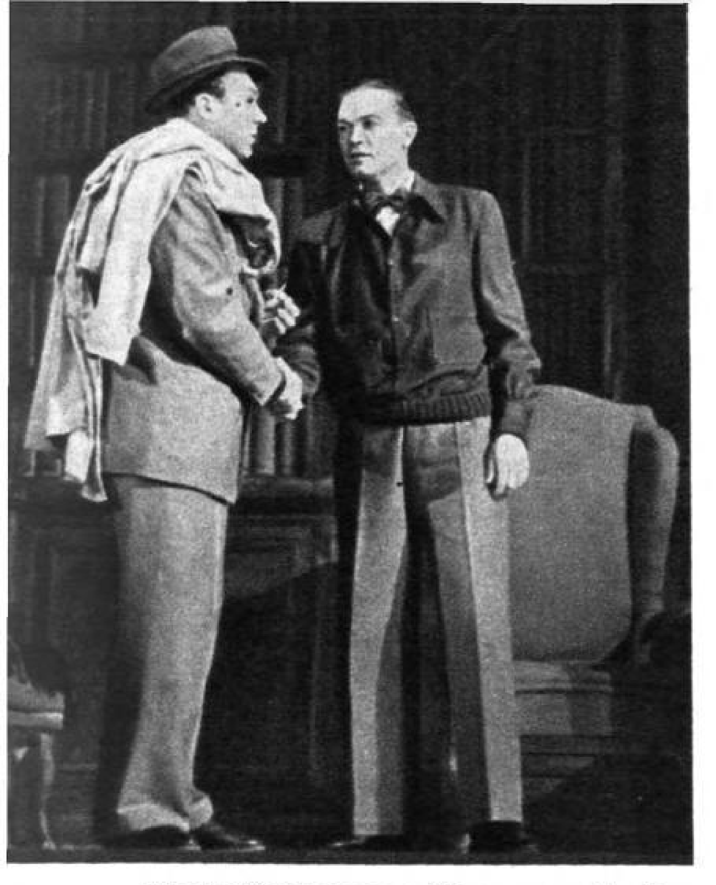
Гангстер номер первый: сам Томас Браун (артист Л. Шихматов), всесильный и всемогущий владыка штата. Он командует всем: исполнительной и законодательной властью, муниципалитетом, полицией, прессой, церковью. Его бизнес — политика. Он «делает» выборы, проводя в американский конгресс людей, годных на роль марионеток для морганов и рокфеллеров.

Гангстер номер второй: помощник Брауна в его выборном бизнесе Джонни Дженнари (артист Н. Плотников), «король шулеров и бандитов», повелитель игорных притонов и публичных домов. Его функции — подбор уголовных преступников для руководства выборами, подделка выборных списков, подкуп избирателей и прочие мошенничества, цель которых — обеспечить нужное число голосов.

Гангстер номер третий: Гарготта (артист М. Астангов) — просто гангстер, без всякой дополнительной этикетки, обыкновенный бандит и убийца, продающий свои услуги Брауну и Дженнари.

А за ними мошенники и негодяи помельче: кандидат в сенаторы Фелоней, явно страдающий размягчением мозга; штатный оратор партии Миллер, готовый продать свои услуги кому угодно,— кто больше даст; настоятельница католического монастыря, за соответствующее вознаграждение поставляющая Брауну голоса католиков. Деятельность этой банды развертывается перед нами во всей мерзости. Это — живое олицетворение «американского образа жизни». Их агитация — речи поджигателя войны Черчилля, их метод — мошенничество, шантаж, убийство, их цель — торжество «демократии по-американски».

Так советский театр разоблачает врагов свободы и демократии, срывая маску с их лозунгов и деклараций. Но не только в этом разоблачении моральная сила, высокий идейный пафос советского театрального искусства, ставшего трибуной великой и благородной борьбы за мир. Эта сила и этот пафос в раскрытии черточек нового в современной политиче-

«Миссурийский вальс» в Театре имени Евг. Вахтангова. Сцена из 1-го действия. Профсоюзный деятель Робин — С. Лукьянов и Керри Фостер — Н. Малишевский.

ской жизни капиталистических стран, того нового, что подымается, зреет, растет, определяя завтрашний день человечества. Это новое в образах людей прогрессивного лагеря — Киддов, Фостеров, Робинов,— которые сегодня смело и решительно становятся в ряды бойцов великой армии мира, а завтра сурово и беспощадно призовут к ответу военных преступников.

Им есть с кого брать пример, есть у кого учиться.

— Руку, Мак! — говорит Вальтер Кидд своему другу, коммунисту Макдональду. — Нас трое пока! Но трое храбрых часто бывают сильнее армии трусов. И мы будем драться, Мак!

— Будем, капитан,— отвечает Макдональд.— Но ваш счет неверен. Нас и сейчас уже не трое... Нас миллионы. И будет еще больше. С нами в строю все, кто не даром носит звание человека.

И мы знаем, что в один строй с коммунистами встанет и Кидд, и Керри Фостер, и друг его Робби Робин, лидер левого профсоюза в городе Канзасе.

— Люди, я любил вас. Будьте бдительны! — говорит, обращаясь к зрителям, герой спектакля Московского театра драмы «Прага остается моей» чешский коммунист Юлиус Фучик.

Это человек, светлый пример которого учит миллионы людей борьбе за торжество мира, демократии и социализма. Бесспорна заслуга советского театра, сумевшего воплотить этот прекрасный человеческий образ на сцене, показать его нам в жизни, в борьбе, когда он проходит перед нами, «как живой с живыми говоря».

В пьесе Ю. Буряковского «Прага остается моей», написанной по мотивам книг и писем Юлиуса Фучика, роль казненного гитлеровцами писателя-коммуниста играет артист С. Вечеслов. Играет несколько холодновато — хотелось бы увидеть Фучика более страстным и вдохновенным, — но все же образу веришь. Веришь в преданность Фучика партии, в его любовь к друзьям, в его мечту о свободной и счастливой Праге.

Вот он проходит по улицам Праги, обреченный на смерть, выпущенный из тюрьмы на несколько часов (есть в спектакле такой эпизод). Он проходит бок о бок со своим палачом-гестаповцем, рискнувшим на этот «психологический эксперимент», чтобы вызвать у пленника тоску по жизни и свободе и тем сломить его неукротимый дух. Но «эксперимент» приводит совсем к другим результатам. Фучик увидел не только знакомые улицы и дома, он увидел лицо народа, измученное голодом и лишениями, суровое в страданиях, но попрежнему прекрасное, одухотворенное лицо. Пустеют кафе при входе гитлеровцев, и в глазах встречных Фучик читает ненависть непокоренных людей, сохранивших веру в светлое будущее. И Фучик оглядывает любимый город радостными, сияющими глазами. Он счастлив.

— Прага остается моей, — говорят нам его глаза.

В гестаповском застенке, в тюремной камере — всюду, где мы видим Фучика в этом спектакле, мы знаем: с ним сердца и помыслы всех честных людей, кому дороги интересы мира, демократии и социализма. Их слова он читал в письмах с воли, они звучат и сейчас в зрительном зале. Это слова уверенности в торжестве правого дела, торжестве прогрессивных сил человечества над мрачными силами империализма.

Так содействует делу мира советский театр, создавая яркие, вдохновенные произведения, зовущие на бой за эту великую цель.

Мир победит войну! И тем ближе победа, чем крепче единство трудящихся, чем крепче силы и могущество советского народа, идущего в авангарде человечества, борющегося за мир.

Мастер линогравюры

Перед нами гравюры на линолеуме, на которых запечатлены пейзажи Сибири: исторический домик крестьянки Петровой в селе Шушенском, где три года прожил в ссылке великий Ленин; Журавлиная горка на берегу Енисея с видом на Саяны — излюбленное место отдыха Ильича. Ряд гравюр посвящен крайнему северу — Эвенкии: «Переправа оленей через горную речку», «Олени в тундре», «Высокогорное пастбище» и другие. Все эти линогравюры, исполненные в четыре — пять красок, принадлежат молодому граверу — сибиряку В. И. Мешкову.

Жизненный путь художника начался в сибирской деревне. Работая в свиноводческом совхозе Куйтунского района, Иркутской области, молодой животновод Владимир Мешков проявил свое дарование художника, участвуя в стенной газете совхоза. Активный селькор районной газеты, Мешков вскоре был приглашен на работу в редакцию. Здесь он стал вырезать на линолеуме свои первые гравюры.

В довоенные годы рисунки художника-самоучки печатались в газетах Минусинского и Боготольского районов, а затем в краевой газете «Красноярский комсомолец». На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке его гравюры можно было видеть в павильоне Сибири. Видные московские граверы — П. Староносов, М. Маторин, В. Бибиков — обратили внимание на работы Мешкова, представленные на выставке, и горячо поддержали начинающего художника, оказав ему творческую помощь.

Годы Великой Отечественной войны Мешков проводит в рядах Советской Армии, печатается в армейской газете, участвует в выпуске «Окон ТАСС».

В 1946 году, после демобилизации, Мешков возвращается в родную Сибирь. По совету старейшего гравера Ивана Николаевича Павлова, с которым он встретился в Москве в 1945 году, он занялся цветной гравюрой.

В цвете на линолеуме выполнены Мешковым портреты Горького, Чкалова, Репина, серия портретов передовых охотников Эвенкии, колхозников, Героев Социалистического Труда. Интересны цветные пейзажи Краснодара и Харькова, где художник побывал в годы войны.

В 1947 году В. И. Мешкова приняли в члены Союза советских художников. К этому времени им было выполнено свыше трех тысяч художественных линогравюр.

У талантливого мастера немало учеников, которым он передает свой опыт. В селе Назарове, Красноярского края, и в Минусинске трудятся его ученики — молодые граверы Усов, Вонаков, Боярков, Мухта. В далекой Эвенкии переняли его искусство художники-эвенки Чапогир, Елдыгирь и другие.

В селе Назарове Мешков организовал выставку картин начинающих художников. Выпускаемый их силами сатирический журнал «Районный крокодил» пользуется у хлеборобов большим успехом.

К 20-летию Эвенкийского национального округа художник готовит серию линогравюр, посвященных передовым людям и социалистической культуре возрожденного народа.

Для Всесоюзной художественной выставки 1950 года В. И. Мешков создает серию гравюр о ленинских местах в Сибири.

И. ТУРОВ

Минусинск.

В. И. Мешков. Дом Петровой в селе Шушенском, где жил В. И. Ленин. Цветная линогравюра.

Федоскинская живопись

«Подвиг А. Матросова» — работа В. Липицкого.

Среди изделий русского народного творчества издавна славятся блестящие черные шкатулки и коробки из папье-маше с тонкой миниатюрой на крышках, обрамленной ажурным золотым орнаментом. Мстёра, Палех, Хо́луй и Федоскино — родина русских лаков.

Этот старейший промысел русских лаков зародился более ста пятидесяти лет назад.

МУЗЕЙ В ЧЕМОДАНЕ

Аккуратный домик в глубине палисадника, заросшего зеленью. Чистые маленькие комнаты, цветы в тяжелых кадках. На стенах картины. Тут же дипломы и грамоты, полученные хозяином за его полувековой труд.

Здесь, в уютном доме на станции Клязьма, живет старейший мастер федоскинской миниатюрной живописи Алексей Алексеевич Кругликов. Худощавый, небольшого роста, живой старик говорит о своем мастерстве с достоинством.

— Старых мастеров нас осталось немного — раз, два и обчелся. Теперь уж федоскинскую кисть молодые руки держат. Ничего не скажешь, надежные, хозяйственные руки. Много ценного они вносят в наш промысел, но и мы, старики, свою силу знаем и еще кое-чему молодежь можем научить.

В старину нас наставляли, обучая делу: «Коробочка должна веселить сердце человека, иначе ей грош цена». Бывало, мастер каждую табакерку в лупу разглядывает, изъянов ищет. Чуть что не так, переделывай хоть двадцать раз, а качество дай... Нынче молодёжь спешить любит, до настоящего блеска иной раз вещь и не доводит, а наша работа ювелирная — спешки не терпит. Зато у молодых федоскинцев много смелости в работе, сильны они и в композиции и в рисунке, — с легкой завистью добавляет старый художник. И снова вспоминает: — Да разве мы так обучались! Дадут тебе картинку, с нее и рисуй. Укрась, оживи рисунок, тонкость в работе покажи, цвет дай — это уж твое дело.

Разговор, видимо, волнует старика. Он ловко взбирается на стул, достает со шкафа объемистый чемодан.

— Здесь помещается мой личный музей.

Алексей Алексеевич бережно раскрывает картонную коробку, снимает слой ваты и ставит на стол шкатулку. В комнате, затемненной занавесями и цветами на окнах, как будто становится светлей. Сердце веселит этот праздник красок, волнует тонкое искусство народного мастера.

...Вот мчатся, догоняя одна другую, две тройки на фоне зимнего леса. Серебрится иней на деревьях, снежная пыль вздымается из-под копыт лихих коней. Мелькают яркие суконные и бархатные шубы, пестрые платки, румяные лица, сверкает сбруя...

Какой четкий рисунок, как чиста и прозрачна цветовая гамма, как органично вливается миниатюра в основной цвет коробки! Художник не спеша достает одну шкатулку за другой.

...Боярские хоромы, свадебный стол, уставленный яствами на драгоценных блюдах, гости в парчовых кафтанах, тяжелые шелка, жемчуг и золото в уборах женщин.

Поразительно разнообразие светящихся, переливающихся тонов. На небольшой поверхности коробки нарисовано более десятка человеческих фигур, в каждом лице тонко схвачено выражение. Сюжет картины Маковского здесь претворен в замечательное произведение декоративной живописи.

Расставив на столе свои шкатулки, Кругликов говорит, довольно улыбаясь:

— Ну вот, судите сами, ремесленники мы или художники? А ведь есть люди, которые утверждают, что федоскинцы — копиисты хорошие, не больше. А я скажу, что так говорят невежды. Когда мы берем в основу картину мастера, то даем ей новую жизнь. И не только старики умеют такие вещи делать. Поезжайте в Федоскино, все сами увидите. У молодых многое даже лучше, ближе к жизни.

В СТАРИННОМ ДОМЕ

В селе Федоскино, невдалеке от Москвы, на высоком холме над рекой, в старинном доме помещается артель живописцев. Более ста лет назад этот дом был построен купцом Лукутиным для фабрики русских художественных лаков. Несколько поколений Лукутиных стяжали себе славу не только на родине, но и за рубежом табакерками, нарядными свадебными шкатулками, сработанными замечательными мастерами, безвестными народными художниками.

Давно ушли в небытие купцы Лукутины, а народное творчество осталось бессмертным.

На стендах под стеклом хранятся в артели лучшие образцы федоскинских изделий за много лет. Правда, ценнейшую коллекцию лаков в начале века вывезли за границу последние, разорившиеся Лукутины, и сейчас артель скупает для своего музея сохранившиеся на родине работы старых мастеров.

Как по книге, читаешь здесь историю промысла... Крохотная табакерка или круглая бисерница с ювелирным искусством расписаны золотом, инкрустированы перламутром. Традиционные федоскинские сюжеты — «чаепития», «тройки», «хороводы». Копии с картин Репина, Васнецова, Перова...

И вот во всем многообразии возникает на миниатюрах советского поколения федоскинцев прекрасная наша современность. Парашютисты в бирюзовом небосводе над цветущими лугами, шахтеры в широкополых шляпах, колхозники среди желтеющей ржи, советские воины, разящие врага. Вот красавица Москва с ее новыми архитектурными ансамблями, где даже древние стены Кремля и купол Василия Блаженного выглядят помолодевшими.

...Сорок лет назад несколько мастеров-федоскинцев взялись без хозяина восстановить промысел и образовали артель. С помощью местной учительницы Л. Державиной исхлопотали в земстве ссуду, внесли по десять рублей паевых взносов, стали хозяевами старого дома и, сев на свои привычные места, занялись любимым делом.

После Октябрьской революции, когда артель зажила полнокровной жизнью, старые художники написали письмо правительству, в котором просили открыть в Федоскине школу, где они могли бы передать молодежи секреты своего искусства.

Так возник подле лукутинского дома белый корпус с большими окнами, просторными классами.

Сейчас бывшие воспитанники федоскинской школы сами преподают в этой школе.

ХОЗЯЕВА АРТЕЛИ

У раскрытых окон за столами сидят художники. Перед каждым лакированная пластина (крышка будущей шкатулки), небольшая палитра, ящичек с красками.

Михаил Кузьмич Папёнов, пожилой человек, строгий, немногословный, слегка откинувшись на стуле, разглядывает свою работу, дожидаясь, пока подсохнут краски. На загрунтованную алюминиевым составом поверхность нанесен сюжет картины Васнецова «Богатыри». Двадцать два года Папёнов состоит в артели. Взыскательный миниатюрист, он дает тонкий и чистый рисунок. Больше всего любит Папёнов копировать Венецианова, Перова, Репина.

Василий Иванович Лавров свыше сорока лет расписывает коробки. Тонкое мастерство традиционного «сквозного» письма (когда сквозь узор будто светит солнышко) он перенял у отца и деда.

Усвоить блестящую технику стариков и сочетать ее с самостоятельным творчеством — неотступное стремление всего советского поколения федоскинцев. В результате непрерывного труда и совершенствования созданы уникальные ларцы М. Пашинина с изображением И. В. Сталина на фоне Москвы, с портретами его сподвижников.

Поиски новой формы для изделий, страстное желание передать на миниатюре образ советского человека характеризуют облик художника В. Липицкого. Работы М. Чижова, известного кропотливым изучением истории федоскинского промысла, посвящены чаще всего событиям современной жизни.

Из года в год расширяется и богатеет артель. В ней уже более двухсот членов. С нетерпением ждет коллектив скорого новоселья в новом большом корпусе с удобными мастерскими для художников, красивым залом музея и механизированными подсобными цехами.

Прав был старый художник, организатор артели Алексей Алексеевич Кругликов, говоря, что старинный народный промысел находится в надежных, хозяйских руках.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

«Летняя тройка» — работа старейшего мастера Федоскинской артели А. А. Кругликова.

ВЕЛИКИЙ ТАЛАНТ

П. А. Стрепетова.

Сто лет прошло со дня рождения крупнейшей русской актрисы Пелагеи Антипьевны Стрепетовой.

В октябре 1850 года в семью нижегородского театрального парикмахера Антипы Стрепетова был подброшен новорожденный ребенок. Это оказалась девочка, которой в дальнейшем суждено было обессмертить имя своего приемного отца.

С детских лет мечтала Пелагея Стрепетова о сцене. «Буду актрисой, буду актрисой»,— настойчиво повторяла она и четырнадцати лет стала профессиональной актрисой; играла она в Рыбинске, затем в Ярославле, Симбирске, Самаре, Владимире, Новгороде, Муроме, Орле, Саратове, Казани, Москве и всюду обращала на себя внимание яркостью и своеобразием дарования.

В каких только спектаклях не выступала молодая актриса! Она играла в легких комедиях, водевилях, участвовала даже в оперетте, поручали ей роли в «салонных» пьесах, в мелодрамах. Но что бы ни играла Стрепетова, зрители всегда чувствовали: перед ними актриса, умеющая каждый образ воплощать жизненно, правдиво. В ролях же драматических, требовавших темперамента, переживаний, талант актрисы раскрывался с еще большей силой.

Внешне невзрачная — небольшого роста, с сильно искривленным позвоночником, с чрезмерно длинными руками,— Стрепетова казалась мало подходящей для сцены. Но сила ее таланта была настолько велика, что зрители забывали о физических недостатках артистки. Ее задушевный голос передавал самые разнообразные интонации, в которых звучали то предельная нежность, то гневная страстность, то ликующая радость, то сердечные муки, безысходное горе и беспредельное отчаяние.

А ее изумительные глаза («дивной выразительности», по словам Островского), в которых всегда светилось глубокое чувство, отражали тончайшие оттенки самых различных переживаний и озаряли ее скорбное лицо таким внутренним светом, что Пелагея Антипьевна казалась прекрасной.

Стрепетова не получила никакого образования, но с детства много читала, умела наблюдать окружающую жизнь и в каждой встрече черпать материал для своего творчества. Выступая на сцене со многими крупнейшими актерами провинции, Пелагея Антипьевна воспринимала их опыт, знания, театральную культуру.

В ее артистической биографии наиболее значительными были две встречи: с А. П. Ленским, впоследствии знаменитым актером Малого театра, и с М. И. Писаревым, исключительно образованным человеком. Писарев был известен как актер петербургской Александринской сцены и как редактор сочинений А. Н. Островского. Выйдя замуж за Писарева, Стрепетова многие роли создавала с его помощью.

Великий русский драматург Островский, всегда сдержанный и скупой на похвалы, не только признавал «огромный талант» Стрепетовой, но утверждал, что она «явление редкое, феноменальное» и что в «Грозе» Стрепетова «Катерину играет гениально». Для нее он написал роль Кручининой в «Без вины виноватые».

Талантливая артистка создавала впечатляющие образы, служившие обвинительным актом современной жизни. В каждой пьесе, где только это было возможно, Стрепетова умела заставить зрителей задуматься над теми муками и страданиями, которые власть имущие приносят простым людям.

Так было когда она в молодости играла трогательную Аннушку в пьесе Островского «На бойком месте» или в последние годы своей жизни выступала во «Власти тьмы» Л. Толстого, вызывая, по словам современников, такое же «глубокое потрясение» в роли Матрены, как Ермолова в «Орлеанской деве».

Стрепетова была подлинно трагической артисткой, правдиво и глубоко раскрывавшей тяжелую долю русской женщины из народа. Сценические образы Стрепетовой вызывали жгучий протест против бесчеловечного гнета, насилия и бесправия. Это и делало ее творчество прогрессивным и общественно значимым.

Особенно ценил талантливую актрису демократический зритель. Студенческая молодежь, разночинцы и лучшие представители литературы и искусства видели в ней глашатая тех мыслей и идей, которые были им бесконечно дороги.

В 80-х годах, в пору расцвета ее дарования, знаменитые художники пишут портреты Стрепетовой: Н. А. Ярошенко изображает ее в жизни аскетически-скромной и скорбно-печальной, И. Е. Репин зарисовывает ее в ряде ролей на ленте венка, поднесенного ей на одном из ее бенефисов, и создает два знаменитых портрета, раскрывающих трагический лик великой актрисы, в жизни и в одной из лучших ролей, ею сыгранных,— Лизаветы из «Горькой судьбины» А. Ф. Писемского. Автор этой пьесы, впервые реалистически правдиво и необычайно сильно показавший жизнь крепостных крестьян, потрясенный образом, созданным Стрепетовой, сопоставлял ее игру с игрой гениального трагика Мочалова.

Зато буржуазная публика, искавшая в театре забавы и развлечения, негодовала, что на сцене разоблачалось преступное отношение представителей господствующих классов к простым людям. И буржуазная пресса, отражавшая мнение господствующего слоя общества, стремилась всячески снизить идейную и художественную ценность образов Стрепетовой. А театральное начальство, вынужденное под давлением прогрессивных кругов принять Стрепетову в труппу петербургского Александринского театра, делало все от него зависящее, чтобы помешать успеху этой замечательной актрисы.

Широко известная в провинции, получившая общее признание и у московской и у петербургской публики во время своих выступлений на частных сценах, Стрепетова в Александринском театре не имела ролей, соответствовавших ее таланту трагической актрисы. Ее редко занимали в новых постановках и почти не давали играть те роли, которые создали ей славу.

Не только в своих сценических созданиях, но и в житейских встречах Стрепетова всегда горячо откликалась на людское горе. Она способна была пожертвовать всем своим заработком, лишь бы облегчить положение нуждающихся, много помогала учащейся молодежи. Сколько студентов и курсисток благодаря ее отзывчивости могло закончить свое образование!.. Во время голода 1891 года Стрепетова распродала многочисленные подношения публики, вплоть до серебряных венков и драгоценностей, и отдала деньги голодающим.

В условиях царской России талантливая актриса сама часто нуждалась, и мало кто помогал ей. Прямая в обращении с людьми, она, не считаясь с последствиями, говорила всем и каждому правду. У нее было много врагов, которые всячески старались лишить ее возможности выступать на сцене.

Забытая и одинокая, умерла она в 1903 году.

Последние годы жизни Стрепетову беспокоила мысль о том, что актер не оставляет по себе никакой памяти. Несомненно, так бы и случилось в царской России. Но советский народ глубоко чтит тех, кто созидал отечественную культуру. И творчество этой самобытной национально-русской актрисы получило общее и широкое признание.

Великий талант Стрепетовой вошел в историю нашего театра, и ее имя стоит по праву среди имен таких русских актрис, как Федотова, Комиссаржевская, Ермолова,— гордости русского театрального искусства.

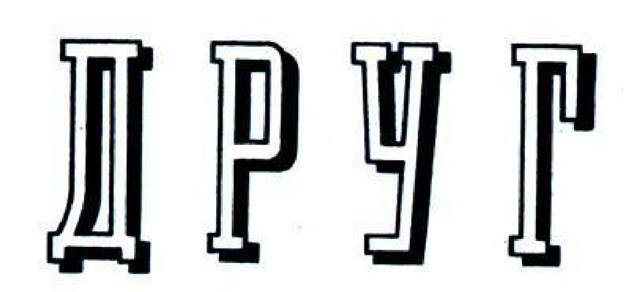
Вл. ФИЛИППОВ

П. А. Стрепетова в роли Лизаветы в пьесе Писемского «Горькая судьбина».

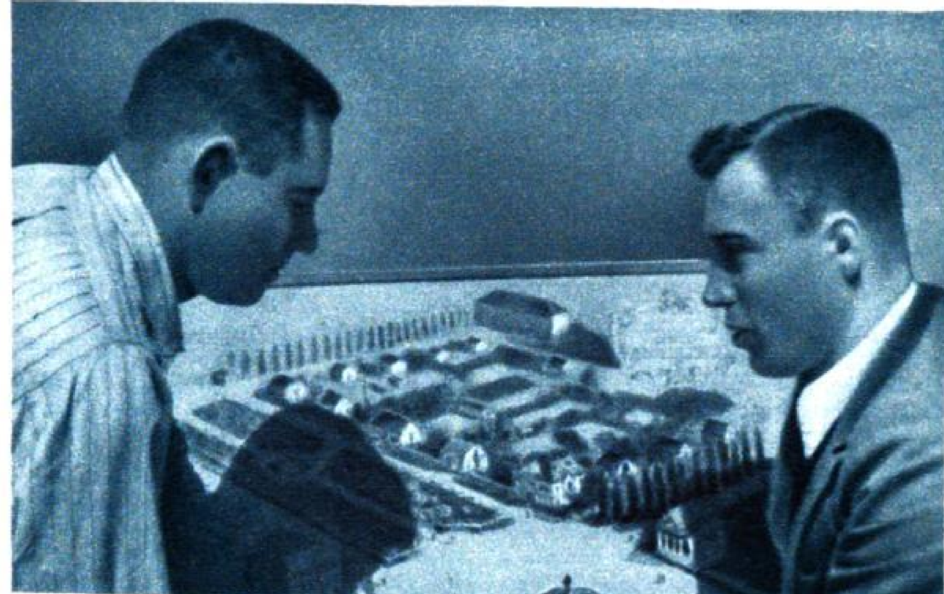

П. А. Стрепетова в роли Катерины в пьесе Островского «Гроза».

МОЛОДЕЖИ

Ал. СВЕТЛОВ

В. П. Радченко (слева) и инженер колхоза И. С. Бутенко рассматривают эскиз планировки колхозного города.

Секретарь комсомольской организации Яков Гурбик еще накануне вечером попросил Радченко наведаться в бригаду.

— Очень прошу вас, Василий Павлович, приехать, — говорил он, — прошу от имени всех наших физкультурников.

Радченко улыбнулся: ох, уж эти физкультурники, наверное, опять соревнования затеяли. И по улыбке, осветившей его лицо, по прищуренным серым глазам его Яков понял: приедет секретарь партийной организации колхоза к физкультурникам.

День выдался солнечный и прохладный. Василий Павлович перед выездом в бригаду зашел к себе в кабинет. Здесь за просмотром утренней почты и застала его Галина Лозовая. Худенькая, смуглая от загара девушка, повязанная цветной косынкой, несмело переступила порог.

— Хочу посоветоваться с вами, Василий Павлович. В Киев на учебу собираюсь.

— И то дело, — одобрил Радченко.— По какой же специальности надумала?

— Еще и сама не решила. Что вы посоветуете? Какие специальности нашему колхозу сейчас больше всего нужны, туда и пойду учиться.

Радченко задумался. С того времени, как укрупнился колхоз, многие парни и девушки уехали на учебу в Киев, в Херсон и даже в Москву. Нину Пшеничную колхоз послал учиться на курсы лесомелиораторов, Веру Житкову — на агронома-садовода, Машу Микитенко — на бухгалтерские курсы. А скольких еще послать надо! Колхоз строит свой агрогород — школы, больницу, дом агрокультуры, разбиваются сады и парки. Нужны врачи, учителя, садоводы, клубные работники. И, пожалуй, еще одна специальность потребуется, такая специальность, о которой еще год назад и не задумывался никто в колхозе.

Радченко подошел к висевшему на стене проекту колхозного города. Словно с высоты птичьего полета, архитектор изобразил красивую панораму. Вот стройные тополи окаймляют прямые улицы и просторные площади будущего города. Белые домики с черепичными крышами и застекленными террасами утопают в зелени фруктовых садов. Чуть поодаль, в северной части города, зеленым массивом раскинулся колхозный парк культуры и отдыха. Здесь строится большой стадион с трибунами на пять тысяч зрителей, спортивные площадки, водная станция.

Василий Павлович вспомнил, сколько разговоров вызвало строительство водоема. Не успел киевский архитектор представить свой план на утверждение колхозного собрания, как в партийный комитет пришла группа молодежи.

— Что же это такое, Василий Павлович? — заявили молодые колхозники. — Стадион у нас будет, спортивный городок строим, водоем, а о водной станции забыли. Даром, что колхоз наш степной, найдутся и у нас пловцы.

На колхозном собрании Василий Павлович поддержал требование молодежи. Архитектору пришлось переделать проект, запланировать устройство в водоеме плавательных дорожек и вышки для прыжков.

— Много специалистов потребуется нашему колхозу, Галина, — сказал Радченко, — понадобятся нам и опытные тренеры, инструктора физкультуры. Физкультура тебе по душе, может быть, на курсы тренеров или в техникум физкультуры поступишь? Подумай...

Когда Василий Павлович садился в машину, солнце уже довольно высоко стояло над горизонтом. Дорога после дождя успела просохнуть. Со стороны Сиваша подул ветер, рассеял утренний туман, осушил степную росу. Радченко приказал шоферу ехать быстрее.

Среди многих неотложных дел Василий Павлович находил время подумать и о досуге молодежи.

Может быть, и странным покажется, что в горячую пору полевых работ партийная организация занялась физкультурными делами. На это Радченко мог бы возразить: физкультура делу не помеха, а наоборот — лишние центнеры в колхозные закрома.

Физкультурники расчистили новые площадки, установили брусья, повесили на столбах кольца и шесты для лазанья, выстругали городки. На средства, отпущенные правлением колхоза, были куплены мячи и сетки. Еще десятки молодых людей записались в физкультурный коллектив. Есть теперь в колхозе и свои инструктора-общественники, свой актив.

Шахматно-шашечной секцией взялся руководить колхозный счетовод, шахматист первого разряда Александр Кривцов. Кому же, как не ему, участнику всесоюзного турнира колхозных шахматистов, возглавить это дело? Правда, в последнее время все труднее Кривцову выигрывать у своих соперников, особенно у электромонтера Василия Головко, кузнеца Ивана Кизыма, шофера Николая Нюрова, у рядового колхозника Ивана Колбасенко. Растет мастерство колхозных шахматистов.

Волейбольной секцией руководят директор семилетней школы колхоза Семен Дейнега и зоотехник Григорий Иващенко. Кузнец Михаил Пороховой подбирает крепких ребят, себе под стать, и организует секцию тяжелой атлетики. Боксер перворазрядник Тимофей Чумак недавно напомнил Василию Павловичу о том, что надо бы прикупить несколько пар перчаток и создать боксерскую секцию в колхозе. Ребятам очень нравится этот вид спорта.

Однажды Радченко приехал в третью бригаду. Познакомившись с ходом полевых работ, с занятиями политкружка, он спросил обступивших его комсомольцев:

— А со спортом как у вас дело? Почему в соревнованиях не участвуете?

— Вы у бригадира спросите, — раздалось сразу несколько голосов, — он вам скажет, почему.

Василий Павлович удивился. Бригадир Петр Немытов еще до войны был отменным физкультурником.

Радченко разыскал бригадира. Поговорив с ним о хозяйственных делах, он как бы невзначай спросил:

— Работал ты, Петр Дмитриевич, физруком. Скажи по совести, помогала тебе дирекция школы?

— Не всегда, — отвечал бригадир, — иной раз крепко обижался на директора.

— Значит, трудно приходится, если руководители не помогают?

— Еще бы! — согласился бригадир.

— Почему же ты, Петр Дмитриевич, не помогаешь своим физкультурникам, на соревнования ребят не пускаешь?

Бригадир был явно смущен таким оборотом. Он обещал Радченко не только не ставить преград, но и помогать во всем молодежи. Слово свое он сдержал. Сам стал тренировать легкоатлетов и организовал волейбольную команду. Не потому ли и пригласили Василия Павловича физкультурники, чтобы посмотрел он их окрепший коллектив?

Подъезжая к поселку, Радченко еще издали услышал переборы баяна, звонкие, молодые голоса и тугие удары по волейбольному мячу.

Да, это был настоящий праздник. На спортивную площадку пришла не только молодежь, но и по воскресному нарядные пожилые колхозники. Поблизости кружились танцующие пары. На площадке, перегороженной сеткой, натянутой между двумя столбами, сражались волейболисты, а поодаль, на степном просторе, состязались в беге и прыжках колхозные легкоатлеты. Зрители все подходили. Тесным кольцом окружили они площадку. Колхозники узнавали в одном из игроков секретаря партийной организации. Василий Павлович увлекся игрой. Капли пота проступили на его разгоряченном лице. Играл он с жаром и умело. Зрители возгласами одобрения встречали каждый забитый им мяч, каждую умелую подачу.

Многие вспомнили, что в прежние годы, до войны, комсомолец Вася Радченко, работавший учетчиком бригады, был душой и организатором молодежи. Он любил спорт, участвовал во всех соревнованиях. И сейчас некоторые молодые парни, наблюдая за соревнованием со стороны, наверное, думали про себя: «Если уж секретарь партийной организации так хорошо играет в волейбол, то нам, молодежи, и подавно следует спортом заняться».

Спортивный праздник закончился поздно. В темном небе зажглись крупные звезды. Вместе с Яковом Гурбиком Василий Павлович возвращался на центральную усадьбу. Машина мчалась, нащупывая фарами степную дорогу. Гурбик неторопливо рассказывал:

— Решили мы написать письмо в Грузию, молодежи колхоза имени Орджоникидзе. Скоро одиннадцать лет, как наши колхозы дружат и соревнуются между собой. Хотим записать в наш договор на социалистическое соревнование и еще один пункт — о физкультурной работе. Кто больше значкистов ГТО и разрядников подготовит, чья команда при встрече на стадионе, на спортивной площадке и за шахматной доской сильнее окажется?

Василий Павлович улыбнулся. Не он ли натолкнул комсомольцев на эту мысль? Вернувшись из колхоза имени Орджоникидзе, Махарадзевского района, он рассказал молодежи о том, что грузинские друзья выращивают обильные урожаи цитрусовых культур и чайного листа, строят хорошие дома, клуб, школу; рассказал о том, как молодежь грузинского колхоза занимается спортом, совершает туристские походы и альпинистские восхождения на снежные вершины Кавказа.

— Задумали мы, Василий Павлович, еще одно дело, — доверительно сообщил Гурбик. — Будем готовить у себя мастеров спорта.

— И я так думаю, — ответил Радченко — Партийная организация вам поможет. И тренеры найдутся. Своих воспитаем, учиться пошлем.

Машина замедлила ход, въезжая на улицу центральной усадьбы. В селе горели электрические огни.

Колхоз имени Сталина,
Генического района, Херсонской области.

ЧЕМПИОН страны

Старший тренер команды ЦДКА, заслуженный мастер спорта Б. А. Аркадьев.

Закончился розыгрыш чемпионата страны по футболу. Позади остались «сражения» на футбольных полях, горячий спор мастеров, в котором самым убедительным аргументом был вбитый в сетку мяч, остались позади и волнения любителей футбола, гадания, прогнозы.

Бесстрастной фотографией всего чемпионата служит турнирная таблица, полная цифр. Каждая из цифр скрывает за собой напряженное соревнование и является результатом упорного труда дружного коллектива мастеров.

Простой арифметический подсчет этих данных показывает, что наилучших показателей добились футболисты Центрального дома Красной Армии (ЦДКА). Они набрали 53 очка, одержали 20 побед, свели к ничьей 13 игр и проиграли лишь 3 матча. Нападающие армейских футболистов вбили 91 мяч, а защита пропустила лишь 31.

Коллектив ЦДКА в четвертый раз стал чемпионом СССР. Это несомненно первоклассная команда, ищущая и счастливо находящая новые формы игры.

Мы обратились к старшему тренеру команды, заслуженному мастеру спорта Борису Андреевичу Аркадьеву с просьбой поделиться мыслями об игре чемпиона и, в частности, о том новом, что применили армейские футболисты в нынешнем сезоне.

— Прежде всего,— сказал тов. Аркадьев,— хочется отметить более напряженный тренировочный режим. Еще весной, когда мы в Сухуми готовились к чемпионату, я собрал команду и заявил, что каждый из футболистов к этому сезону стал на год старше, а команда, таким образом, выросла на 11 лет.

Это заставило уделять большое внимание физической подготовленности футболистов, особенно осенью, к концу сезона. Таким образом, мы сумели правильно распределить свои силы вплоть до последнего матча.

Далее хочется отметить более коллективную, чем в прошлые годы, игру команды. Раньше легко было заметить одного или двух лидеров, особенно в нападении, которым все остальные футболисты подыгрывали. В нынешнем году этого не было. Мы добились игрового равенства. Оно и породило бо́льшую коллективность.

— В команду пришла молодежь?

— Да. Нам пришлось играть без Г. Федотова, И. Кочеткова, В. Боброва. Если в прошлом сезоне в коллективе выдвинулись А. Башашкин, М. Родин, Ю. Нырков, то в нынешнем прочно вошли в ряды мастеров вратарь В. Чанов, защитник А. Ерошин, полузащитник А. Петров и нападающие В. Чайчук и Б. Коверзнев.

Вместе с тем хочется сказать о высоких моральных качествах наших футболистов, их тяготении к коллективности, их волевых качествах. Мне кажется, здесь и надо искать объяснения нашим успехам. Футболисты ЦДКА воспитаны в духе советского патриотизма, в духе любви к Родине, к Советской Армии, честь которой они защищают на футбольных полях. Именно эти моральные качества помогли команде ЦДКА добиться победы в очень ответственных матчах.

— Что нового в тактике футбола?

— Нужно прежде всего сказать, что повысился темп соревнования. Быстрота стала отличительной чертой советского футбола. Игра в «одно касание», когда футболист, получив мяч, тут же передает его партнеру, перестала быть «новинкой». Многие команды теперь играют именно так. Это, в свою очередь, подняло технику исполнения различных приемов, ибо быстрота потребовала точного, я бы сказал безукоризненного, обращения с мячом.

И если раньше мы говорили о высоком темпе игры нескольких московских команд, то теперь следует отметить и южные коллективы, среди которых наибольшего успеха в этом смысле добились тбилисские спартаковцы. Быстрота помогла им победить опытных и сильных мастеров.

Новым можно считать также комбинационную игру защиты — игру, которой твердо придерживалась в нынешнем сезоне наша команда.

Есть коллективы, которые строят свою оборону на так называемой опеке, когда защитник следит только за одним нападающим и ведет себя в зависимости от его поведения. Такая система очень часто вынуждает защитника уходить от своих «оборонительных рубежей». И в этом сезоне можно было часто наблюдать картину, когда нападающие умышленно «уводили» за собой защитников то в глубину поля, то на его края.

Другие коллективы строят так называемую позиционную оборону, когда защитник ни при каких условиях не покидает своей зоны поля.

Команда ЦДКА применяла комбинационную систему, в которой сочетались и «опека» и зональная оборона, в зависимости от игровой ситуации. Я убежден, что именно эта практика дала нам возможность пропустить наименьшее количество мячей.

— Что еще нового применила команда ЦДКА?

— В этом году впервые наши защитники играли особо активно. Отражая атаки чужих форвардов, они одновременно были и сами зачинателями атак. Другими словами, из обороняющихся игроков они превращались в атакующих. Это выражалось, во-первых, в точном посыле своему партнеру выигранного мяча и, во-вторых,— в глубоких рейдах защитников к воротам противника. Очень часто это делал В. Чистохвалов. Он проходил с мячом почти до штрафной площадки.

Был такой случай: в матче с ереванским «Динамо» защитник Чистохвалов повел мяч от своих ворот. Наши нападающие, естественно, бросились вперед, а ереванцы, боясь, что Чистохвалов передаст мяч кому-нибудь из своих нападающих, отступали, прикрывая своих подопечных. Но Чистохвалов спокойно вошел в штрафную площадку и... вбил гол. Хотя этот случай можно считать исключительным, он все же ярко выражает тенденцию защитников участвовать в атаках, а иногда и организовывать их.

— Как вы расцениваете игру молодых команд?

— Нужно сказать, что этот сезон был очень напряженным. С одной стороны, участие 19 команд, а с другой — заметно выросший класс игры молодых коллективов осложнил борьбу за первое место. Тринадцать ничьих, которые сделала наша команда, сами говорят за себя. Следует отметить, что ЦДКА пришлось играть с напряжением не только против опытных столичных команд, но и против «Даугавы», ереванского «Динамо», тбилисского «Спартака», бакинского «Нефтяника».

Хорошее впечатление оставляют футболисты «Шахтера». Они не случайно завоевали право на игру в классе «А». Эта команда выросла и тактически и технически. Ее игра против московских динамовцев — прекрасное тому доказательство.

Заметных успехов добились спартаковцы Тбилиси и другие коллективы. Даже «Нефтяник», который занял в турнирной таблице последнее место, в осенних встречах показал себя как сильная, хорошо слаженная команда.

Все это говорит о несомненном росте спортивного мастерства наших футболистов. Класс игры поднялся не только у лидирующих команд, но и у всех без исключения молодых коллективов. Очень отрадно, что молодежь не придерживается установленных тактических «рецептов», не копирует приемов чемпионов, а ставит перед собой новые задачи и, как видите, часто хорошо их решает.

Постоянные творческие искания, спортивное беспокойство, волевая настойчивость — вот те отличительные черты, которые дают возможность нашим спортсменам из года в год повышать класс советского футбола.

Команда Центрального дома Красной Армии — чемпион СССР по футболу в 1950 году.
Фото В. Захарова

Бережки

Бор. ЕГОРОВ, Ян ПОЛИЩУК

Среди немногочисленных белых пятен, еще остающихся на карте, эта неосвоенная часть суши занимает самое скромное место. Даже в сильнейшие лупы нельзя рассмотреть его туфелеобразные очертания. В то время как мужественные землепроходцы стирают своими подошвами остатки белых пятен, в то время как разведчики недр набивают свои рюкзаки новыми образцами антрацита, колчедана и пемзы, здесь все продолжало носить следы девонского периода. По красноватым барханам пробегал шаловливый ветер, покорно кивали головами бурые репейники, и только лишь консервные банки с привлекательной надписью «Судак в томате» напоминали о более поздних эпохах.

Небольшой пустырь, называемый местными старожилами Бережками, прилепился около городской школы № 2. Школа находилась в Нижнереченском районе; «Гастроном», напротив, подчинялся Верхнереченскому, а затесавшаяся между этими учреждениями пограничная территория Бережки пользовалась автономией.

— Это ужас! Это прямо кошмар! — декламировала Серафима Михайловна, глядя на густо напудренные кирпичной пылью ботинки сына. — Сколько раз тебе говорила: не ходи на эти, как их, Бережки! Вчера штаны порвал, на прошлой неделе чулки распустил. Это ужас! Это кошмар!

Коля, сын председателя Верхнереченского райисполкома, с достоинством оглядывал свою внешность и дипломатично молчал.

— И опять ты с этим Петькой Мовчуном носился... Гриша, ну, прими же меры, — раскрыла она дверь в столовую, где ее супруг разделывался со вторым блюдом запоздалого обеда.

Григорий Степанович был настроен благодушно. После затянувшегося заседания хотелось предаться приятным мыслям, подумать о своих успехах. Глава Верхнереченского района пользовался уважением среди сограждан. Его заботы были широки и разносторонни. Они чувствовались и в том, что сад, прилегающий к зданию райсовета, буквально процветал, и в том, что местная крупорушка заняла первенство в городе по выходу пшена, и в том, что артели производили такое количество футболок, каким можно обмундировать все футбольные команды в области, включая дубли.

И, пожалуй, не было большего патриота своего района, чем Григорий Степанович. Приятно было послушать, как председатель исполкома с привычным гонорком говорил:

— Наш райплан, наш райпромтрест, наш райпищеторг...

Словом, наш рай...

И хотя нелегко было организовать производство ведер и леек для подсобных хозяйств, Григорий Степанович отказался от услуг соседнего района, где издревле был налажен жестяночно-скобяной промысел. И никто другой не мог выпросить на сессии горсовета столько ассигнований для своего района, как Григорий Степанович!

Размаху и деловитости его мог бы позавидовать любой работник республиканского масштаба. Эта деятельность съедала три четверти суток. И лишь поздно вечером, запыхавшись, Григорий Степанович садился за обед, бросая на ходу вопрос жене:

— Что у тебя новенького?

...Жалобы супруги прервали плавный ход мыслей.

Григорий Степанович сделал строгое лицо и измерил Кольку пронизывающим взглядом:

— Ай-яй-яй! Ну, на кого ты похож? Вечно тебя этот Мовчун водит по Бережкам. И отец у него — тоже гусь лапчатый. Не может благоустроить территорию, где бегает его сын. Нет, пора этому положить конец!.. Сейчас я ему скажу несколько ласковых слов...

Он порывисто встал и схватился за трубку телефона.

— Дайте председателя Нижнереченского... Мовчун? Ну когда в тебе совесть проснется?.. Ты своего сына сегодня распекал?.. Грязный пришел? Так я и знал! А все сам виноват.

— Что?! — удивленно загудело в трубке.

— Не впервой я тебе говорю: когда ты приведешь в божеский вид свои Бережки?

— Да ты, голубчик, нахал! Они же в твоем районе.

— Э-э! — сказал Григорий Степанович.

— Э-э! — ответил Мовчун. — Ты хозяин Бережков. В прошлом году кто оттуда три тополя выкопал? Ты. Ну и продолжай распоряжаться!

— Не, не! — кипятился Григорий Степанович. — Да ты своих границ не знаешь. Ты там сто лет не был. От водокачки Бережки направо? А чье это хозяйство? Твое, Мовчуна...

— Ты, Григорий Степанович, все Бережки раскопал, трубы там какие-то прокладывал к реке...

— Вот так так! — возмутился Григорий Степанович. — А сколько ты попрекал меня, что я, мол, трубы не закапываю? И правильно попрекал: ты там хозяин. А кто туда битый кирпич возил? Опять ты. Ты возил, а мне убирать...

И Григорий Степанович рассмеялся, довольный солидностью своих доказательств. Этот смех, как казалось ему, должен был окончательно обезоружить Мовчуна. Смех у Григория Степановича был особый, его сразу можно было отличить, если даже рядом хохотала целая толпа. Так смеяться может человек, у которого дела всегда идут хорошо.

— В общем я жду от тебя самых решительных действий, — категорически подчеркнул Григорий Степанович и, не дожидаясь ответа, бросил трубку на рычаг.

Вскоре Григорий Степанович окончательно уверился в силе своего воздействия. Секретарь исполкома сообщил ему, что на Бережках заметно необычное оживление.

— Ага, проняло!..

Следующая оперативная сводка поступила от тещи, завернувшей на воскресный чай. Она жила недалеко от водокачки, и благоустроительная эпопея развертывалась у нее на глазах.

— Ям накопали!.. Народу сколько пришло!.. Я все с горки смотрела...

Григорий Степанович не раз порывался освидетельствовать спорное доселе место, но его на несколько дней отвлекла подготовка к докладу о развитии водопроводного хозяйства. Может быть, он и не сумел бы так скоро выбраться на Бережки, если бы не письмо, которое ему подали с утренней почтой.

Небольшой квадратик меловой бумаги с причудливо напечатанным на машинке бордюрчиком из знаков «§» приглашал председателя Верхнереченского исполкома на открытие нового сквера.

...Около ажурной деревянной арки с традиционной надписью «Добро пожаловать!» толпились гости. Но пожаловать было еще нельзя: до открытия оставалось полчаса. Приглашенные вытягивали шеи и заглядывали через изгородь на цветочные клумбы.

На газонах не было еще буйной поросли тимофеевки, но предупреждающие таблички «По газонам ходить и лежать воспрещается» говорили о том, что дело поставлено на широкую ногу. Вдоль утрамбованных кирпичным порошком аллей стояли стройные липки. Им в перспективе предстояло развиться в мощные, развесистые древонасаждения. Через каждые десять шагов белые фанерные щиты взывали: «Товарищ! Бери шефство над деревьями!» И хотелось, не теряя времени, тут же подойти и взять шефство. Но подойти опять-таки было нельзя. И только дошкольники, не дождавшись торжественного момента, уже сооружали в песочном ящике высотное здание.

Пробившись вперед, Григорий Степанович повстречался с Мовчуном. Старые соперники любовно посмотрели друг на друга.

— Поздравляю, поздравляю! — с чувством сказал Григорий Степанович, пожимая руку главы соседнего района. — Я так и думал, ты справишься. Вот что значит проявить инициативу, привлечь общественность!..

Мовчун отступил на шаг:

— Полно смеяться, Григорий Степанович! При чем тут я?.. Ваши заслуги, вам и почет!..

И вдруг на лицах собеседников изобразилось одинаковое вопросительное выражение.

— Как?! — вскричали они в один голос, показывая друг на друга пальцами. — Так это не ты?!

— Это мы! — раздался рядом звонкий многоголосый хор.

Впереди группы аккуратно приодетых пионеров стояли Коля и Петя. Не давая опомниться папам, они наперебой стали рассказывать о том, что до сих пор хранилось в тайне. Колька кричал громче всех и при каждом выкрике загибал пальцы:

— Шефов позвали — раз, кирпичи таскали — два, с Иван Ивановичем, директором нашим, в горсовет ходили — три...

— Сельхозтехникум дал цветы — четыре, — перебил своего друга Петька Мовчун. — А вы ничего не знали — пять...

Григорий Степанович тотчас нашелся:

— Значит, Верхнереченский район украсился новым сквером? Ура, ребята!

— Постойте «ура», — запротестовал Мовчун. — Почему же Верхнереченский?

— Ты что, опять спорить? — дискантом взвизгнул Григорий Степанович.

— Это наш район, — убеждал Мовчун. — Ты отсюда деревья выкапывал, а мы оберегали это место. Кто же хозяин?

Раздался обезоруживающий смех Григория Степановича:

— Да ты, голубчик, обнаглел! От водокачки Бережки направо? Чье это хозяйство? Наше.

— Э-э, — протянул Мовчун. — А кто туда битый кирпич возил? Мы. Ямы засыпали...

— Ой, Мовчун, нельзя же так! Трубы здесь чьи проложены? Мои...

Тонко запел пионерский горн. К калитке сквера с большим ключом подошел Иван Иванович. Спор глав двух районов был готов разгореться с новой силой. Но он был погашен не по годам серьезным заключением Коли:

— Не будем разбирать «твое-мое». Здесь надо подходить по-государственному!

Рисунок Г. Валька

Застывшая пена

По тропинке шел человек, который нес над головой большую изящную лодку. За ним с интересом следили на пляже.

— Вот так силач! — изумлялись многие.

Словно не замечая внимательных глаз, «силач» опустил ношу на землю. Его окружили, задавали вопросы. Он сказал, что прошел километр, но ничуть не устал: лодка не так тяжела, как кажется. Впрочем, в этом может убедиться каждый.

Какой-то юноша, недоверчиво ухватив руками лодку, к собственному удивлению, сразу поднял ее.

— Осторожно! — крикнули ему.— Уроните и разобьете!

— Лодка не ломается,— ответил хозяин.— Смотрите!

Он с силой швырнул лодку на камень. Отскочив, она шлепнулась в реку и зачерпнула воду.

— Пойдет ко дну!— воскликнул кто-то.

— Никогда,— возразил человек,— попробуйте ее утопить.

Охотников нашлось много. Они вывели лодку на глубокое место и, дружно взявшись за борт, толкали ее под воду. Но как только люди отпускали лодку, она выскакивала на поверхность.

Эта лодка сделана из пористой пенопластмассы, созданной лауреатами Сталинской премии инженерами А. А. Берлиным, Р. С. Амбарцумяном, А. А. Мойсеевым, В. В. Павловым, М. В. Соболевским, Ф. Х. Абель.

Материал, из которого построена лодка, в шесть раз легче дерева, в два раза легче пробки. В нем всего лишь пятнадцать процентов твердого вещества, образующего микроскопические соты, заполненные азотом. Каждый такой пузырек похож на двойную раму, предохраняющую помещение от холода. В слое толщиной в сантиметр десять тысяч подобных двойных рам. Они очень прочны и не пропускают холода, тепла, звуков.

Пластмасса выглядит, как застывшая пена. Сделанный из нее спасательный катер не потонет, если даже от удара получит пробоину. Пластины из такого материала поддерживают неводы и сети лучше пробки.

Кислота не растворяет нового пластика. Если на две — три минуты его опустить в кипяток, то он размягчается, и ему можно придать любую форму. Штампованный каблук, стелька, подошва из этого материала легче и прочнее, чем из пробки. Барельеф или узор, тисненный на пластмассе, постоянно сохраняет свои очертания. Пластмасса приклеенная к тонкому листу металла или фанеры, повышает его твердость в десятки раз. Она прекрасно изолирует электричество.

Обшивки стен для киноателье, радиостудий и изотермических вагонов, обувь, подкладка спецодежды, изоляторы для радиоприемников и многие другие изделия могут быть изготовлены из новой пластмассы советскими учеными.

Я. КОРШ

Среди американских безработных

— На что ему семь языков, когда и на своем нельзя свободно говорить?

Рис. А. Волкова («Вожык», Минск).

Польский юмор

Ниже печатаемые материалы были предоставлены в порядке дружеского сотрудничества коллективом польского юмористического журнала «Шпильки» немецкому юмористическому журналу «Дер фришер винд».

АМЕРИКАНСКИЕ РАЗГОВОРЫ

Поджигатель войны: «Как скучно живется людям в странах народной демократии! Во время войны они мечтают о мире, а теперь, когда есть мир, они опять думают о мире. Никакого у них разнообразия в жизни!»

* * *

В книжном магазине:

— Нет ли у вас интересной книги?

— Могу вам предложить Толстого «Войну и мир».

— Пожалуйста, только дайте одну войну...

— Я еще и старых не видел.

* * *

— Мне кажется,— говорит один бизнесмен другому,— что войны не будет...

— Прошу вас не заниматься деморализующими разговорами! — негодующе отвечает ему другой.

* * *

Признание американского политика: «Атом легче расщепить, чем фронт мира».

* * *

Несомненно, Ачесон — самый элегантный мужчина в Соединенных Штатах Америки. Даже самые грязные дела он проделывает в перчатках.

* * *

Разговор американских безработных:

— Видел ли ты новые десятидолларовые денежные знаки?

* * *

Америка — страна неограниченных возможностей. Там можно найти гангстеров на службе в полиции, а полицейских на службе у гангстеров.

* * *

ВО ФРАНЦИИ

— Что такое план Шумана?

— Это современная алхимия. Она пробует доказать Западной Европе, что из французской руды и немецкого угля можно делать американское золото.

* * *

Сторонник Жюля Мока: «Совершенно непонятно: почему поляки не разрешают нашим дипломатам вести у себя подпольную работу? Разве польские горняки много лет не вели и у нас работу под землей?

* * *

В большом парижском отеле солидный господин долгое время разговаривает по телефону-автомату.

Перед будкой образуется длинная, нетерпеливая очередь. Солидный господин в будке все время не произносит ни слова, а только утвердительно кивает головой.

Один из стоящих в очереди, не вытерпев, рвет к себе дверь и спрашивает:

— Когда вы, сударь, думаете окончить разговор? Битый час вы стоите у телефона и молчите!

Тогда солидный господин обретает, наконец, дар речи:

— Не мешайте мне, пожалуйста!.. — говорит он. — Я французский министр иностранных дел и беседую с американским послом по вопросам нашей внешней политики.

Обо всем

Теологи проповедуют противоречащее науке идеалистическое лжеучение, по которому все в мире идет якобы по предустановленным путям, все в природе устроено целесообразно и всякое развитие является осуществлением некоего целевого «замысла» всемирового разума, проще говоря, бога.

Однажды поэт Гейне, выведенный из терпения одним таким теологом, подладился под тон проповедника и сказал:

«Вы правы — природа создала быка, чтобы из него можно было делать вкусный бульон; она создала осла, чтобы человек имел перед собой вечный предмет для сравнения; она создала, наконец, человека, чтобы он вкушал бульон и не походил на осла».

* * *

Насколько огромными пространствами отделены звезды друг от друга, показывает такое сравнение: если во всей Европе будут летать только три пчелы, то пространство Европы все же будет наполнено пчелами гуще, чем мировое пространство звездами.

* * *

Если бы большинство зародышей многих животных и растений не погибало, то, развившись, они давно бы заполнили своими особями весь земной шар. Так, например, одно растение полыни дает свыше миллиона семян, рыба осетр в течение своей жизни производит 100 миллионов икринок, гриб-дождевик приносит сотни миллиардов спор.

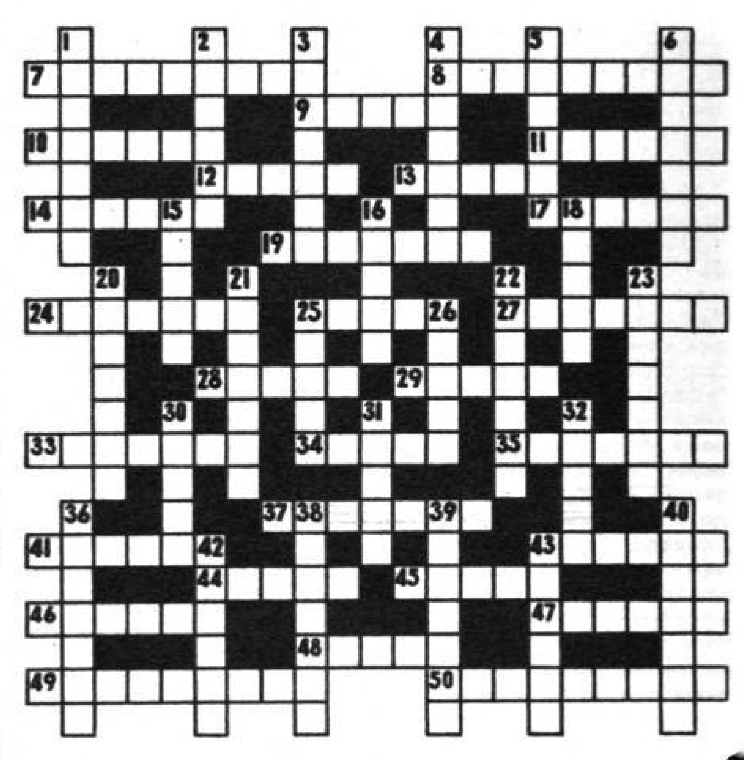
* * *

Жителям Севера случается наблюдать любопытное явление: выпавший вечером снег к утру вдруг становится «кровавым».

Объясняется такое явление тем, что ветер иногда вместе со снегом заносит несколько мельчайших одноклеточных водорослей красного цвета — первопузырников.

Это растение не боится холода и чрезвычайно быстро размножается на снегу. Несколько зародышей первопузырника за одну ночь могут закрыть поверхность снега на большой площади.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Празднование по случаю переселения на новое место. 8. Поэт-декабрист. 9. Машина для забивки свай. 10. Старинное военное судно. 11. Химический элемент — редкий металл. 12. Характер, душевный склад. 13. Советский писатель. 14. Ученая степень. 17. Уплата следуемого по обязательствам. 19. Южное дерево, особая порода вяза. 24. Вокальная пьеса. 25. Модель. 27. Сооружение для спортивных состязаний. 28. Время года. 29. Газ. 33. Художник из содружества Кукрыниксов. 34. Помпа. 35. Первая буква имени или фамилии. 37. Промышленное предприятие. 41. Французский писатель. 43. Кавказская пальма. 44. Главная артерия. 45. Резкий звук от сломавшегося предмета. 46. Лицо, читающее лекцию. 47. Химический элемент. 48. Дикая свинья. 49. Способ изготовления изделий. 50. Единица учета труда колхозников.

По вертикали:

1. Русский художник. 2. Отрезок, которому придано определенное направление. 3. Словарный состав языка. 4. Определение, выраженное в краткой и точной форме. 5. Единица земельной меры. 6. Советский поэт. 15. Водное пространство. 16. Озеро на Дальнем Востоке. 18. Приток Лены. 20. Мясо индюшки. 21. Известная певица. 22. Советская республика. 23. Тип автомобиля с закрытым кузовом. 25. Известный русский патриот XVII века. 26. Ледяная глыба. 30. Лучшие отборные экземпляры растений или животных. 31. Садовое растение. 32. Река в Европе. 36. Литературное произведение. 38. Самодвижущаяся тележка. 39. Башенные часы с музыкой. 40. Учение о сохранении здоровья. 42. Искусственное усыпление. 43. Особо сложенные снопы хлеба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

1. Перепись. 5. Кармелюк. 10. Гравер. 11. Вокзал. 14. Лесник. 15. Гарпун. 16. Диспут. 17. Карбон. 19. «Кармен». 20. Мастер. 24. Грязелечебница. 25. Художественный. 28. Гранат. 31. Сирень. 32. Правда. 35. Термин. 36. Щепкин. 37. Одесса. 40. Латвия. 41. Стекло. 42. Риторика. 43. Чаплыгин.

По вертикали:

1. Повилика. 2. Регистр. 3. Пианино. 4. Слет. 6. Анод. 7. Мозаика. 8. Лилипут. 9. Квартира. 12. Параллелепипед. 13. Путешественник. 18. Богдыхан. 21. Скамейка. 22. Язычок. 23. «Ундина». 26. Агитатор. 27. Ламантин. 29. Аэролит. 30. Авиатор. 33. Радикал. 34. Восторг. 38. Диск. 39. Утка.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ В № 42

ТОЛЩИНА АЙСБЕРГА

Вода, превращаясь в лед, увеличивается в объеме. Если принять плотность воды за единицу, то плотность льда будет составлять только 0,91. Это дает возможность определять толщину плавучей льдины.

Если ее высота над водой равна 10 метрам, то ее подводный слой в 9 раз толще, то есть 90 метров, а толщина всей льдины, следовательно, равна 100 метрам. Девять десятых массы айсберга находится под водой.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 07147. Подписано к печати 17/X 1950 г. Изд. № 664. 5¼ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2688. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

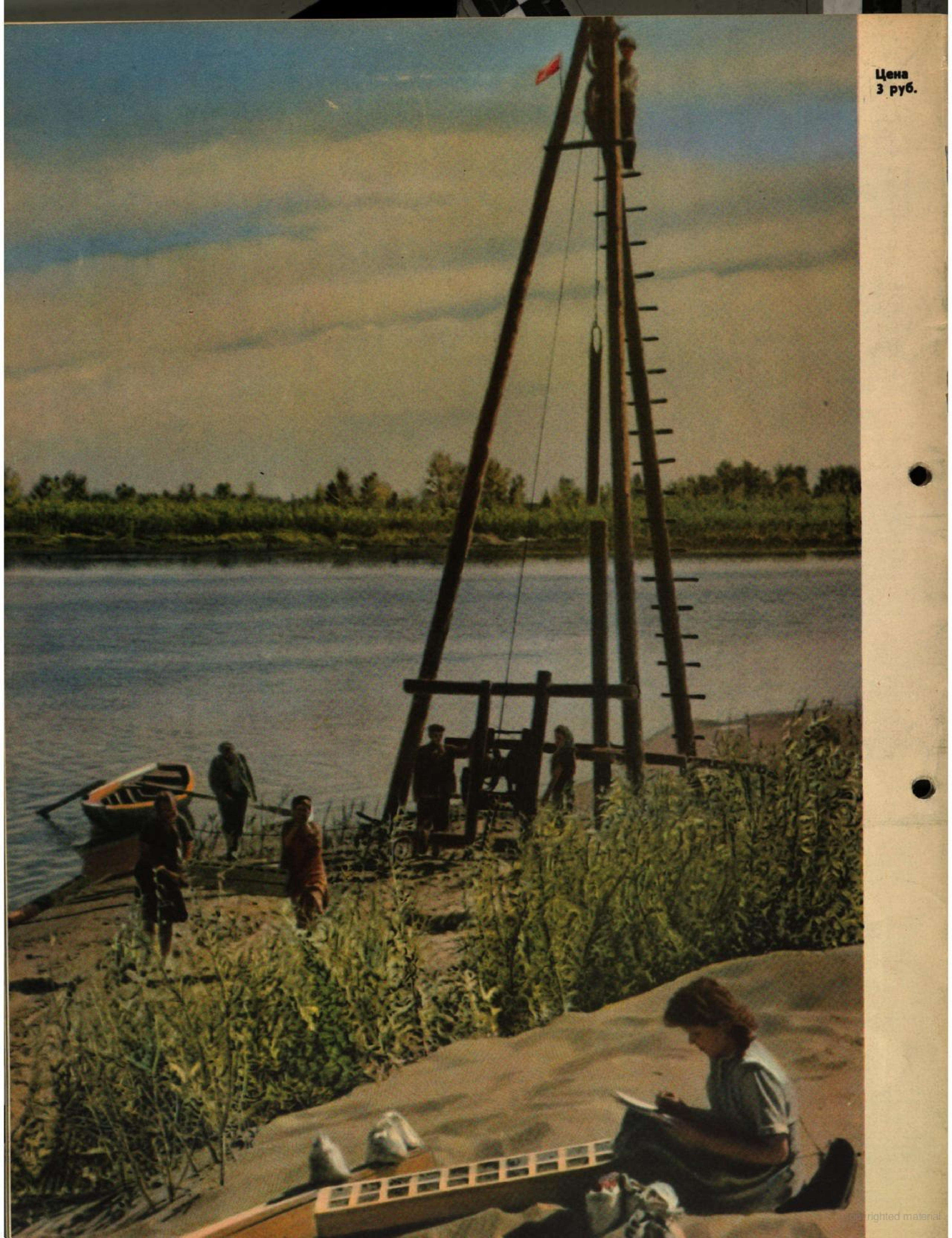

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ И БИБЛИОТЕЧНЫМИ КОЛЛЕКТОРАМИ КНИГОТОРГОВ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

1. Цена каждого тома БСЭ — 50 рублей.
2. При оформлении подписки вносится задаток в размере стоимости одного тома БСЭ, т. е. 50 рублей.
3. Выходящие из печати томы оплачиваются подписчиками в размере их стоимости. Задаток засчитывается при выдаче последнего тома (при предъявлении подписной квитанции).
4. Доставка томов БСЭ на дом и пересылка по почте оплачиваются подписчиком.
5. О перемене адреса подписчики извещают ту книготорговую организацию, откуда был получен последний том.

Государственное научное издательство БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ | *Управление оптовой книжной торговли Главполиграфиздата*

Цена
3 руб.